

Л.Р. Городецкий

**ПУЛЬСА ди-НУРА**  
**ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА:**  
ПОСЛЕДНИЙ ТЕРРОРИСТ БО

МОСКВА  
2018

## Оглавление

ББК 83.3 (о)9  
87.3(о)  
Г67

### Городецкий Л. Р.

Пульса ди-нура Осипа Мандельштама: последний террорист БО. М.: Таргум, 2018. – 160 с.

ISBN 978-5-9903304-2-9

В книге делается попытка понять поразительное событие московской зимы 1933/34 – создание и распространение О. Мандельштамом резкого антисталинского текста, т. н. Эпиграммы. Прослеживается «эсеровский» и «еврейский традиционный» генезис этой самоубийственной атаки на всесильного советского императора.

Подробно аргументируется гипотеза: текст Эпиграммы доставила в ОГПУ, в числе прочих осведомителей, «мастерица виноватых взоров» М. Петровых, возлюбленная поэта, сотрудничавшая с «органами».

Предпринимается попытка лингвистического анализа тёмных мест в тексте Эпиграммы. В частности, рассматривается «самиздатская» версия последней строки: «И раскосая грудь осетина» – ошибка ли это машинописного самиздата или почему-то не отмеченный исследователями авторский вариант?

Приложение «Стихи к джихаду» содержит семантический анализ ряда стихотворений и прозаических фрагментов, последовательно «отражающих» процесс психологической самоподготовки к «теракту» и психическое состояние поэта до и после «акции».

Автор использует некоторые новые, разработанные им самим техники анализа семантики текста. Многочисленные примеры нерешённых семантических задач вовлекают читателя в процесс расшифровки загадочных смыслов мандельштамовских «догадайся, почему»-текстов.

Автор книги в течение ряда лет вёл мандельштамоведческий семинар в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ). Им также опубликованы несколько монографий о лингвопоэтике и языковой картине мира О. Мандельштама.

По вопросам приобретения этого издания  
обращайтесь по телефонам:

+7-903-1147959, +7-903-7934471

ISBN 978-5-9903304-2-9

© Л. Городецкий, 2018

Сокращения и условные обозначения в тексте . . . . . 7

*Идеологическое предисловие.* Пульса ди-нура – еврейский боевой джихад «Я книгой был...». Претекст «книги жизни» Мандельштама: главные идеологические матрицы, управляющие статикой и динамикой его мира и его мифа . . . . . 9

*Глава 1.* Подготовка теракта. . . . . 20

- 1.1. До 1922 года. Связь с партией эсеров . . . . . 21
- 1.2. Осень 1921 (расстрел Гумилёва) – осень 1930 (Армения). «Заморозка своего времени» и возрастающая ностальгия по эсеровской юности . . . . . 31
- 1.3. Внутренняя перестройка как результат «путешествия в Армению». Психологическая «разморозка» и «выход на дорожку» боевой гражданственности . . . . . 36
- 1.4. Решение о теракте и психологическая самоподготовка 40
- 1.5. Выбор оружия . . . . . 45

*Глава 2.* Русский джихад Мандельштама: акция «информационной войны». Текст – современное оружие еврейского разночинца . 49

- 2.1. Текст – оружие теракта. Самоубийственный теракт – последний творческий акт, последний «акционистский перформанс» художника . . . . . 49
- 2.2. Попытка осуществления теракта и результирующая «катастрофа» . . . . . 51

Глава 3. Текст Эпиграммы: попытка прояснения некоторых «тёмных мест» . . . . .	59
3.1. Несколько общих замечаний . . . . .	59
3.2. Эскиз к образу Сталина в Эпиграмме . . . . .	60
3.3. Смыслы некоторых отдельных строк в Эпиграмме . . . . .	61
3.4. Эпиграмма, «Квартира» и «Преодолев затверженность...» – симультанные тексты . . . . .	71

Глава 4. Тиран милует и спасает Мастера-шахида: «Изолировать, но сохранить». Кто же всё-таки сдал Мастера? . . . . .	73
--	----

4.1. Мастерница сдаёт Мастера, но ОГПУ откладывает арест . . . . .	73
4.2. «Малый теракт» Мастера против совписа А. Толстого служит триггером ареста . . . . .	83
4.3. Арест, следствие, помилование . . . . .	88
4.4. Релаксация после «помилования»: раскаяние или примирение? . . . . .	89
4.5. Завершение сюжета: попытка примириться с объемлющим русским/советским миром и «жить, дыша и большевея» . . . . .	93

Приложение. «Стихи к джихаду» . . . . .	97
---	----

П1. «Кому зима – арак...» . . . . .	97
П2. Фрагмент «Четвертой прозы» и фрагмент «Армении». . . . .	101
П3. «Ночь на дворе...» . . . . .	113
П4. «Волк» . . . . .	115
П5. «Канцона». . . . .	120
П6. «Довольно кукситься...» . . . . .	122
П7. «К немецкой речи» . . . . .	127
П8. «Квартира» . . . . .	131
П9. «Преодолев затверженность природы...» . . . . .	132
П10. «Мастерица» . . . . .	133
П11. Обрывки «японской серенады» . . . . .	136

П12. «Твоим узким плечам...» . . . . .	137
П13. «Стансы» . . . . .	138
П14. «Бежит волна-волной...» . . . . .	154
П15. «Как землю где-нибудь небесный камень будит...» . . . . .	154

Список литературы . . . . .	157
-----------------------------	-----

## Сокращения и условные обозначения в тексте<sup>1</sup>

арам.	арамейский язык
асс.	ассоциация, ассоциативный
БО	боевая организация эсеровской партии
ВСТ	вербальный супертекст, объединение всех вербальных текстов и т. п.
ДК	«Довольно кукситься»
ЕМ	«Египетская марка»
ивр.	иврит
М	Мандельштам
мет.	консонантная и/или вокалическая метатеза
МИ	межъязыковая (иноязычная) интерференция. МИ, по умолчанию, считаются <b>немецкими</b>
НСО	принцип «непрерывности семантического отображения» <sup>2</sup>
ом., омон.	омоним
омогр.	«графическая + фоническая» связь словоформ
омоф.	омофон
ПА	«Путешествие в Армению»
пар.	пароним
подт.	подтекст
РД	«Разговор о Данте»
син.	синоним
ЧП	«Четвертая проза»
ШВ	«Шум времени»
эквиконс.	эквиконсонанты (слова с совпадающими наборами согласных)
ЯКМ	языковая картина мира

---

<sup>1</sup> Выделение жирным шрифтом везде моё. – Л. Г.

<sup>2</sup> См. эту технику подробно в монографии [3], п. 1.2.3.3 (а).

<b>Arab</b>	= арабизм/относящийся к арабскому/арабский язык
<b>Arm</b>	= то же для армянского языка
<b>Fr</b>	= галлицизм/относящийся к французскому/французский язык
<b>G</b>	= германизм/относящийся к немецкому/немецкий язык
<b>Gr</b>	= то же для греческого языка
<b>It</b>	= то же для итальянского языка
<b>Lat</b>	= то же для латинского языка
<b>Pol</b>	= то же для польского языка
<b>Ukr</b>	= то же для украинского языка
<b>Y</b>	= то же для идиша

Тексты Мандельштама (и их датировки) приводятся, по умолчанию, по изданию [1], см. Библиографию. Римск. I обозначает первый том этого издания, римск. II – второй том.

Выделение жирным шрифтом везде моё – Л. Г.

## Идеологическое предисловие<sup>1</sup>

Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран,  
замусолил,  
Время свое заморозил и крови горячей  
не пролил.

*О. Мандельштам.  
Армения (ноябрь 1930)*

Синьяк... звал в ясные лагеря, к зуавам,  
бурнусам и красным юбкам алжирок. ... я  
почувствовал дрожь новизны, как будто меня  
окликнули по имени. Мне показалось, будто  
я сменил копытообразную и пропыленную  
городскую обувь на легкие мусульманские  
чувяки. За всю мою долгую жизнь я видел не  
больше, чем шелковичный червь. К тому же  
легкость вторглась в мою жизнь, как всегда  
сухую и беспорядочную...

*О. Мандельштам.  
Путешествие в Армению (1931)*

Реджеб: Ты прими нашу веру обязательно, я  
тебе советую. Примешь – я за тебя выдам семь  
красавиц. Ты человек бедный, ты даже таких не  
видел. Одна лучше другой, семь звезд!  
Сталин: Как же мне жениться, когда у меня  
даже квартиры нет.  
Реджеб: Потом, когда все устроишь, тогда  
женим. Прими мусульманство.  
Сталин: Подумать надо.  
Реджеб: Обязательно подумай.

*М. Булгаков. Батум*

Цель этой работы – рассмотреть в едином ракурсе ряд разрозненных фрагментов «жизненного текста» Мандельштама и попытаться что-то понять в фантастической траектории его жизни в начале 1930-х, завершившейся «катастрофой» 1934 года.

<sup>1</sup> Ненавидящим всяческие идеологемы лучше сразу перейти к Основному тезису в конце Предисловия, чтобы не подвергнуться манипулятивному воздействию этих идеологем. Но дело в том, что вся экзистенция Мандельштама насквозь идеологична. Вот смешная, но точная иллюстрация в письме С. Рудакова из Воронежа (07.11.35): «О(сип) побрился – я ему сказал, что есть два человека, О(сип) Э(милевич) бритый и О(сип) Э(милевич) небритый.

*Пульса ди-нура* (арам. 'удар огня') в еврейской мистической традиции представляет собой следующее: человек или группа, войдя в состояние ментального напряжения, сосредоточенно на объекте, произносит определённый **текст**, в результате чего объект этой виртуальной атаки получает инсульт, впадает в кому и т. п.

Эпиграмма на Сталина<sup>2</sup>, созданная зимой 1933/34 г., рассматривалась Мандельштамом<sup>3</sup> как такого рода убийственный для Сталина «огненный удар»<sup>4</sup>, подробнее см. п. 3.1. А к самому действию создания этого текста поэтом, находившимся в это время в крайне напряжённом состоянии, может быть применён термин *джихад*<sup>5</sup>. Это слово, обладающее мощным пассионарным излучением, сейчас, в ряде ситуаций, конкурирует в русском языке с «замыленным» и теряющим свою былую энергетику словом *подвиг*<sup>6</sup>. В сегодняшнем узусе концепт и слово

А он добавил, что у них **разная идеология**» [19, с. 103]. Кроме того, многие тексты М откровенно манипулятивны, перформативны и т. п. Поэтому, чтобы что-то понять в этих текстах, часто необходимо действовать в «гравитационном поле» идеологического/философического дискурса.

<sup>2</sup> См. на обложке автограф этого текста, записанный Мандельштамом на допросе после ареста в мае 1934.

<sup>3</sup> Мандельштам наверняка не подозревал о существовании процедуры *пульса ди-нура*, но во многом он **неосознанно** следовал глубинной еврейской традиции, см. подробнее об этом в монографиях [31] и [3, п. 1.2.3].

<sup>4</sup> Ср. показания М на допросе 25.05.1934: «Этот <...> пасквиль, – в котором **сосредоточены огромной силы** социальный яд, политическая **ненависть**» [6, с. 47].

<sup>5</sup> Происходит из *джihad* – букв. араб. 'напряг, напряжение'. Семантическое поле *джиhaда* в исламской культуре включает, кроме прочего, психологическое состояние «освобождения», «лёгкости», «катарсиса», наступающее в процессе и в результате некоего напряжённого активного **действия**, в частности, интенсивной внутренней перестройки.

<sup>6</sup> Вот, например, заголовок репортажа (сетевая пресса, октябрь 2014) о взятии Донецкого аэропорта отрядом русских ополченцев во главе с полевым командиром Моторолой: «**Большой Джихад**» Моторола». А прямо сейчас (сентябрь 2017) на федеральном телеканале «Россия» «умеренный» политолог (С. Станкевич) говорит о попытке (П. Порошенко) «объявить евроатлантический **джихад**»; в эфире одной московской FM-радиостанции обсуждается феномен «православного **джихадизма**», а в эфире другой – ведущий (С. Доренко) заявляет: «Православный **шахидизм** вот-вот на пороге... Если вы этого не видите, вы “живете, под собою не чужа страны”!»

*джихад*<sup>7</sup> лучше, чем *подвиг*, передаёт состояние и поступки Мандельштама в начале 1930-х<sup>8</sup>.

Представляется верным и более общее утверждение: исламская картина мира<sup>9</sup>, с её (пусть иллюзорными!) свободой, **новизной, лёгкостью** (см. эпиграф) и простотой, сделалась для Мандельштама аттрактивной<sup>10</sup> именно в том напряжённом состоянии «экзистенциального вакуума» и необходимости «возврата» к корням и идеалам юности, в котором он ощущал себя к началу 1930-х<sup>11</sup>. Вскоре после Армении он скажет: «Здравствуй, могучий некрещеный позвоночник, с которым проживем не век, не два!»<sup>12</sup>. Этот же образ исламского медиативного «по-

<sup>7</sup> Которые мы здесь применяем как «**рабочую метафору**», другими словами, как **модель ситуации**, позволяющую лучше понять, что происходит.

<sup>8</sup> Даже при том, что семантика русского слова *подвиг* включает смысл «движения», динамики, исключительно важный для «случая Мандельштама».

<sup>9</sup> Может быть, лучше сказать: вообще «восточная» (т. е. совершенно не европейская!) картина мира, включающая исламскую (в частности, персидскую) и традиционную еврейскую как частные случаи. Эту «восточность» М мощно ощутил в восточно-христианской Армении.

<sup>10</sup> Д. Фролов пишет [1, с. 424–434]: «Восток выступает как образ, дающий **модель осмысления** происходящего с самим поэтом <...>. Восток оказывается символом **преданности своим корням, своим идеалам** <...>. Обращает на себя внимание разительное несовпадение в трактовке Востока между “Четвертой прозой” и “Путешествием в Армению”. От чувства затравленности в первом произведении поэт уходит в **свободный** и красочный мир...». Добавим: уходит по волшебному «библейскому» мосту, которым оказалась для него восточно-христианская Армения.

<sup>11</sup> Эти ощущения отражены в целом ряде высказываний М, например: «Я трамвайная вишенка страшной поры и не знаю, зачем я живу» (1931).

<sup>12</sup> Стих. «Сегодня можно снять декалькомани...» (июль 1931 г.). Заметим, что «позвоночник» здесь – отнюдь не только деталь поразившей М спины «татарского» гастарбайтера в Москве. У М «позвоночник» – это метонимия «связи времен», интерфейса между прошлым, настоящим и будущим. Поэту здесь, как представляется, выходит на поверхность глубинная рефлексия М об исламе, **новизна, свобода и лёгкость** которого позволят, возможно, «склеить двух столетий позвонки» в России и, шире, в Европе. Это один из поразительных инсайтов «позднего» Мандельштама. Видимо, сюда же относится фрагментарная запись Мандельштама (1931–1932 гг.): «... тема отозвония и **подвига** [= джихада – Л. Г.]. Здесь **общее звено** между Востоком и Западом» [17, т. 3, с. 371]. Интересен в этом контексте неодобрительный пассаж в книге Н. Ваймана и М. Рувина: «...[“татарва”, “татарские спины”, “некрещеный позвоночник” – это] знак вполне ощутимого (и, может быть, осознанного) укло-

звоночника времени», скрывающего в себе могучего *джинна* музыки и поэзии, похоже, просвечивает в почти одновременно созданных строках: «Чтоб смолоу соната джина проступила из позвонков, Нюрнбергская есть пружина...»<sup>13</sup>.

Всё же, чтобы понять двигатели поведения Мандельштама в начале 1930-х, никаких идеологических генерализаций недостаточно: необходимо проследить последовательность порождённых им или усвоенных (*апроприированных*) им (что для него – то же самое) текстов, потому что для Мандельштама **текст – главная реальность мира**<sup>14</sup>.

Понятно, что подобного рода рассмотрения – это, по необходимости, системная реконструкция или некий паззл из «ситуативных моделей», или лучше сказать так: это паззл из мифов – разумеется, при соответствующем понимании «мифа» (как вида «рабочей метафоры»).

\* \* \*

**«Я книгой был...». Претекст «книги жизни» Мандельштама: главные идеологические матрицы, управляющие статикой и динамикой его мира и его мифа.**

на в сторону «консервативной, антилиберальной (антизападной) оппозиции» (см. «проекты» Флоренского, Лосева, Трубецкого); при этом Мандельштама, кажется, «зanosит» всё ближе к евразийской позиции «туранцев» (то есть «татарофилов» типа Н. Трубецкого). Поистине крутой историософский маршрут: в Москву через Рим, а дальше – в Евразию, к 'татарве' (в нынешнем контексте – **под ислам**)» [34, с. 188].

<sup>13</sup> Стих. «Рояль» (апрель 1931). Здесь «нюрнбергская пружина» – метонимия «течения времени» (в Нюрнберге придумали пружинные часы), которое позволит проявиться «медиативному позвоночнику (времени)» и всё поставит на свои места. Но главное здесь в том, что, по известной «восточной» (доисламской арабской и персидской) традиции, **поэт (или музыкант) носит в себе огненного джинна**, который, при некоторых условиях, может вырваться наружу и много чего опасного для окружающих (типа, например, «огненно-го удара» – *пульса ди-нура!*) наговорить. В. Микушевич в статье «Мандельштам и ислам» сообщает: «Согласно преданию, встретив поэта Зухайра, Мухаммад воскликнул: “О Аллах, охраняй меня от **сидящего в нем джинна**”» [30, с. 415].

<sup>14</sup> Подробнее об этой центральной идеологеме М см. ниже.

А. Главная «статическая» установка Мандельштама такова: Вербальный Супертекст (ВСТ) – это и есть настоящая реальность мира<sup>15</sup>. Создание же новых частей этого глобального Текста, а также рецепция, апроприация, модификация и симуляция частей, созданных другими, – это и есть реальная жизнедеятельность<sup>16</sup> в мире<sup>17</sup>.

<sup>15</sup> В частности, «пространство» есть, на самом деле, некое подмножество ВСТ, «чтива», ср. пассаж в «Путешествии в Армению»: «И как-то я увидел **пляску смерти** – брачный танец фосфорических букашек. <...> электрифицированные сумасшедшие поденки подмаргивают, дергаются и, вычеркивая, **пожирают черное чтиво настоящей минуты** [т. е. “пространство ночи” – Л. Г.]». Ср. ещё замечательное (в особенности для латиниста) высказывание в «набросках»: «Горизонт дан в форме герундивума» [Вокруг «Путешествия в Армению». Алагез]. Ср. ещё в очерке «Яхонтов»: «Слово для Яхонтова – это второе **пространство**... Яхонтов движется в **слове, как в пространстве**» [26, с. 460–461].

<sup>16</sup> Ср. программный пассаж в ШВ: «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел [или сочинил – Л. Г.], – и биография готова».

<sup>17</sup> Ср. в ПА, там же: «...наша деятельность превратится в такую же сигнальную свистопляску, если мы не оставим после себя **вещественных доказательств бытия** [т. е. осмысленных модификаций ВСТ – Л. Г.]». Поэтому, например, отказ от своего текста (своего стиля и т. п.), т. е. его «убийство» (ср. амер. журналистский сленг: «to kill the text»), эквивалентен самоубийству генератора текста. Вот «проявление» этой установки у М (ПА, гл. Москва): «Один писатель принес публично покаяние в том, что был орнаменталистом или старался <...>. Мне кажется, ему уготовано место в седьмом кругу дантовского ада [где отбывают наказание самоубийцы – Л. Г.], где вырос кровотокащий терновый куст. И когда какой-нибудь турист из любопытства отломит веточку **этого самоубийцы**...». Если отказ от созданного текста есть самоубийство, то и уничтожение любого фрагмента текста поэта является уничтожением части его жизни. Поэтому вполне макабрической является сцена из мемуаров Н. Мандельштам, в которой она (с санкции Ахматовой) бросает в огненную печь не понравившийся ей стих М «о канале» [28, т. 1, с. 392]. Ещё манифестация у М той же идеологии: летом 1937 г. Мандельштам сказал в ответ на сообщение знакомой об аресте Д. Жуковского якобы «за стихи Волошина»: «Так ему и надо – Макс плохой поэт», см. [2, с. 211]. Эта вроде бы совершенно неадекватная реакция объясняется тем, что для Мандельштама в центре мироздания – отнюдь не **человек, а текст**, человеком генерируемый, распространяемый и т. п. Если этот текст «плохой», то и его генератор-распространитель – это «плохой парень», достойный наказания и т. д. Смешную, но психологически точную иллюстрацию работы этой же установки приводит Н. Мандельштам: «По-моему, самый факт измены значил для него гораздо меньше, чем “изменнические стихи”» [28, т. 2, с. 259].



Б. Одновременно, главная «динамическая» установка Мандельштама следующая: «динамическая реальность» мира – это симуляция, **метафора**, работающая, прежде всего, на пространстве упомянутого Вербального Супертекста (ВСТ)<sup>18</sup>. Другими словами, ВСТ управляется и порождается/модифицируется **метафорой**. Но и весь окружающий «физический мир» – это **иконическая метафора** к ВСТ, т. е. к реальному «текстуальному» миру<sup>19</sup>; иначе говоря, окружающий мир есть (в этой системе координат) не более чем неявная симуляция ВСТ, и мы как бы «активируем» эту симуляцию нашей **текстуальной метафоризацией** и т. д.<sup>20</sup> Об этой «активации», похоже, говорит М и в своём «восьмистишии», созданном в конце 1933 г.: «...Он опыт из лепета лепит и лепет из опыта пьет»<sup>21</sup>.

Важно сразу отметить, что симулятивность Мандельштама не есть в полной мере «подражательность» (миметичность), хотя он сам часто говорил о своей склонности к «подражанию»<sup>22</sup>.

<sup>18</sup> Для М метафора – это динамический оператор на ВСТ. Без метафор ВСТ – это статическое, без-операторное, не-креативное, «холодное бесполое пространство»: ВСТ «оживляется», «креативизируется» метафорой, «интертекстуальным» отображением и т. п.

<sup>19</sup> Вот пассаж из набросков к РД: «Я сравниваю – значит, я живу, – мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо **само бытие есть – сравнение**» [23, с. 406].

<sup>20</sup> Представляется, что к этой идеологеме имеет отношение высказывание М в письме М. Шагинян (от 05.04.33): «**Материальный мир – действительность – не есть нечто данное, но рождается вместе с нами. Для того, чтобы данность стала действительностью, нужно ее в буквальном смысле слова воскресить. Это-то и есть наука, это-то и есть искусство**» [15, с. 149]. Сюда же относится, видимо, и высказывание М на своем вечере в Клубе художников (03.04.33), зафиксированное в воспоминаниях Л. Горнунга: «Перед чтением Осип Эмильевич сказал довольно странную, во всяком случае, экстравагантную речь о реализме, о **глазе художника. Он сказал, что никто не может быть реалистом, что действительности как данности нет, есть действительность как искомое, как проблема**», [цит. по: 2, с. 411].

<sup>21</sup> О связи этого «восьмистишия» с рассматриваемым кластером идеологем фактически (в других формулировках) говорил Л. Видгоф в [2, с. 399–415]. Там же Видгоф говорит о воздействии на М «иудаистической составляющей» идеологии А. Бергсона, на что, впрочем, эксплицитно указал и сам Мандельштам.

<sup>22</sup> «Я забыл ненужное “я”» («Отчего душа...», 1911); «И снова скальд **чую** песню сложит / И, как свою, ее произнесет»; «я учусь у всех – даже у

Если уж набрасывать «сетку греческих понятий» (выражение С. Аверинцева) на этот, по преимуществу еврейский<sup>23</sup>, ментальный феномен, то здесь имеет место установка, скорее, не на *мимесис* (подражание), а на *семиозис*<sup>24</sup> (порождение нового смысла в процессе сравнения, имитации, *мимесиса*)<sup>25</sup>.

Бенедикта Лившица», – сказал Мандельштам» [28, т. 2, с. 104]. В 10-й главе РД Мандельштам говорит о Данте (и, разумеется, о себе): «Секрет его емкости в том, что **ни единого словечка он не привносит от себя**. Им движет все что угодно, только не выдумка, только не изобретательство. Дант и фантазия – да ведь это несовместимо!.. <...> Какая у него фантазия? Он пишет под диктовку, он переписчик, он переводчик... <...> письмо под диктовку, **списыванье, копированье**».

<sup>23</sup> Ср. частотное и рутинное выражение в Талмуде, применяемое, когда нужно понять «значение» (смысл) рассматриваемого объекта (предмета, ситуации, высказывания и т. п.): *heyxe dame?* = арам. «**на что это похоже?**», после чего создаётся «рабочая метафора», улучшающая понимание объекта. Эта традиционная еврейская (она же мандельштамовская) **установка на симулятивность/имитационность** часто вызывала неприятие и неприязнь у «других»: с точки зрения «европейского» (христианского) мира, это «симулякризация» действительности, замена «реальных вещей» текстуальными симулякрами, приводящая к **тотальной семиотизации бытия** вплоть до обретения знаковой сферой статуса единственной и самодостаточной реальности» (Википедия). Иоанн Златоуст («Против иудеев», 386–387 гг.): «Иудеи скорее **играют**, чем служат Богу». С. Рудаков в письме из Воронежа (02.11.35) неодобрительно высказывается об этом «постмодернистском» (выражаясь современными терминами) свойстве дискурса М: «И тут проклятое его фонбаронство: во всем видеть фабулу, **фабульность своей судьбы**» [7, с. 107]. А вот относительно недавнее высказывание дьякона Кураева в эфире московской FM-радиостанции: «сегодня Прощёное воскресенье, Чистый понедельник – день **фарисея** [а «фарисеи» – это ведь и есть евреи par excellence! – Л. Г.], потому что происходит **имитация** просьбы о прощении».

<sup>24</sup> В сущности, о проявлении феномена семиозиса в творчестве М писал Б. Лившиц в статье «В цитадели революционного слова» (Харьков, лето 1919 г.): «в стихах Мандельштама мы встречаем целые строки из других поэтов; и это не досадная случайность, не бессознательное заимствование, но своеобразный **прием поэта, положившего себе целью заставить чужие стихи звучать по-иному, по-своему**».

<sup>25</sup> Сам М писал об этой своей установке так: «Изобретение и воспоминание идут в поэзии рука об руку, **вспомнить – значит тоже изобрести**» (очерк «Литературная Москва», 1922). Об этом же пишет Э. Герштейн: «Мандельштам не подражатель и не отголосок, он работал сравнениями, а не подобиями, от-талкиваниями, а не слияниями» [7, с. 445]. Фактически об этом же феномене у Мандельштама еще раньше писал В. Жирмунский в известной статье «Прео-



Идеология «текстуальности/симулятивности» (Мир = Текст + Метафора) проявляется, в частности, в резко выраженной **перформативности** текстов Мандельштама 1930-х гг.: текст или «каузирует» (вызывает, активизирует) некоторое действие («акцию», «перформанс», «коммуникативный акт» и т. п.) или сам является тем актом, который в нем описывается<sup>26</sup>.

Более подробно о мандельштамовских идеологических матрицах, об идеологии «текстуальности/симулятивности» у Мандельштама и её **еврейских** (традиционных) корнях<sup>27</sup> см. [3, п. 1.2.3].

Отметим, что эта идеология была в общих чертах намечена самим Мандельштамом ещё в ранней программной статье «Утро акмеизма» (1912)<sup>28</sup> и устойчиво проявлялась в ряде его высказываний на протяжении всей дальнейшей жизни<sup>29</sup>.

долевшие акмеизм»: «Он [М] делает понятными чужие песни, пересказывает чужие сны, творческим синтезом воспроизводит чужое, художественно уже сложившееся восприятие жизни».

<sup>26</sup> Ср. неодобрительное высказывание М о текстах Пастернака (фрагментарные записи 1931–1932 гг.): «К кому он [Пастернак] обращается? К людям, которые **никогда ничего не совершат**... Читатель его – тот послушает и победит... в концерт» [17, т. 3, с. 371]. Сам же Мандельштам в это время, наоборот, хочет побудить своих читателей совершать какие-то активные (**гражданские!**) поступки. Феномен повышенной перформативности и коммуникативности у «позднего» Мандельштама отмечал ещё Ю. Левин в работах 1970-х гг. Позднего М можно, конечно, сравнить с современными «акционистами», но есть серьёзнейшее и судьбоносное отличие: для современных акционистов их акции являются (отнюдь не фатальными) **символами** чего-то (например, акционист Павленский, что-то сделал с дверью ФСБ на Лубянке, потребовал, чтобы его судили за терроризм!). В то время как для М текстуальный перформанс (например, в Эпиграмме) – это **не символ** теракта, а **реальный** теракт, то, что Пастернак назвал «полной гибелью всерьёз» и т. д.

<sup>27</sup> Ведь вся еврейская диаспоральная цивилизация есть, в сущности, «цивилизация Текста и Метафоры!»

<sup>28</sup> Вот фрагмент этого текста: «Мироощущение для художника орудие и средство [типа “рабочей метафоры” – Л. Г.], как молоток в руках каменщика, и **единозначно реальное – это само произведение**».

<sup>29</sup> Вот ещё подтверждающий эту идеологию М фрагмент из мемуаров Н. Мандельштам: «В.Ш. упрекал О.М. в том, что он познает солнце не непосредственно (как Золя!), а через посредство книг. “Вторичность восприятия” – ска-

## ОСНОВНОЙ ТЕЗИС

**ОГПУ-НКВД были «правы» (действовали в рамках закона)<sup>30</sup>, арестовав Мандельштама в мае 1934 г. по обвинению в террористической деятельности<sup>31</sup>, потому что зимой 1933/34 гг. он сознательно совершил государственное преступление<sup>32</sup> – теракт против Сталина<sup>33</sup>. Это была, в сущности, хо-**

зал бы В.Ш., но не сумел сформулировать. О.М. не возражал – он никогда не спорил с теми, кто делал ему глубокомысленные замечания, только сказал – **“и книги – это кусок природы”**» [28, т. 2, с. 988]. Н. Мандельштам говорит здесь о статье В. Шкловского в «Литгазете» от 17.07.32 с названием «О людях, которые идут по одной и той же дороге и об этом не знают», в которой он пишет: «Прочтите Золя, Мандельштам! Поймите, как стремились передать люди солнце. Сколько стоит солнце на картине. Разве картины делаются для того, чтобы ими компрометировать солнце? Это вы сами в сетчатом мешке, в клетке, в в[о]льер[е] с сетками. **Сетками от вас отделен мир. И за этой сеткой сидит с несколькими немногими книгами друг мой...**», цит. по [33, с. 367].

<sup>30</sup> Приведём вполне характерное для середины 1930-х высказывание «государственника» Нарбута (бывшего акмеиста): «С его [Нарбута] точки зрения, нельзя было не сослать О.М.: “Должно же государство защищаться? Что же будет иначе – ты пойми”» [4, с. 89]. Н. Мандельштам в мемуарах приводит также высказывание Лиды Багрицкой, выражающее отношение к аресту М широкого слоя советской «образованщины»: «Когда забрали Осипа Эмильевича, **одни были против, другие считали, что так и нужно**. А теперь что? Своих забирают!» [28, с. 103].

<sup>31</sup> «В начале следствия, как заметил О.М., следователь держался гораздо агрессивнее, чем под конец. Он даже перестал **квалифицировать написание стихотворения как террористический акт** [а сначала, значит, квалифицировал как теракт! – Л. Г.] и угрожать расстрелом. Вначале же он угрожал расстрелом не только автору, но и “всем сообщникам”, то есть людям, выслушавшим эти стихи» [4, с. 77].

<sup>32</sup> Уместно здесь отметить, что «власти» вплоть до 1987 г. считали, что М в 1934 г. совершил государственное преступление. Ср.: «В начале июня 1956 г. Н.М. направила в Прокуратуру СССР заявление с просьбой о реабилитации О.М. по делу 1934 г. Однако 24 октября того же года она получила ответ, что “жалоба” её “оставлена без удовлетворения”, т. к. **“вина Мандельштама доказана, осужден он правильно и нет оснований для пересмотра”**... Окончательно реабилитирован О.М. был только в 1987 г.» [28, т. 1, с. 584] и [6, с. 174–175].

<sup>33</sup> В этом же смысле были «правы» петроградские чекисты, уничтожая Николая Гумилёва, «старшего друга» Мандельштама, в августе 1921 г.: ведь он также совершил «государственное преступление» против власти. Правда, преступление Мандельштама было гораздо тяжелее, ведь это было прямое покушение на «царя!» Отметим, что сам М пишет в обращении в Секретариат ССП

рошо подготовленная «симуляция» теракта эсеровской БО<sup>34</sup>, но оружием теракта и «виртуальным пространством его осуществления» был текст, что вполне нормально для «казуса Мандельштама»<sup>35</sup>.

Другими словами, Мандельштам атаковал Сталина в виртуальном пространстве текста, которое было для него главной реальностью<sup>36</sup>. Мандельштам симулирует в виртуальном про-

---

(30.04.37): «Я со всей беспощадностью охарактеризовал своё политическое преступление, а не “ошибку”, приведшее меня к адмвысылке» [6, с. 71].

<sup>34</sup> Е. Тоддес писал: «Это был выход непосредственно в биографию, даже в политическое действие (сравнимое, с точки зрения биографической, с предполагавшимся участием юного Мандельштама в акциях террористов-эсеров). Тяга к внеэстетическим сферам, устойчиво свойственная Мандельштаму, какой бы герметический характер ни принимала его лирика, в условиях 30-х годов разрешилась биографической катастрофой» [5, с. 199], цит. по [6, с. 31]. Уместно высказать гипотезу, что непосредственным «объектом симуляции» был «образ и перформанс» И. Каляева, взорвавшего в Кремле в феврале 1905 г. великого князя Сергея Романова и казнённого в мае 1905 г. И. Каляев, писавший «гражданские» стихи, стал для «демократической общественности» канонизированным иконическим архетипом «поэта-террориста». О нём с подчеркнутым уважением писал в «Воспоминаниях террориста» его друг Б. Савинков, сам ставший на долгое время объектом преклонения молодого Мандельштама, см. ниже. Этот текст Савинкова публиковался в 1917 г. и в 1928 г. и был, разумеется, прочитан Мандельштамом. Присутствию Каляева в «оперативной памяти» М способствовала и его государственная канонизация в Советской России, начиная с 1918 г., когда ему ставились памятники и его именем назывались улицы. Воздействие «мифа Каляева» на идеологию М и результирующие «идеологические пересечения» требуют отдельного рассматривания.

<sup>35</sup> Добавим: и не только Мандельштама. Вот фрагмент из показаний Бенедикта Лившица, близкого знакомого М, на допросе в НКВД (в 1938 г.): «Призывом к террору были стихи Мандельштама, направленные против Сталина, а также те аналогии, которые я проводил, сравнивая наши годы с 1793 годом и Сталина с Робеспьером», см. Шнейдерман Э. Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1 [цит. по 6, с. 75]. Замечательно, что и для подследственного, и для следователя совершенно естественно, что метафоры в соответствующем тексте – это мощное оружие, несанкционированное использование которого карается высшей мерой наказания, которая и была применена к Лившицу, а должному применению её к М помешал Сталин из соображений, недоступных рядовым сотрудникам ОГПУ-НКВД.

<sup>36</sup> Т. е. это был, выражаясь сегодняшними терминами, акт «информационной войны» (см. чуть подробнее в 2.1). За несколько лет до теракта Мандельштама Маяковский сказал: «И песня и стих – это бомба и знамя». Но Маяковский, не отличавшийся излишним бесстрашием, предпочитал бросать свои

странстве акцию эсеровского боевика<sup>37</sup>.

Важно ещё раз подчеркнуть, что для М «симуляция теракта» – это не *фейк*, не (само)обман, а реальность (истинность) какого-то более высокого уровня<sup>38</sup>. Поэтому, если для внешнего наблюдателя это выглядело «всего лишь» текстуальной симуляцией (имитационной метафорой) БО-акции, то для М – повторим это ещё раз – главная реальность заключалась и совершалась именно в пространстве Текста.

---

Аргументация построена так: тезисно реконструируются релевантные для обсуждаемого контекста узловые точки жизненной и психологической траектории Мандельштама и приводятся его тексты, подтверждающие и отражающие эти реконструкции<sup>39</sup>.

---

бомбы не в представителей власти, как это делали эсеровские *шахиды*, а более безопасным для «горлана-главаря» способом: во «врагов» власти. Н. Мандельштам сообщает: «Самый факт написания стихов Христофорыч [следователь] называл “акцией” [вокабуляр БО! – Л. Г.], а стихи – “документом”. На свидании он сообщил, что такого чудовищного, беспрецедентного “документа” ему не приходилось видеть никогда» [4, с. 77]. Употребление профессионального термина «документ» – весомое подтверждение того, что запись преступного текста (вещдок) у него уже была до ареста М, ведь автограф М, сделанный на допросе, никак не мог служить вещдоком ранее совершенного преступления.

<sup>37</sup> Напомним высказывание М, зафиксированное мемуаристом летом 1937 г.: «Симуляция – самый испытанный метод политической борьбы. <...> Я покажу, что значит настоящая политическая симуляция!» [7, с. 69]. Об устойчивых связях М с эсерами см. подробно в п. 1.1.

<sup>38</sup> Вполне продуктивно рассматривать этот ментальный феномен как проявление у М «средневековой психологии», которую он в себе, похоже, сознательно культивировал. В еврейском контексте, это «психология» еврейского традиционного дискурса, являющегося, в своей сути, проекцией в «новое время» талмудического дискурса, см. некоторые соображения на эту тему в монографии [3], п. 1.2.3.

<sup>39</sup> Н. Мандельштам пишет в мемуарах: «...я уже при жизни знала, что и стихи и проза как бы определяют его поведение».

## Глава 1

### Подготовка тракта

...почти у всех символистов десятых годов, в том числе и у Вячеслава Иванова, можно найти апологию жестокости. Я нашла у Вячеслава Иванова: «Жестокости свойственно светлое выражение лица», а жертва «впивает... световую энергию мучителя». Элита учила благосклонно относиться к жестоким сверхиндивидуалистам. Не подготовила ли она русскую интеллигенцию, элиту, к приятию идей террора?<sup>1</sup>

*Н. Мандельштам*

Мандельштам к своему *джихаду* долго готовился, **готовил себя**. Внутренними, «психологическими» двигателями этой самоподготовки были:

(1) «реализация» идеалов юности, связанных с БО;

(2) «компенсация» (термин Л. Выготского)<sup>2</sup> комплекса трусости, угрызений совести и т. п., связанных у «трусливого жидёнка» с «еврейскими героями» Я. Блюмкиным, Л. Каннегисером и «русскими поэтами-героями» И. Каляевым и Н. Гумилёвым. Блюмкин и Гумилёв, к тому же, издевались над его «трусостью» и «болтливостью»<sup>3</sup>;

<sup>1</sup> См. [28, т. 2, с. 414].

<sup>2</sup> См. *Выготский Л.* Дефектология. Собр. соч. Т. 5. 1983. С. 36. Воздействие «психологического дискурса» Л. Выготского на «психологию» М совершенно не изучено. Между тем, они, видимо, были знакомы (по крайней мере, заочно) через Давида Выготского и интересовались текстами друг друга. Отметим, что в книге Л. Выготского «Мышление и речь», вышедшей в декабре 1934 г., есть «анонимный» эпиграф из «Ласточки» Мандельштама.

<sup>3</sup> И. Одоевцева вспоминает насмешливое обращение Гумилёва к М (где-то зимой 1920/21 гг.): «...ты отчаянный трус из породы легкомысленнейших трусов» [8, с. 133]. А вот зафиксированное высказывание Блюмкина (в разговоре с товарищами по партии левых эсеров летом 1918 г.): «Мандельштам может болтаться – он дурак...», см. [12, с. 135].

(3) усиливавшееся (в особенности сразу после Армении<sup>4</sup>) стремление **имитировать** «жизненный текст» Данта, героя *треченто*.

Разумеется, эти утверждения требуют развернутой аргументации, для которой здесь нет места.

Мы фактически должны доделать работу оперуполномоченного ОГПУ Н. Шиварова, который, начав дело о тракте<sup>5</sup>, не до конца расследовал процесс **подготовки** тракта, а также недостаточно выяснил непосредственную технику (оружие) тракта, т. е. не изучил семантику («тёмные места» и т. п.) террористического текста «Мы живем, под собою не чуя страны...»<sup>6</sup>.

### 1.1. До 1922 г. Связь с партией эсеров.

Аффилиация в том или ином виде с эсеровской партией проходит (и фиксируется различными «спецслужбами») через всю жизнь Мандельштама<sup>7</sup>.

Известны симпатии юного Мандельштама к Боевой организации эсеров, его восхищение лидерами БО и его многочисленные и продолжительные контакты с партией эсеров.

Эти контакты, по-видимому, начались во время частых посещений Осипом – учеником Тенишевского училища – дома своего друга и одноклассника Бориса Синани. Это фиксируется в автобиографическом «Шуме времени». Всё семейство Синани (включая Бориса, оказавшего мощное влияние на Осипа) было вполне «проэсеровским». Старшего (Бориса Наумовича)

<sup>4</sup> См. [9, с. 220].

<sup>5</sup> «Сначала Христофорыч вел следствие как подготовку к “процессу” <...>. Метод следствия – объяснение каждого слова инкриминируемых стихов. Следователь особенно интересовался тем, что послужило стимулом к их написанию. О.М. огорошил его неожиданным ответом: больше всего, сказал он, ему ненавистен **фашизм**...» [9, с. 75].

<sup>6</sup> Не ясны до конца причины этого «неполного служебного соответствия» Николая Христофоровича Шиварова, ведь он по службе занимался текстами и писателями! Во всяком случае, он был через три года строго наказан товарищами из НКВД: за своё неумение «работать с текстом» и за прочие тяжёлые преступления.

<sup>7</sup> Даже в одном из самых последних прижизненных «документов», касающихся М, – постановлении ОСО при НКВД от 02.08.38, отправляющем М в лагерь на 5 лет, – про него говорится: «сын купца, бывший **эсер**» [6, с. 105–106].

Синани М в ШВ называет: «**советник и наперник тогдашних эсеровских цекистов**». Дом Синани являлся одной из «точек сбора» эсеровских активистов и симпатизантов. Среди прочего эсеровского дискурса, юный Осип где-то с конца 1905 г. слушал у Синани длинные и интересные застольные лекции известного эсеровского деятеля Семена Акимовича Ан-ского (Раппопорта)<sup>8</sup> о внутренней политике, еврейском вопросе и т. п.

Вообще, в семействе Синани, этом «гнезде» БО, осталось «большое и чистое» Мандельштама. По «птенцам гнезда Синани» он ностальгировал всю жизнь, стараясь поддерживать с ними связь<sup>9</sup>.

Существенно и то, что в старших классах училища одним из репетиторов М, явно оказавшим большое воздействие на его политическое мировоззрение, был **эсер** Бабин-Корень<sup>10</sup>.

<sup>8</sup> Был близок к Чернову и Лаврову, основателям партии эсеров. В 1917 г. стал депутатом Учредительного собрания по списку этой партии.

<sup>9</sup> Н. Мандельштам вспоминает: «Я запомнила высокого синеглазого человека, знавшего Мандельштама по дому Синани. По иронии судьбы, он очутился в камере с белобородым дедушкой, известным работником охраны (не Дубровиним ли?)» [28, т. 2, с. 153]. Выражение «по иронии судьбы» здесь, разумеется, означает, что «синеглазый человек» был террористом БО, за которым охотилась охранка! Ещё одним из посетителей семейства Синани был **эсер** Ф. Линде, будущий комиссар Керенского, погибший в 1917 г., см. [28, т. 2, с. 51]. Н. Мандельштам пишет: «О.М. хорошо знал Линде, вероятно, по дому Синани» [28, т. 1, с. 233]. Один из комментариев к ШВ сообщает (без точных ссылок), что «глухая дача в Райволе», упоминаемая Мандельштамом в ШВ как база БО, – это «легочный пансион Линде в Мустамяках (ныне пос. Горьковский), славившийся своей молочной кухней. Мандельштам неоднократно отдыхал в этом пансионе и хорошо был знаком с его владельцами – братьями Федором и Иваном Линде. В августе 1911 г. на этой даче попали в засаду и были арестованы несколько революционеров, в т.ч. и Ф.Ф. Линде (Петербургский листок, 1911, 9 августа)» [18, т. 2, с. 399]. Полицейский документ (июнь 1912 г.) сообщает: «Получены сведения, что некий еврей Мандельштам (имя и отчество не выяснено), по слухам, проживавший в 1911 году в пансионе Линде близ станции Мустамяки Финляндской железной дороги и скрывшийся оттуда во время арестов летом прошлого года, – в настоящее время проживает в новом пансионе <...> и занимается противуправительственной агитацией между проживающими в 9 пансионатах около станции Мустамяки» [12, с. 110]. «Молочный пансион» братьев Линде и его обитатели – эсеровские «правдорубы» – проявились, видимо, в июле 1932 г. в стих. М «Полюбил я лес прекрасный»: «Там фишашковые молкнут Голоса на молоке, И когда захочешь щелкнуть, Правды нет на языке».

<sup>10</sup> Об этом сообщает Е. Мандельштам, см. [18, т. 2, с. 394–395].

В старших классах Тенишевского училища М в общественно-политическом аспекте был – как многие столичные старшеклассники и студенты – чем-то вроде эсеровского<sup>11</sup> комсомольца.

Например, в мае 1905 г. питерские проэсеровские студенты-путейцы послали, по слухам<sup>12</sup>, телеграмму японскому императору, поздравляя его с разгромом российского флота при Цусиме. Для юного М это событие тоже было радостным. Через много лет он напишет, вспоминая себя в училище: «И Петропавловску<sup>13</sup>-Цусиме/ Ура на дровяной горе...»<sup>14</sup>.

В 1906 г. М пишет стихотворение «Тянется лесом дороженька пыльная...», полное «мучительной эсеровско-некрасовской злости», про которое он в начале 1930-х, наверное, сказал бы, что оно «вузовской песни наглей»<sup>15</sup>: «Скоро столкнется с звериными силами/ Дело великой любви!/ Скоро покроется поле могилами,/ Синие пики обнимутся с вилами/ И обагрятся в крови!»

В начале 1907 г. М вступил в партию эсеров<sup>16</sup> и впослед-

<sup>11</sup> Возможно, сначала «эздековского» с элементами марксистской идеологии: в 1910 г. он признавался С. Каблукову, что «в училище был с. р. или с. д. и даже говорил **рабочим** своего района зажигательную речь». Но М быстро сблизился именно с эсерами, под явным влиянием старшего друга по училищу, Бориса Синани, который был активистом партии СР. Подробнее см. [10, с. 35] и ШВ.

<sup>12</sup> А питерские курсистки якобы послали в первые дни войны приветственную телеграмму тому же микадо (*Чистяков В.* Очерк «Народный флот» // Радиоканал «Звезда», 12.06.16). Даже если никто из этих студентов не ходил на почту, само существование этих «слухов» весьма показательно.

<sup>13</sup> «Петропавловск» – флагманский броненосец Порт-Артурской эскадры, разломившийся пополам (в результате случайной детонации боезапаса) и в минуту унесший на дно более 600 русских моряков, включая адмирала С. Макарова (вместе с ним погиб и известный художник В. Верещагин). Это радостное для «передовой учащейся молодежи» событие произошло 31 марта 1904 г., за год до Цусимы. Интересно, что японский поэт Исикава Токубоку написал **тогда же** «траурные» стихи, воспевающие «героя» – С. Макарова.

<sup>14</sup> Стих. «Когда в далекую Корею...» (1932).

<sup>15</sup> Здесь использованы выражения из стих. М «Квартира» (1933). Но текст стихотворения «Тянется лесом...» напоминает «гражданские стихи» (того же времени) эсеровского поэта-террориста И. Каляева (см. в Предисловии комментарий о нём).

<sup>16</sup> Осенью того же 1907 г. М (вместе с Борисом Синани), устанавливает в Райволе (Финляндия) контакты с БО и, похоже, пытается вступить в БО, но, к счастью, безрезультатно.

ствии не скрывал этого, даже когда этот факт биографии стал реально опасным.

В сентябре 1928 г. вышел из печати словарь: «Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века», где о М сообщалось, в частности, что он «16<-ти> лет **был с.-р. и занимался пропагандой на массах**» [33, с. 310].

В 1930 г. вышло небольшое «информационное издание» о современных русских писателях, в котором о М сообщается, в частности: «**16-ти лет вступил в партию с.-р. и занимался политической работой**»<sup>17</sup>. Приведенная там «краткая биография» была написана, скорее всего, самим Мандельштамом<sup>18</sup>, хотя она содержит странные ошибки в датировке<sup>19</sup>.

А в протоколе первого допроса (от 18.05.1934) в пункте «Сведения об общественной и революционной работе» (допрашиваемого) записано (явно со слов самого М): «В 1910 г. **примыкал к партии С. Р., вел кружок в качестве пропагандиста и проводил рабочие летучки**»<sup>20</sup>.

Во время пребывания в Париже (октябрь 1907 – лето 1908) М близко общается с рядом «товарищей по партии». Известно крайне почтительное отношение М к лидеру БО-террористов Б. Савинкову: весной 1908 г. выступление Савинкова на парижском эсеровском собрании памяти (другого лидера БО) Г. Гершуни<sup>21</sup> воспринимается М настолько благоговейно, что это вызывает смех у сидящих рядом русских дам<sup>22</sup>.

<sup>17</sup> Тарсис А. Современные русские писатели. Л.: Изд-во писателей Ленинграда, 1930. С. 130.

<sup>18</sup> А. Мец пишет об этом: «В середине 1920-х годов бывшие члены разгромленной партии эсеров подвергались гонениям, и Мандельштам, предоставляя указанные сведения, поступал **демонстративно**» [10, с. 35].

<sup>19</sup> Например, там написано: «Печататься начал в 1909 г. в журнале “Аполлон”».

<sup>20</sup> См. [6, с. 44]. На допросе 25.05.1934 М уточняет, что он работал эсеровским пропагандистом в 1907 г.

<sup>21</sup> Основатель БО. Умер 17.03.08 в Цюрихе, похоронен в Париже. Гершуни упоминается в ШВ и, по-видимому, наряду с Савинковым являлся одним из «делать бы жизнь с кого» для юного М.

<sup>22</sup> М. Карпович (эсеровский активист, друживший с М в Париже) вспоминает: «Главным оратором на собрании был Б.В. Савинков. Как только он начал

Во второй половине 1920-х М пишет во внутренней рецензии на мемуарный сборник Р. Ивнева: «От Бориса Савинкова <...> Ивнев строит ряд к щупанью горничных. **Так нельзя писать о Савинкове**»<sup>23</sup>.

Со второй половины 1908 г. М дистанцируется от партии эсеров. Это косвенно подтверждается отсутствием сообщений о его «партийных» контактах фактически вплоть до 1917 года<sup>24</sup>.

Однако следует отметить, что во время учёбы в Гейдельбергском университете (осень 1909 – весна 1910) М сближается с целым рядом эсеровских активистов, будущих деятелей послереволюционного эсеровского движения, среди них: И. Штейнберг, Б. Камков, М. Коган-Бернштейн, Н. Брюллова-Шаскольская<sup>25</sup>.

---

говорить, Мандельштам весь встрепенулся, поднялся со своего места и всю речь прослушал, стоя в проходе. Слушал он её в каком-то трансе, с полуоткрытым ртом и полузакрытыми глазами, откинувшись всем телом назад – так что я даже боялся, как бы он не упал. Должен признаться, что вид у него был довольно комический. Помню, как сидевшие с другой стороны прохода А.О. Фондаминская и Л.С. Гавронская, несмотря на всю серьезность момента, не могли удержаться от смеха, глядя на Мандельштама». См. Карпович М. Мое знакомство с Мандельштамом. Цит. по [11, с. 23].

<sup>23</sup> См. [27, т. 3, с. 182]. Следует отметить, что М с большой вероятностью ещё подростком видел Савинкова и/или слышал о его подвигах в упоминавшемся выше семействе Синани: тестем Савинкова был писатель Г. Успенский, для которого Б.Н. Синани был «врач и душеприказчик», по выражению М в ШВ. Впоследствии М, скорее всего, пересекался с Савинковым в семействе Каннегисеров, с которым оба были близки. Савинков, по сообщению мемуариста, даже жил некоторое время в доме Каннегисеров где-то после Октябрьского переворота и имел «большое влияние» на правоэсеровскую группу «народных социалистов», в которую входил Леонид Каннегисер, исполнитель теракта против М. Урицкого в августе 1918 г. (по мнению некоторых из окружения Каннегисеров, этот теракт был инициирован именно Б. Савинковым), см. [12, с. 81].

<sup>24</sup> Это, вероятнее всего, связано с жестоким кризисом в партии, вызванным разоблачением Азефа. Множество «идеалистов» (прежде всего, из молодого поколения, например, упоминавшийся выше близкий знакомый М по Парижу М. Карпович) в этот период отошли от партии, сообщалось даже о ряде самоубийств. Во всяком случае, 18.08.10 С. Каблуков записывает в своем дневнике: «Теперь [М] стыдится прежней революционной деятельности и призванием своим считает поприще лирического поэта» [35, с. 241].

<sup>25</sup> См. [12, с. 136–137].



15 ноября 1917 г. в эсеровской газете «Воля народа»<sup>26</sup> М публикует стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик...», содержащее панегирик А. Керенскому, который, кроме всего прочего, был в 1917 г. одним из лидеров партии эсеров.

Этот свой текст М упомянул на допросе 25.05.1934, рассказывая о своих «политических воззрениях» в 1917 г.: «На советское правительство смотрю как на правительство захватчиков, и это находит свое выражение в моем опубликованном в “Воле народа” стихотворении “Керенский”. В этом стихотворении обнаруживается **рецидив эсеровщины**: я идеализирую Керенского»<sup>27</sup>.

В мае-июне 1918 г. Мандельштам публикуется в лево-эсеровских газетах «Знамя труда»<sup>28</sup> и «Раннее утро». Ахматова сообщает: «В Москве [весной 1918 г.] Мандельштам становится постоянным сотрудником “Знамени труда”»<sup>29</sup>. По некоторым сообщениям, левые эсеры называют его «наш поэт»<sup>30</sup>.

Где-то в июне 1918 г. эсер Я. Блюмкин разговаривает с Мандельштамом явно как с товарищем по партии, настойчиво при-

<sup>26</sup> Одним из редакторов «Воли народа» был А. Аргунов – один из основателей эсеровской партии, близко связанный с БО. В 1917 г. Аргунов – один из лидеров правых эсеров.

<sup>27</sup> См. [6, с. 46]. Отметим, что, по некоторым сообщениям, Керенский еще в 1905–1907 гг. участвовал в подготовке несостоявшегося БО-теракта против Николая II-го. Поэтом для М он был настоящим «товарищем по партии», как, кстати, и его «заместитель по военному министерству» Б. Савинков!

<sup>28</sup> См. [2, с.46–47]. Газета «Знамя труда» переехала из Петрограда в Москву и начала выходить в Москве с 15.03.18. Редакторы: М. Иванов-Разумник, М. Спиридонова – принципиальные сторонники террора. В редакцию также входили видные левые эсеры И. Штейнберг и Б. Камков, с которыми М подружился ещё в Гейдельберге, см. [12, с. 136–137]

<sup>29</sup> См. [13, с. 15 (Страницы из дневника)].

<sup>30</sup> О. Лекманов сообщает (почему-то без ссылки): «Он [М] начал активно печататься в левозэсеровских изданиях, уцелевшие сотрудники которых позднее вспоминали, что между собой они даже называли автора “Сумерек свободы” “нашим поэтом”» [11, с. 74; 14, с. 102]. Уместно здесь отметить, что даже летом 1934 г. в Чердыни местные ссыльные эсеры относятся к М явно как к «своему» и всячески стараются помогать. Это фиксирует в своих воспоминаниях Н. Мандельштам [28, т. 1, с. 136 и далее], которая здесь, как и в других местах, избегает упоминания стигмы «эсер».

глашая его работать в ЧК (или в какой-то аффилированной структуре)<sup>31</sup>. За несколько дней до убийства (6 июля 1918 г.) германского посла Мирбаха Мандельштам встречается и дружески общается в московской гостинице «Эллит» с целой группой левых эсеров (включая Блюмкина), явно занимавшейся подготовкой этого теракта<sup>32</sup>.

О тогдашнем отношении М (как и Гумилёва и ряда других литераторов) к этому эсеру-террористу как к герою<sup>33</sup>, свиде-

<sup>31</sup> Об этом приглашении сообщает Н. Мандельштам [4, с. 97–98]. Она также сообщает во фрагментарных биографических заметках о его приглашении к совместной работе еще в ноябре 1917 г. (!): «1917, ноябрь. Блюмкин приглашает работать в новое учреждение **вместе с ним**. Выяснение и отказ» [28, т. 2, с. 953]. При этом она считает Блюмкина смертельным врагом, от которого М должен был в результате спастись бегством из Москвы. Это представляется совершенно неверным (заметим, что в другом месте Н. Мандельштам говорит, что «угрозы Блюмкина – О.М. считал простым запугиванием» [28, т. 2, с. 953]), хотя какой-то конфликт между М и Блюмкиным произошёл где-то в июне 1918 г., и Мандельштам донёс на преступные высказывания своего приятеля (точнее, на характерный блюмкинский стёб, касающийся его, Блюмкина, власти над жизнью и смертью людей) самому Дзержинскому, при посредстве Л. Рейснер и Ф. Раскольниково. Об этом см.: *Красная книга ВЧК*. М., 1989. Т. 1. С. 257. Вот соотв. цитата из показаний Ф. Дзержинского: «За несколько дней, может быть за неделю, до покушения я получил от **Раскольникова и Мандельштама** (в Петрограде работает у Луначарского) сведения, что этот тип [Блюмкин] в разговорах позволяет себе говорить такие вещи: “Жизнь людей в моих руках, подпишу бумажку – через два часа нет человеческой жизни. Вот у меня сидит гражданин Пусловский, поэт, большая культурная ценность, подпишу ему смертный приговор”, но, если собеседнику нужна эта жизнь, он её “оставит” и т. д. Когда Мандельштам, возмущенный, запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать, что, если он кому-нибудь скажет о нем, он будет мстить всеми силами. Эти сведения я тотчас же передал Александровичу, чтобы он взял от ЦК объяснения и сведения о Блюмкине для того, чтобы предать его суду. В тот же день на собрании комиссии было решено по моему предложению нашу контрразведку распустить и Блюмкина пока оставить без должности. До получения объяснений от ЦК левых эсеров я решил о данных против Блюмкина комиссии не докладывать. Блюмкина я ближе не знал и редко с ним виделся» (<http://www.kodges.ru/library/view/17837/page/61.htm>).

<sup>32</sup> Но, по показаниям на следствии П. Зайцева, одного из членов этой группы, Блюмкин пренебрежительно относился к своему приятелю-поэту, говоря другим: «Мандельштам может проболтаться – он дурак...» См. *Леонтьев Я. Человек, застреливший императорского посла* [12, с. 135].

<sup>33</sup> Н. Гумилев: «Человек, среди толпы народа Застреливший императорского посла, Подошел пожать мне руку...» («Мои читатели», 1920). Ср. также пор-

тельствует, в частности, запись в записной книжке А. Блока (от 20.10.18): «Вечером почему-то... приходил Мандельштам... Интересен рассказ об убийце Мирбаха»<sup>34</sup>.

В мае 1919 г. М коротко пересекается с Блюмкиным в Киеве, и это выглядит как неожиданная встреча двух приятелей даже в описании Н. Мандельштам, которая, тем не менее, и здесь усмотрела нападение на М его врага<sup>35</sup>.

Тогда же в Киеве М поддерживает связь с левоэсеровским деятелем С. Мстиславским<sup>36</sup>.

В 1920 г. в Крыму М каким-то образом продолжает сотрудничество с эсерами<sup>37</sup>. И. Одоевцева в своих мемуарах пересказывает отрывочные рассказы М (в Петрограде зимой 1920/1921 гг.) о своих крымских приключениях: «Мандельштам с увлечением рассказывает, как он за стакан молока и сладкую булочку стерег на берегу моря каких-то заговорщиков, **левых эсеров**, для конспирации совещавшихся, ныряя в волнах <...>, – беря Гумилёва за руку, говорит Мандельштам, – меня объявили **двойным агентом** [большевиков и левых эсеров? – Л. Г.] и чуть было не расстреляли. Я в тюрьме сидел. Да! Да!»<sup>38</sup>

трет Блюмкина (1921 г.?) в мемуарах В. Сержа (Кибальнича): «я встретил его снова в Москве, в униформе Академии Генштаба, еще более мужественного, и с ещё более гордой осанкой, чем прежде. Его суровое лицо было гладко вырито [а в 1919 г. его “лицо обрамляла густая черная борода” – Л. Г.], высокомерный профиль напоминал **древнееврейского воина**», цит. там же, с. 141.

<sup>34</sup> Цит. там же, с. 134–135.

<sup>35</sup> См. комментарии к «Волку» (в Приложении), а также [4, с. 96].

<sup>36</sup> См. [12, с. 137].

<sup>37</sup> А также с большевиками, если верно сообщение Н. Мандельштам в её фрагментарных биографических заметках: «Уничтожение бумаг, пересылаемых подпольной организацией большевиков через Грузию в Москву»; далее она же сообщает в комментарии к этому фрагменту: «проглотил при аресте» [28, т. 2, с. 954]. «Летопись» сообщает [без ссылок!], что где-то в начале 1920 г. М «Живет в Феодосии у большевика И.З. Каменского (Леонида Придорожного). По его воспоминаниям, “когда в Феодосии начались аресты, я вынужден был намекнуть ему, что у меня опасно”» [33, с. 151]. Напомним здесь же, что последнюю декаду июля (по ст. стилю) 1920 г. М провел в феодосийской тюрьме по «основательному подозрению в принадлежности его к партии коммунистов-большевиков» [формулировка феодосийских особистов – Л. Г.] и в «участии его в деятельности чрезвычайной комиссии этой партии в г. Феодосии», см. [33, с. 153].

<sup>38</sup> См. [8, с. 130–131].

В этом контексте высказывание Мандельштама, передаваемое М. Волошиной в воспоминаниях о том же времени: «меня приняли за большого политического деятеля, но пришел Макс...»<sup>39</sup> – не выглядит смешной случайной болтовней.

Краткие биографические заметки Н. Мандельштам фиксируют продолжение контактов М с Блюмкиным сразу после приезда М из Тифлиса (по-видимому, в Москве): «Зима 1920/21. Сразу из Москвы – Блюмкин – в Петроград» [28, т. 2, с. 954]. И. Эренбург в своих мемуарах вполне серьезно описывает очередную блюмкинскую имитацию «нападения» на М в Доме Печати в Москве в начале октября<sup>40</sup> (напоминающую перформанс с направлением револьвера на М, стоящего на балконе, в мае 1919 г. в Киеве, см. выше)<sup>41</sup>.

Где-то в мае-июне 1921 г. М подаёт в литовское представительство документы на выезд на ПМЖ в Литву, но вскоре, по утверждению Н. Мандельштам, отказывается от этой идеи. Выскажем гипотезу, что здесь вмешалось «эсеровское прошлое» М. Вот как Н. Мандельштам описывает ситуацию: «Балтрушайтис [литовский представитель в Москве с весны 1920 г. – Л. Г.] уже давно предчувствовал, какой конец ждет О.М. Ещё в самом начале двадцатых годов (в 1921-м, до гибели Гумилёва) он уговаривал О.М. принять литовское подданство<sup>42</sup>. Это было возможно, потому что отец О.М. жил когда-то в Литве, а сам О.М. родился в Варшаве. О.М. даже собрал какие-то бумаги и

<sup>39</sup> *Волошина М.* О Максе, о Коктебеле, о себе. Феодосия-Москва, 2003. С. 232.

<sup>40</sup> «Он [М] сидел в другом углу комнаты. Вдруг вскочил Блюмкин и завопил: “Я тебя сейчас застрелю!” Он направил револьвер на Мандельштама. Осип Эмильевич вскрикнул. Револьвер удалось вышибить [!! – Л. Г.] из руки Блюмкина, и всё кончилось благополучно», цит. по [33, с. 175].

<sup>41</sup> Последний (и при этом явно дружеский) контакт двух бывших «товарищей по партии» – это, по сообщению Н. Мандельштам, долгий разговор (в начале 1926 г.) в купе поезда, идущего из Крыма в Москву. Можно предположить, что два бывших сторонника Троцкого обсуждали самые важные для них события: продолжающееся падение Троцкого и надвигающуюся, в связи с этим, опасность. В конце 1929 г. Блюмкин будет арестован и расстрелян.

<sup>42</sup> По нашей гипотезе, Ю. Балтрушайтис, симпатизант М, имел в виду неизбежность «окончательного решения эсеровского вопроса». Надвигающаяся разборка новой власти со **всеми** (даже бывшими) членами партии эсеров чётко обозначилась в 1921 г.



снес показать их Балтрушайтису, но потом **раздумал**: ведь уйти от своей участи [а от какой **участи** надо было ему уходить в 1921 г.? Разумеется, от наказания за своё эсерство. – Л. Г.] всё равно нельзя и не надо даже пытаться»<sup>43</sup>. По нашей же гипотезе, М просто не пустили в Литву как эсера!<sup>44</sup>

\* \* \*

В январе 1922 г. в статье «Кровавая мистерия 9-го января», написанной к годовщине расстрела, М пишет: «... оставались памяткой того, что **царь должен умереть, что царь умрет**. <...> Урок девятого января – **цареубийство** – настоящий урок трагедии: **нельзя жить, если не будет убит царь**»<sup>45</sup>.

В этих строках, как и вообще в этом тексте, сквозь ранне-советский газетный стиль проступают установки террориста эсеровской БО: установка на «казнь палача»<sup>46</sup> и т. п. Отметим, что до екатеринбургского расстрела (17.07.1918) немедленной казни царя требовали, прежде всего, левые эсеры<sup>47</sup>; лидеры же

<sup>43</sup> См. [28, т. 1, с. 103].

<sup>44</sup> Литовцы тогда старались не пускать к себе эсеров, бундовцев и пр. (у них и своих еврейских революционеров было более чем достаточно). Интересно, что в другом месте этого же текста Н. Мандельштам говорит о жене В. Катаева (Эстер): «которая в родительском доме успела испробовать, как живется отверженным» [28, т. 1, с. 370], а в комментарии уточняется горькая судьба семейства еврейских революционеров, не сумевших вовремя выбраться из революционной России: «Э.Д. Катаева (Бреннер) родилась в Париже, ее отец был членом Бунда, после 1917 г. семья приехала в Россию, а за тем, осознав ошибку, попыталась вернуться в Европу, однако **въезд туда бундовцам был запрещен**, а позднее закрыли и советскую границу, так что семья осталась в СССР» [28, т. 1, с. 565].

<sup>45</sup> Советский юг. Ростов-на-Дону. 22.01.1922. Отметим, что уже три с половиной года, как известно, что вместе с царем было убито множество совершенно ни в чём не повинных людей.

<sup>46</sup> Б. Савинков в своих «Воспоминаниях террориста» передает обсуждение членами БО (в начале 1905 г.) планов убийства царя: «... я ответил, что для меня, как и для Каляева, Моисеенко и Бриллиант, вопрос об убийстве царя решен давно, что для нас это вопрос не политики, а боевой техники... Я сказал также, что, по моему мнению, **царя следует убить** даже при формальном запрещении центрального комитета».

<sup>47</sup> Ведь эсеры, как всегда, претендовали на выражение «сермяжной правды», которая тогда как раз и состояла в том, что царя и царицу нужно поскорее казнить. Несмотря на большевистское большинство в Уралсовете, приняв-

большевиков (Троцкий и Ленин) склонялись, скорее, к показательному процессу над Николаем и Александрой<sup>48</sup>.

## 1.2. Осень 1921 (расстрел Гумилёва) – осень 1930 (Армения). «Заморозка своего времени» и возрастающая ностальгия по эсеровской юности.

Тексты Мандельштама этого периода сообщают, что где-то в начале 1920-х гг. он начинает испытывать всё усиливающуюся ностальгию по «идеалам юности» и угрызения совести, связанные с отходом от этих идеалов.

Важно понять, что это идеалы не «рефлексивного плана», но «плана действия». Огрубляя, можно сказать, что эти идеалы М соответствуют жизненным установкам Пьера Безухова 1812 г., решившего, в конце концов, совершить теракт против Бонапарта (Антихриста)<sup>49</sup>, или установкам холодного «разума действия» Андрея Болконского, готового пожертвовать жизнью ради долга. Это же, в сущности, жизненные установки Бориса Синани и террористов эсеровской БО. Это, наконец, идеалы Николая Гумилёва, члена «петроградской БО» 1921 г.

Прежде всего, конечно, Гумилёв<sup>50</sup>. Вообще, у М «эта песен-

шем решение о казни, многие из его членов находились под левозэсеровским влиянием. Яркий пример – Пётр Войков, активный инициатор и организатор казни, который и до и после своего вступления в РСДРП осенью 1917 г. явно был «беспартийным эсером», а в 1907 г. даже участвовал в **эсеровском теракте** в Крыму.

<sup>48</sup> На котором Ленин выступил бы, как русский Робеспьер, Троцкий – как русский Дантон и т. д. См. недавнюю работу И. Черемных, основной тезис которой в том, что **убийство царской семьи на Урале (практически одновременно в Екатеринбурге и Алапаевске) – это спланированная провокация левых эсеров в Уралсовете**, дублирующая убийство Мирбаха (с целью вызвать войну с Германией, ведь царская семья – это родственники императора Вильгельма!) и демонстрирующая неподчинение Москве. См. *Черемных И.* Убийство Царской семьи: была ли санкция Центра? // URL: <http://cheremnykh-ivan.livejournal.com/57681.html> (дата обращения: 11.02.2017).

<sup>49</sup> Ср. высказывание Э. Герштейн, близкой знакомой М с 1928 г.: «мы с Леной называли Сталина Антихристом» [7, с. 261]. Правда, возможно, мемуарист здесь имеет в виду разговоры 1937/1938 гг.

<sup>50</sup> 25.08.28 М пишет Ахматовой (из Ялты): «Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с вами. **Беседа с Колей не прерывалась и никогда не прервется**».

ка началась»<sup>51</sup>, скорее всего, с известия о расстреле Гумилёва в конце лета 1921 г.: «я дружкой был, как выстрелом, разбужен» напишет М в августе 1932 г.<sup>52</sup>

В ряде текстов Мандельштама, созданных после 1921 г., просвечивают угрызения совести, самоупрёки в бездействии, трусости, неспособности жить и действовать, «как Борис» и/или «как Коля», попытки «рационализации» своего страха<sup>53</sup>. Вот соответствующие пассажи в текстах 1922–1929 гг.

Стихотворение «Кому зима арак...» (1922) и автобиографический текст «Шум времени» (1923).

«О если бы поднять **фонарь на длинной палке, / С собакой впереди идти** под солью звезд / <...> А белый, белый снег до боли очи ест»<sup>54</sup>.

Это ностальгический образ Бориса Синани. Фигура Бориса Синани<sup>55</sup> в «Шуме времени» неоднократно возвращает к стих. «Кому зима арак...»:

«Ему [Борису Синани] подошла бы **овчарка у ног и длинная жердь** <...> овчарка готова была улечься у его ног и тонкая жердь предтечи должна была смениться жезлом пастуха [т. е. «вождя» – Л. Г.]. <...> Мальчики девятьсот пятого года шли в революцию с тем же чувством, с каким Николенька Ростов

<sup>51</sup> Это выражение из стих. «Я не знаю, с каких пор...» (1922) – претекста «Грифельной Оды», мандельштамовского «культурно-цивилизационного» манифеста. В нашей реконструкции, «эта песенка» – это психологическая перестройка, приведшая к «безумной» и «нелепой» (см. воронежские «Стансы» в Приложении) акции конца 1933 г.

<sup>52</sup> «К немецкой речи» (1932). Частичный семантический анализ этого стихотворения см. в п. 1.5.3 и в Приложении.

<sup>53</sup> В ЕМ (1927) «страх» Парнока (двойника М) выступает как активный субъект, управляющий экзистенцией автора: «Страх берет меня за руку и ведет <...> Я люблю, я уважаю страх. Чуть было не сказал: “с ним мне не страшно!” Математики должны были построить для страха шатер, потому что **он координата времени и пространства**: они, как скатанный войлок в киргизской кибитке, участвуют в нем. **Страх распрягает лошадей, когда нужно ехать**». После Армении «страх» будет преодолен, и наступит состояние внутреннего освобождения: «Зане свободен раб, преодолевший страх» сказано в стихе М 1920 г.

<sup>54</sup> «Кому зима арак...» (1922) См. анализ смыслов этого текста в Приложении.

<sup>55</sup> Сквозь которую проступают черты толстовского князя Андрея.

шел в **гусары**<sup>56</sup> <...>. “Война и мир” продолжалась..., – только слава переехала. <...> **Слава была в ц.к., слава была в б.о.**, и подвиг начинался с пропагандистского искусства<sup>57</sup>. <...> “Война и мир” продолжается. Намокшие крылья славы бьются в стекло: и честолюбие и та же жажда чести! Ночное солнце в ослепшей от дождя Финляндии, конспиративное солнце нового Аустерлица! Умирая, Борис бредил переездом в Райволу [где была конспиративная база БО – Л. Г.] и какими-то веревками для упаковки клад. Здесь мы играли в городки и, лежа на финских покосах, он любил смотреть на простые небеса холодно удивленными глазами князя Андрея»<sup>58</sup>.

\* \* \*

«Алисканс» (1922). В этом переводе отрывка старофранцузского эпоса изображена следующая сцена: окровавленный, покинувший поле битвы французский рыцарь стучится в двери своего замка, но жена не открывает ему, обвиняет его в трусости, издевательски делает вид, что не узнает его, после чего он решает вернуться и продолжить битву с сарацинами:

«Из любви к ней я должен в битвах говеть, Выковать Божью волю **не за страх, а за совесть**...».

Важные для наших рассуждений пассажи из мемуаров Н. Мандельштам показывают, что чета Мандельштамов процитировала **текст** «Алисканс» на свою собственную жизненную ситуацию:

«Это не просто перевод – в обеих вещах [плаче по Алексее и “Алискансе”] как-то странно заговорила судьба, и О.М. это чувствовал. <...> Алискансом он как бы дал **клятву не прятаться, когда надо защищать жизнь**. <...> Мысль у О.М. всегда переходила в поступок, но, боясь моих насмешек, он не всегда открывал мне подоплеку. Но я уже при жизни знала, что и стихи

<sup>56</sup> Здесь образ гусара Николая Ростова неизбежно смешивается с образом улана Николая Гумилёва.

<sup>57</sup> Заметим, что М в старших классах училища «работал» эсеровским **пропагандистом** среди рабочих. Здесь суггестируется «искушающий **бес славы**», который через несколько лет снова возникнет в строке: «Я нынче славным бесом [т. е. «бесом славы» – Л. Г.] обуян» в стих. «Довольно кукситься...» (см. 1.4.1 и Приложение).

<sup>58</sup> «Шум времени» (1923), глава «Семья Синани».

и проза как бы определяют его поведение, вернее, многое из сказанного им прозвучало для него, как обет. Таков был обет нищеты в стихах об Алексее, **обещание продолжать борьбу, как бы это ни было опасно и неприятно, в “Алискансе”...**<sup>59</sup>.

\* \* \*

Летом 1922 г. Мандельштам, по сообщению жены, «читал **все** отчеты» о процессе лидеров партии эсеров, пытаясь считывать информацию «между строчками»<sup>60</sup>.

В начале 1924 г. Мандельштам говорит: «Ужели я предам позорному злословью <...> **Присягу чудную четвертому сословью** / И клятвы крупные до слёз?»<sup>61</sup> Правдоподобная гипотеза: здесь подразумевается «присяга», или клятва, при вступлении в партию эсеров в 1907 г. (см. 1.1)<sup>62</sup>. Разумеется, «клятвы **крупные** (= гробовые, до гроба)<sup>63</sup>» – это, одновременно, и совместная «клятва» юных Осипа Мандельштама и Бориса Синани, имитирующая известную клятву Герцена и Огарёва и т. д.

В середине 1920-х М присоединяется к мощной кампании, развёрнутой в СССР против казни в США двух анархистов, обвинённых в убийстве инкассаторов (казнь состоялась в 1927 г.). Н. Мандельштам сообщает: «Во время кампании в защиту Сакко и Ванцетти – мы жили тогда в Царском Селе – О.М. через одного церковника передал на церковные верхи свое предложение, чтобы церковь тоже организовала протест против этой казни» [28, т. 1, с. 86]. Эту странную поддержку Мандельштамом государственной политической кампании можно адекватно объяснить, наверно, только тем, что Мандельштам видел в этих анархистах-террористах<sup>64</sup> – «своих», некий современный

<sup>59</sup> См. [4, с. 231, 243].

<sup>60</sup> См. [28, т. 2, с. 210]. Процесс начался 1 июня 1922 г.

<sup>61</sup> Стих. «1 января 1924».

<sup>62</sup> А. Мец пишет: «не следует преуменьшать значения <...> данной им при вступлении в партию “присяги чудной четвертому сословию” (как сказано в стихотворении “1 января 1924”) для самосознания поэта» [10, с. 35].

<sup>63</sup> Здесь фоническая русск.-нем. связь: КРУПНЫЙ → нем. **Grobe** ‘крупный’ → (пар.) ‘гробовой».

<sup>64</sup> В этот период для многих в США и Европе понятие «анархист» было эквивалентно понятию «террорист, совершающий убийства и ЭКСы “ради правого дела”» и т. д. В реалиях XXI века эту нишу заняли «исламские радикалы».

аналог знакомых ему анархистствующих «эсеров-максималистов», успешно занимавшихся «ЭКСаами».

Также в середине 1920-х Мандельштам общается в Детском Селе с одним из «неформальных идеологов» эсеровской партии (до её разгрома) Р. Ивановым-Разумником, принципиальным сторонником БО-террора. Н. Мандельштам, сообщая об этом в своих мемуарах, подробно передаёт разговор между ними в июне 1927 г., сразу после теракта в ленинградском центральном партклубе, осуществленного 7 июня «Союзом национальных террористов»<sup>65</sup>. Существенно, что Иванов-Разумник разговаривает с М как с «товарищем по партии», человеком той же идеологии<sup>66</sup>. Поэтому его искренно удивляет и возмущает то, что его восхищение недавним терактом и, вообще, политическим террором не находит, по непонятным ему причинам, должной поддержки у М<sup>67</sup>.

\* \* \*

В конце 1920-х в ряде текстов М возникают пассажи, написанные «языком БО».

Вот приписка М к письму его жены к Ахматовой (от 11.06.29): «Я призываю товарищей спасти *честь свою*, честь литературы – вырвать оружие у черной шайки, выступить *властно*, немедленно»<sup>68</sup>.

В письме ленинградским писателям (от 11.06.29) М пишет: «Нужен суд над *зачинщиками травли*, над теми, кто попусти-

<sup>65</sup> См. [28, с. 43–44 и примечания].

<sup>66</sup> Это «просвечивает» сквозь текст Н.М., в котором она старается представить собеседников идеологически «чужими», а мужа квалифицирует как «принципиального противника террора».

<sup>67</sup> Достаточно очевидно, что неприятно поразившая (он даже, как сообщает Н.М., «преисполнился чем-то очень похожим на презрение») Иванова-Разумника сдержанность М в этом разговоре объясняется, прежде всего, тем, что высказывать, пусть просто идеологическую, поддержку террору летом 1927 г. (да ещё сразу после теракта, «поставившего на уши» всё ГПУ!) было опасно. Кроме того, М находился в это время в состоянии «экзистенциального вакуума» и, вообще, плохо понимал свои же идеологические «установки»: его строки «я трамвайная вишенка страшной поры и не знаю, зачем я живу» были **записаны** в 1931 г., но относились, скорее, ко второй половине 1920-х.

<sup>68</sup> См. [15, с. 121].

тельствовал <...>. К ответу их за **палаческую** работу, скрепленную ложью»<sup>69</sup>.

В «Четвертой прозе» (зима 1929/30 гг.) вдруг мощно прорывается презрение и ненависть бывшего эсеровского активиста (и симпатизанта БО) к «вегетарианским» интеллигентам, которые с «терпимостью» относятся к **палачам**, «рубящим головы, расстреливающим несчастных по темницам» и т. п. Представителем этой «вегетарианской сволочи», фокусирующим инвективу М, по не совсем понятным причинам, является литературовед Д. Благой:

«В Доме Герцена один молочный вегетарианец – филолог с головенкой китайца – этакий ходя – хао-хао, шанго-шанго – когда рубят головы, из той породы, что на цыпочках ходят по кровавой советской земле, некий Митька Благой – лицейская сволочь, разрешенная большевиками для пользы науки... А я говорю – к китайцам Благого – в Шанхай его, к китаезам! Там ему место! Чем была матушка филология и чем стала! Была вся кровь, вся нетерпимость, а стала пся-кровь, стала – все-терпимость...»<sup>70</sup>.

### 1.3. Внутренняя перестройка как результат путешествия в Армению. Психологическая «разморозка» и выход «на дорожку» боевой гражданственности.

Он ждет сокровенного знака,  
На песнь, как на подвиг, готов.

В результате психологического «взрыва», связанного с погружением в совершенно иной мир – Армению (преддверие Востока), приходит «дрожь новизны», приходит давно надвигавшееся осознание «реальности», осознание того, что он лукаво и трусливо «заморозил свое время»<sup>71</sup>, т. е. остановил свою **настоящую** жизнь.

<sup>69</sup> См. [15, с. 122].

<sup>70</sup> ЧП, 8-я главка. Здесь ХАО-ХАО, ШАНГО-ШАНГО = (кит.) 'хорошо-хорошо, очень хорошо-очень хорошо'. ПОРОДЫ → (пар.) Y[peródem] 'подлец, ничтожество' → СВОЛОЧЬ. Подробнее разбор этого места см. [3], Приложение.

<sup>71</sup> В 1931 г. М пишет (ПА, гл. Севан): «их [армян] неизъяснимое отвращение ко всякой метафизике и прекрасная фамильярность с миром реальных вещей – все это говорило мне: ты бодрствуешь [здесь, в Армении – Л. Г.], **не бойся своего времени, не лукавь**».

Остановил, например, в том, что не совершил (и даже не попытался участвовать в совершении) теракта «против тирана» – не пролил его «крови горячей» и своей «красной крови аорты»<sup>72</sup>.

В конце 1930 г. какой-то внутренний запрет (заморозка, ступор) снимается, восстанавливается разорванная «связь времён», склеивается «разбитый позвоночник века» – и наступает «взрыв»<sup>73</sup>, «дуговая растяжка», катарсис, ощущение **освобождения**<sup>74</sup>, связанного (как полагается по каноническому сюжету<sup>75</sup>) с ощущением нарастающей смертельной опасности, приближающейся смерти. Н. Мандельштам пишет: «на обратном пути из Армении – в Тифлисе – к нему вернулись стихи. **Первые за многие годы он почувствовал прошлое и восстановил с ним связь**»<sup>76</sup>.

«Восстановление связи» с эсеровским прошлым ощущается в стих. «Мы с тобой на кухне посидим...», созданном в январе 1931 г.

Рассмотрим в нём строки:

А не то **веревки** собери,  
Завязать **корзину** до зари,  
Чтобы нам **ухать** на вокзал,  
Где бы нас **никто не отыскал**.

Этот фрагмент немедленно «отображается» в следующий фрагмент ШВ, посвященный Борису Синани: «Умирая, Борис бредил **переездом** в Райволу [где была **конспиративная** база БО – Л. Г.] и какими-то **веревками для упаковки клад**». При

<sup>72</sup> Ср. «...ощущенье жизни <...>, когда сердцу нужнее всего **красная кровь аорты!**» (ШВ, гл. Эрфуртская программа).

<sup>73</sup> Об идеологии «взрыва» см. монографию [3].

<sup>74</sup> Мы уже говорили в Предисловии, что это освобождение связывается в представлении М с простотой и «лёгкостью» ислама, см. эпиграф к Предисловию: «я почувствовал дрожь новизны... я сменил копытообразную и пропыленную городскую обувь на легкие мусульманские чупьяки». Н. Мандельштам пишет в мемуарах, что М «в тридцатые годы...помолодел и повеселел» [28, т. 2, с. 463].

<sup>75</sup> Например, по сюжету «жития» эсеровского «поэта-террориста» Каляева, см. выше.

<sup>76</sup> См. [28, т. 1, с. 279].

этом отображении Борис Синани становится «образом» Мандельштама<sup>77</sup> и как бы «восстанавливает» его связь с эсеровской юностью.

Именно это внутреннее ощущение возврата к (эсеровскому) прошлому объясняет первые строки этого стихотворения: «Куда как страшно нам с тобой, Товарищ большеротый мой». Чего было бояться в конце 1930 г. Мандельштаму – признанному «мастеру», находящемуся под особым покровительством Бухарина? Разве что излишней задержки в решении «жилищной проблемы»? Но надвигается тотальное уничтожение бывших эсеров и бывших троцкистов, и «возвращающийся к прошлому» М остро ощущает опасность<sup>78</sup>.

В той самой юности (к которой он сейчас как бы возвращается) М написал стихотворение «Как облаком сердце одето...» (1910), где говорит сам себе и о себе:

Но тайные ловит приметы  
Поэт, в темноту погружен.  
Он ждет сокровенного знака<sup>79</sup>,  
На песнь [= казнь – Л. Г.], как на подвиг, готов.

<sup>77</sup> Аргументация этого утверждения: принцип НСО (непрерывность семантического отображения), см. эту технику в монографии [3] п. 1.2.3.3 (а).

<sup>78</sup> Ср. пассаж в протоколе допроса М (от 25.05.1934): «В 1927 году это доверие [к политике Коммунистической партии и советской власти] колебалось **достаточно горячими симпатиями к троцкизму**, и вновь оно было восстановлено в 1928 году» [6, с. 46]. Разумеется, на М сильное впечатление произвёл и недавний расстрел (в ноябре 1929 г.) старого «товарища по партии», бывшего эсера и «человека Троцкого» Якова Блюмкина (его обвинили в контактах с Троцким в Стамбуле в 1929 г.): «О расстреле Блюмкина (или Конрада?) мы прочли в Армении – на всех столбах и стенах расклеили эту весть. О.М. и Борис Сергеевич вернулись в гостиницу потрясенные, убитые, больные... Этого оба они вынести не могли» [28, т. 1, с. 28]. Здесь, видимо, небольшая абберация памяти у мемуариста (Блюмкин был казнен существенно раньше приезда М в Армению), но можно уверенно утверждать, что М воспринял казнь Блюмкина как начало тотального уничтожения бывших эсеров и троцкистов, к которым он сам принадлежал.

<sup>79</sup> Здесь фоническая русск.-нем. связь: ЗНАК, КАЗНЬ ↔ Gesang 'песня, стих'. В 1934 г. М скажет: «Часто пишется казнь, А читается правильно – песнь» («Реквием»).

Армения, её восточная простота, её библейские горы, «к оружию зовущие», и стали для Поэта тем самым «знаком», «триггером» к совершению главного Подвига своей жизни.

\* \* \*

В начале 1931 г. Мандельштам записывает: «Я сейчас нехорошо живу. Я живу, не совершенствуя себя, а выжимая из себя»<sup>80</sup>.

Эта, совершенно толстовская, фраза<sup>81</sup> немедленно бросает в начало века, в 1906 год, в семью Синани<sup>82</sup>, в атмосферу, насыщенную образами из «Войны и мира», с их жаждой «доблести, чести и славы», – и немедленно далее, к тогдашним «антитолстовцам» – террористам БО.

Мандельштам записывает далее: «Эта случайная фраза вырвалась у меня однажды вечером после ужасного **бестолкового** дня вместо всякого так называемого “творчества”». Здесь «бестолковый день» отсылает к «бестолковой жизни» из армянских стихов (см. эпиграф к Предисловию), – идёт психологическая подготовка к совершенствованию «нехорошей», «бестолковой» и «замусоленной» своей жизни, к её очищению «горячей кровью»: идёт самоподготовка к *джихаду*.

Постепенно приходит ощущение необходимости **совершення** поступка, подвига, *джихада*, пусть (и так даже лучше!) сопряжённого со смертельным исходом: «Я к смерти готов»<sup>83</sup>, –

<sup>80</sup> <Вокруг «Путешествия в Армению»>, глава «Москва».

<sup>81</sup> Ср. например, в дневнике Л. Толстого за 1865 г.: «Я был дурной эти дни».

<sup>82</sup> Ср. ШВ, гл. «Семья Синани»: «Розовая комната [комната молодёжи в квартире Синани] соответствовала диванной из “Войны и мира”».

<sup>83</sup> О. Ронен считал, что это высказывание отсылает к гумилёвскому тексту «Гондла»: «я вином благодати опьянился и к смерти готов», см. [14, с. 257]. Добавим, что переключка с Гумилёвым вполне естественна и даже ожидаема для М именно зимой 1933/1934 гг. Н. Мандельштам вспоминала, что, когда он писал Эпиграмму, «он думал только, что его сразу расстреляют» [интервью октября 1977 г., цит. по 20, с. 481]. Э. Герштейн вспоминает о «горделив[ой] обреченност[и], с какой Осип Эмильевич читал мне свою сатиру на Сталина, приговаривая: “Если узнает – расстрел”» [7, с. 330]. Поскольку «акция» Мандельштама в ряде аспектов имитирует теракт И. Каляева (см. комментарий к Основному тезису в Предисловии), следует отметить сообщение тюремного священника (И. Флоринского), говорившего с Каляевым перед казнью: «Когда я ему сказал, что через два часа он будет казнен, он мне совершенно спокойно ответил: “Я вполне готов к смерти; я не нуждаюсь в ваших таинствах и



сказал Мандельштам Ахматовой в феврале 1934 г. Приблизительно тогда же он сказал Ахматовой: «Стихи сейчас должны быть гражданскими»<sup>84</sup> и прочитал Эпиграмму<sup>85</sup>.

О напряжённом, даже психотическом состоянии сознания М в этот период сообщает и его жена: «В начале тридцатых годов<sup>86</sup> Мандельштам разбудил меня ночью и сказал: “Теперь каждое стихотворение пишется так, будто завтра смерть”. Иногда он напоминал мне об этой фразе: “Помнишь, как теперь со стихами...”»<sup>87</sup>.

#### 1.4. Решение о теракте и психологическая самоподготовка.

К середине 1931 г. решение о теракте принято<sup>88</sup>. Мандельштам примеряет на себя образы-маски, паттерны поведения и

молитвах”». Правда, нет подтверждения, что это высказывание Каляева было известно М, в отличие, разумеется, от текста «Гондлы».

<sup>84</sup> Н. Мандельштам вспоминает про это же время: «Один раз – незадолго до ареста 34 года – он сказал, что ему бы хотелось “сделать что-нибудь для людей”, а то он много живет и как-то не позаботился об этом» [28, т. 1, с. 310].

<sup>85</sup> А. Ахматова это сообщает в «Листках из дневника» так: «Несмотря на то, что время было сравнительно вегетарианское, тень неблагополучия и обреченности лежала на этом доме. Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 г.), о чем говорили, не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: “Я к смерти готов”. <...> Я очень запомнила один из наших тогдашних разговоров о поэзии. О.Э., который очень болезненно переносил то, что сейчас называется культом личности, сказал мне: “Стихи сейчас должны быть гражданскими” и прочел: “Под собой мы не чуем...”» [13, с. 20].

<sup>86</sup> Видимо, в окрестности вечера в «Литературной газете» 10.11.1932.

<sup>87</sup> См. [9, с. 438]. Дальше Н.М. пишет: «Не потому ли нам было так хорошо вместе, что жизнь всегда шла на пороге смерти и конца. <...> С начала тридцатых годов началась спешка, будто все случится в ту же ночь или наутро». Это ведь, на самом деле, дискурс подруги эсера-террориста, участвующей в подготовке «акции»! Отметим, что в 1931–1933 гг. (до «акции») никакой «порог жизни и смерти» в жизни Мандельштамов не просматривался: для «внешнего наблюдателя» М был «номенклатурным поэтом» (см. [16]), «мастером» с персональной пенсией (с марта 1932 г.), с бонами для Торгсина (наследство от умершего в 1930 г. тестя), с готовящимся собранием сочинений, со строящейся кооперативной квартирой и т. д.

<sup>88</sup> Н. Струве писал в статье «Судьба Мандельштама» (1969): «Мандельштам <...> вступил в беспремерный поединок со всем своим временем. **Решение созрело в самом начале 30-х годов**». Далее Струве приводит последнюю строфу стих. «Довольно кукситься...» и продолжает: «В конце 1933 года решение становится действием, Мандельштам бросает вызов миру; **выходит холодным шагом к барьеру**» [17, с. XXXI–XXXII].

акции известных террористов. Идёт процесс психологической **симуляции** будущего теракта<sup>89</sup>.

1.4.1. В стих. «Довольно кукситься...» (июнь 1931 г.)<sup>90</sup> он пишет: «Я нынче **славным бесом обуян**<sup>91</sup>,/ Как будто **в корень голову шампунем/ Мне вымыл парикмахер Франсуа**<sup>92</sup>. <...> ручаюсь головой,/ Что я еще могу набедокурить/ На **рысистой дорожке беговой**».

Здесь «проявляется» **Рысс** – известный эсер-максималист<sup>93</sup>. Кроме того, сюда, по-видимому, «вшифрован» и **Рысаков** – знаменитый бомбометатель, участник «акции» 1 марта 1881 г.<sup>94</sup> Добавим, что в этом «эсеровско-террористическом» ассоциативном поле слово «корень» суггерирует фигуру эсера Баби-

<sup>89</sup> «Зимой 32/33 года [точнее, 10.11.32 – Л. Г.], на вечере стихов О.М. в редакции “Литературной газеты”, Маркиш **вдруг все понял** и сказал: “Вы сами себя берете за руку и ведете на **казнь**”» [4, с. 147].

<sup>90</sup> См. комментарии к этому знаковому стихотворению в Приложении и в монографии [3], п. 3.4.3.

<sup>91</sup> Смысл: «**бесом славы обуян**» (подробнее об этой модификации смысла см. в монографии [3], п. 3.4.3.1 и в Приложении). «Бес славы» в «эсеровском» поле ассоциаций немедленно отсылает к пассажиру из ШВ: «**слава была в б.о.**» – там ведь **корень** политического мировоззрения М (см. к этому сноску в п. 1.5.3).

<sup>92</sup> Имя «Франсуа» вводит французские политические/гражданские/макабрические топосы и шифрует смысл: «я должен сейчас писать **гражданские** стихи свободно, без какой бы то ни было «узды», я **освобождаюсь от узды, как рысак или жокей на беговой дорожке**: аргументацию этой расшифровки см. в Приложении. Кроме того, «Франсуа» даёт связь через «новый трепет» (см. Приложение) с Парижем импрессионистов, с ясной, простой (и смертоносной) французской гражданственностью и, через «картинки из Марокко» (куда «звал» импрессионист Синьяк, см. ПА), с **легкостью и простотой ислама** (см. выше Введение и эпиграф к основному тексту).

<sup>93</sup> Отметим, что пик «славы» Рысса пришелся на 1906–1907 гг. – время активных контактов М с БО, когда он должен был часто слышать эту фамилию. В частности, Соломон Рысс был, предположительно, **кучером экипажа**, привезшего на место «акции» 3 бомбистов, взорвавших (со множеством жертв) дачу Столыпина летом 1906 г.

<sup>94</sup> Для полноты «ассоциативного спектра» отметим, что в июне 1931 г., когда создавался этот текст, М жил в квартире юриста **Цезаря** (КеСаРь ↔ РыСаКов) **Рысса**, см. [2, с. 106, 252]. Наконец, «Цезарь» – партийная кличка лидера одесских эсеров-максималистов П. Зайцева, которому М был представлен Блюмкиным в Москве в первых числах июля 1918 г., см. [12, с. 135].

на (подписывал статьи псевдонимом «Корень»), который, как уже отмечалось в п. 1.1, в окрестности 1905 г. был репетитором в семействе Мандельштамов и, по-видимому, оказал большое влияние на юного Осипа<sup>95</sup>.

Но главное значение текста «Довольно кукситься...» в том, что всё это стихотворение, – начиная с «мужественного»<sup>96</sup> ритма ямба, которым написана его основная часть, и первых же слов, отсылающих к фамилии французского поэта А. Барбье<sup>97</sup> и его тираноборческим ямбическим политическим памфлетам 1830 г., – это *мантра*, самовнушение, самоманипулирование<sup>98</sup> с целью подготовки себя к созданию «ошеломляющего» политического памфлета, т. е. к смертельному (тер)акту<sup>99</sup> против тирана<sup>100</sup>. Отметим, наконец, что этот теракт (казнь тирана) до-

<sup>95</sup> Бабин Борис (Корень), р. 1886, эсер, депутат Учредительного собрания. См. о нём [18, с. 394–395] и «Воспоминания» Е. Мандельштама. Мандельштам сообщает о дружеских отношениях (например, вчетвером встречали в Ленинграде новый 1925 год) Мандельштамов с Бабиным и его женой Бертой, тоже членом партии СР, которых она называет: «друзья Мандельштама еще по дому Синани» [9, с. 216].

<sup>96</sup> Так сам М определяет ямб в статье «Огюст Барбье» (1923), см. ниже.

<sup>97</sup> ДОВОЛЬНО = **barbe!** 'фр. довольно!'; ПАРИКМАХЕР = **barbier** 'фр. парикмахер' → (омоф.) Барбье. А. Barbier – франц. поэт, стихи которого о революционном Париже лета 1830 г. М переводил в 1920-х гг. Связь «Довольно кукситься...» с Барбье подчёркивается ещё и тем, что это стихотворение написано **ямбом** – а «главный» цикл стихов Барбье (частично переведившийся Мандельштамом) называется «**Ямбы**». «Гражданская» ангажированность Барбье (как и Данта!) была крайне актуализирована для М в момент написания ДК. Первые строки ДК (и **ритм ямба**) явно отсылают к статье М «Огюст Барбье» (лето 1923 г.), в которой М пишет: «Собачья склока» была напечатана в газете <...>; еще не высохла типографская краска, как имя поэта было у всех на устах. **Слава** [→ «бесом славы обуян» – Л. Г.] пришла одним ударом, одним стихотворением». А для М этим «одним стихотворением», которое принесет **славу**, будет, очевидно, будущий «ошеломляющий» политический памфлет против Сталина!

<sup>98</sup> На диалекте одного из северо-американских племён *психологов*, это называется NLP-текстом.

<sup>99</sup> Подготовка этой акции, этого смертоносного и судьбоносного **текста** и есть РЫСИСТАЯ ДОРОЖКА БЕГОВАЯ (= БО-евая)!

<sup>100</sup> Он же лже-Мессия, он же Антихрист, образ которого возникает в «Египетской марке» и в тексте «Довольно кукситься...», см. подробнее в монографии [3], п. 3.4.3 и в Приложении. Напомним, что герой «Войны и мира» Пьер Безухов собирается совершить **подвиг**, осуществив **теракт** против Наполеона

полнительно суггестируется в тексте стихотворения образом «парикмахера», «моющего голову»<sup>101</sup>.

Завершающая строфа ДК – типичная техника самовнушения, аутогенного:

Не волноваться. Нетерпенье – роскошь,  
Я постепенно скорость разовью –  
Холодным шагом выйдем на дорожку –  
Я сохранил дистанцию мою.

1.4.2. В Канцоне (май 1931 г.) снова встречается «слава», отсылающая к упоминанию эсеровской БО в «Шуме времени». Здесь же «проявляются» образы террористов Халтурина и Фигнер:

Слева сердце бьется, **слава, бейся!**<sup>102</sup> –  
<...>  
То Зевес подкручивает с толком<sup>103</sup>  
Золотыми **пальцами краснодеревца**

«Золотые пальцы краснодеревца» суггестируют пару: Халтурин + Фигнер.

Напомним, что Степан Халтурин, устроивший в 1880 г. взрыв в Зимнем дворце, работал там столяром-краснодерев-

= Антихриста. Для Мандельштама, как всегда, было здесь существенно и имя героя: *piette* = фр. 'камень', ср. вариант в раннем стихотворении М: «**мстите-лем**, камень, будь...» («Я ненавижу свет...», 1912).

<sup>101</sup> Ведь парикмахер – одновременно, и «рудомёт», т. е. «кровопускатель», который может, если понадобится, и голову обслуживаемому «начальнику» отрезать, как это сделал герой пьесы А. Луначарского «Королевский брадобрей». Интересно, что брадобрей в пьесе, совершив **теракт**, кричит: «Власть, о власть!» Эта пьеса, издававшаяся и ставившаяся в Москве в 1918–1919 гг., была, с большой вероятностью, известна М (ведь он в это время работал у Луначарского): на это указал Р. Тименчик в работе «Руки брадобрея» [42, с. 529]. Еще один подтекст, указывающий на связь контекста парикмахерской с контекстом «казни тирана» – это фрагмент ЕМ: «...он [Парнок] только жмурился и глубже уходил в мраморную **плаху** [аксессуар казни – Л. Г.] умывальника. И **кроличья** [королевская – Л. Г.] **кровь** под мохнатым полотенцем согревалась мгновенно».

<sup>102</sup> Ср. в ШВ: «...слава была в б.о.», «...намокшие крылья **славы бьются** в стекло...».

<sup>103</sup> Именно «с толком», помогая выйти из «**бестолковой жизни**».



щиком. Его соратницей по руководству «Народной Волей» и по организации терактов была Вера Фигнер, образ которой суггестируется словом «пальцами» → **Finger** – нем. ‘палец’<sup>104</sup>.

В «оперативной памяти» Мандельштама образ Халтурина устойчиво присутствовал еще, видимо, с 1926 г., когда он получил (или собирался получить) от С. Маршака заказ на жизнеописание Халтурина. В письме жене (от 17.02.1926) М пишет: «Маршак заключает договор на биографию Халтурина – **плотника-народовольца**: 1–1½ листа, 150–200 р. Это очень легко. Я напишу в 5 дней»<sup>105</sup>.

Халтурин потом «проявится» еще в стих. «Квартира» (см. ниже).

1.4.3. Наконец, смешная и нелепая, на первый взгляд, «охота» с Лёвой Гумилёвым за А. Толстым зимой 1933/34 гг. – это, на самом деле, психологическая подготовка «малого теракта» против «малого палача», прислужника «большого тирана», т. е. подготовка одной из «акций наказания» (вполне в стиле БО) больших и малых «палачей»<sup>106</sup>.

<sup>104</sup> Весной 1908 г. М слышал выступление В. Фигнер в Париже на вечере, посвящённом Гершуни, см. выше. Равновероятно здесь суггестируется и образ А. ФИГНЕРА, знаменитого партизана 1812 г., который **готовил теракт** против Наполеона, собираясь «принести себя в жертву», – об этом говорится, например, в (разумеется, известном М) тексте «Сожжённой Москвы» Г. Данилевского.

<sup>105</sup> См. [15, с. 63]. Этот проект не был реализован.

<sup>106</sup> «Малый теракт», в конце концов осуществлённый М в конце апреля 1934 г., – это его «пощёчина» А. Толстому. Слова М: «Я наказал **палача, выдавшего ордер на избивание** моей жены» – это дискурс Народной Воли и БО, ср. акцию Веры Засулич, «наказавшей палача, выдавшего ордер на избивание» заключённого «товарища по партии». М тоже считал жену товарищем по партии («товарищ большеротый мой») и мстил за её «физическое» унижение, как Засулич – за унижение своего товарища, чтобы смыть **позорное пятно**. Ср. пассаж С. Кравчинского: «Засулич вовсе не была террористкой. Она была ангелом мести, жертвой, которая добровольно отдавала себя на заклание, **чтобы смыть с партии позорное пятно смертельной обиды**». См. ещё о «малом теракте» в п. 4.2. Отметим, что эта акция М была, скорее, **симуляцией** теракта Засулич, всадившей «палачу» две пули в живот. Напомним совершенно эсеровское по стилю высказывание М (лето 1937 г.): «Симуляция – самый испытанный **метод политической борьбы**. <...> Я покажу, что значит настоящая политическая симуляция!!» [7, с. 69].

Э. Герштейн в своих мемуарах описывает эту странную «охоту»: «Лева должен был подстергать его [Толстого], чтобы вовремя подать сигнал Мандельштаму. Тогда Осип Эмильевич должен был возникнуть перед “графом” и дать ему пощечину. В связи с этой затеей оба друга, старый и юный<sup>107</sup>, просиживали в какой-то столовке или забегаловке у Никитских ворот, недалеко от дома Алексея Толстого. Этот район имел и другую притягательную силу: неподалеку был Гранатный переулок, где жила Петровых. Она не служила, и, несомненно, они забегали к ней в дневные часы»<sup>108</sup>.

### 1.5. Выбор оружия.

В течение 1931 и 1932 гг. М обдумывает технику и оружие теракта.

<sup>107</sup> Э. Герштейн явно стремится «понизить профиль» участия Льва Гумилева в этой «охоте», представляя ее как помощь двадцатилетнего несмышляныша не совсем адекватному старшему другу. Между тем, участие Льва в «акции» представляется совершенно не случайным. Дело в том, что Лев Гумилев, по-видимому, уже с юного возраста, рассматривал себя как противника режима, как потенциального борца с властью (а главный совпис А. Толстой был очевидным олицетворением этой власти). Это подтверждает фрагмент из мемуаров Э. Герштейн, относящийся ко второму аресту Льва (в 1938 г.): «А в начале октября [1938], как мы уже знаем, я услышала у Осмеркиных о протесте прокурора на десятилетний приговор Лева. До этого протеста у Анны Андреевны было свидание с Левой в тюрьме. Она мне рассказывала. Лева сказал: “Мне, как Радеку, дали – десять лет”. И еще: “Мамочка, я говорил, как Димитров, но никто не слушал”. Он не хотел убивать мать своим видом и надел на шею чей-то шарф, “чтобы быть красивее”, как он выразился. Прощаясь, сказал блоковское: **Я – не первый воин, не последний, Долго будет родина больна...**» [7, с. 255–256]. См. к этому примечание о сыновьях Н. Гумилева в п. 1.5.3.

<sup>108</sup> См. [7, с. 49–50]. Немедленно возникает вопрос: на какие деньги «театралка» жила и ходила в театры? Ей 25, она в разводе с мужем, живёт в Гранатном вместе с сестрой Екатериной. По стандартной биографии, работает литсотрудником в разных редакциях. Но почему тогда Герштейн пишет: «не служила»? Может быть, она в это время служит «литсотрудником» в «редакции» Якова Сауловича Агранова? Тогда она просто обязана была сидеть дома и принимать визиты этих «террористов». В этом случае, оперативки о готовящемся теракте против «палача» и выдающегося совписа А. Толстого уже легли на стол Агранова. Но этот сюжет развивается в окрестности 17-го Партсъезда (26.01.1934 – 10.02.1934), и «дело» откладывается.

Он собирается биться<sup>109</sup> с тираном на **равных**, как бы **один на один** (а не как волк, нападающий вместе со стаей), он хочет симулировать ситуацию Дант versus Папа.

1.5.1. В марте 1931 г. он записывает в «Волке»<sup>110</sup>:

«Потому что не волк я по крови своей, И меня только равный убьет».

Это честный вызов Данта Папе, или вызов Пьера Безухова узурпатору и тирану Бонапарту и т. п.

1.5.2. В стих. «Сохрани мою речь» (май 1931 г.) М сообщает, что он готов начать поиск оружия (орудия) для теракта, для «орудийной казни»<sup>111</sup> тирана:

Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе  
И для казни петровской в лесу топориче найду.

Заметим, что «железная рубаха» – это метафора облачения юродивого, а «оружие», которым он поражает всех недостойных, – это **текст**. Этот **подвиг юродивого**, говорящего правду, и есть **русский джихад**. С другой стороны, судя по тексту ЧП, М в конце 1920-х берёт на себя типично «еврейскую» функцию «еврейского изгоя» – еврейского шута, еврейского юродивого. Это, видимо, связано с чётким осознанием М своей еврейской идентичности в 1926–1927 гг. В начале 1930-х этот процесс обостряется и приводит к Эпиграмме 1933 г., которую можно, в определенном ракурсе, рассматривать как «теракт шута»<sup>112</sup>.

1.5.3. Загадочный «отец, брат, грубый помощник» в стих. «Сохрани мою речь», к которому М обращается с просьбой (молитвой) о «сохранении» своей речи, – это, по-видимому<sup>113</sup>, «Бог

<sup>109</sup> В Канцоне (май 1931): «...слава, бейся».

<sup>110</sup> См. подробные комментарии к «Волку» в Приложении.

<sup>111</sup> В набросках к РД (1933 г.) М пишет об «**орудийной казни**, которой он [Дант] их [узурпаторов папского престола] предал», см. подробнее ниже.

<sup>112</sup> Он же, если угодно, «королевский брадобрей», см. комментарии к ДК.

<sup>113</sup> Выражение «по-видимому» означает, что следующее за ним утверждение чётко укладывается в «пазл» излагаемой реконструкции.

Нахтигаль» из стихотворения «К немецкой речи», написанного (или записанного?) в августе 1932 г.

В этом стихотворении М говорит:

«Бог Нахтигаль<sup>114</sup>, дай мне судьбу Пилада<sup>115</sup> / Иль вырви мне язык – он мне не нужен»<sup>116</sup>.

Это молитва перед *джихадом*: ясно, что М собирается отомстить тирану за друга (Николая Гумилёва) **с помощью имени языка** (слов, текста) и просит Бога-Нахтигаль (он же Бог-соловей, Бог-Слово, он же Бог **Славы**) о помощи в этой конкретной акции<sup>117</sup>.

<sup>114</sup> Бог Нахтигаль (Nachtigall – нем. ‘соловей’: отсылка к известному стих. Гейне) → «Бог-соловей» → «Бог-слово» (эта паронимическая связь впервые отмечена О. Роненом) → «Бог славы» (в другом стих. М: «Соловей... славит»). **Слава** здесь немедленно суггерирует упоминавшуюся выше строку из ШВ: «слава была в б.о.» и строку из «Довольно кукситься...»: «я нынче **славным** бесом ОБУян». Именно у «БОга **славы**» как у покровителя БО Мандельштам просит помощи в теракте против тирана.

<sup>115</sup> Вариант: «дай мне твои рулады», выводящий через графическую латинско/кириллическую игру (РУЛАДЫ → Pylades → Пилад) на того же Пилада. В финской трагедии V в. до н. э. **Пилад** неизменно выступает как верный друг Ореста, поддерживающий его, в частности, в **отмщении убийцам его отца**. М в 1932 г., скорее всего, знал (от Ахматовой или от Льва Гумилёва, или от Анны Степановны, сестры Николая Гумилёва – через П. Лукницкого?), что у Гумилёва есть, кроме Льва, сын Орест.

<sup>116</sup> См. анализ этого стихотворения в Приложении.

<sup>117</sup> Символом (античной маской) этой акции является «помощь сыну (сыновьям) погибшего героя в отмщении его убийцам». Мы уже сказали, что «Пилад» суггерирует Ореста, сына Гумилёва. Но в текст стихотворения вшифровано (см. анализ текста в Приложении) и имя Льва, старшего сына Николая. Здесь важно заметить, что в начале 1930-х для многих выглядело вполне естественным, что сын погибшего **героя** попытается отомстить («чекистам») за отца. Это, пусть фантастическое (а ведь и время всё было таким!), «ожидание» как бы висело в воздухе (а Мандельштам очень чётко улавливал подобные вещи). Вот мемуарное подтверждение этого: Э. Герштейн сообщает о разговоре некоего не называемого лица со Львом в 1933 г., в котором этот персонаж сказал: «Мы расстреляли вашего отца. Вы, наверное, нас сильно ненавидите». На что 20-летний Лев ответил: «Это как на войне. Ведь у сыновей убитых на войне ненависти к государству нет» (слышала от А. А. Ахматовой и Н. И. Харджиева). См. *Герштейн Э. Г.* Мемуары и факты (Об освобождении Льва Гумилёва) // Горизонт. 1989. № 6. С. 65. Цит. по [28, т. 2, с. 703]. См. к этому примечание о Лье Гумилеве в п. 1.4.3.

Отметим, наконец, что образ «соловья» в этом тексте и в этом контексте суггерирует известную фигуру А. Соловьева, исполнителя (неудачного) теракта против Александра II-го в 1879 г.<sup>118</sup>

## Глава 2

Русский джихад Мандельштама:  
акция «информационной войны».  
Текст – современное оружие  
еврейского разночинца<sup>1</sup>

### 2.1. Текст – оружие теракта. Самоубийственный теракт – последний творческий акт, последний «акционистский перформанс» художника.

Из п. 1.5 ясно, что к середине 1932 г. Мандельштам выбирает оружие теракта: принято решение бороться с тираном его же, тирана, оружием – убийственным перформативным (манипулятивным) **текстом**<sup>2</sup>. Почти тогда же М пишет в РД о Данте и о себе: «Лapidарность его [текста Данта и своего – Л. Г.] – не что иное, как продукт **огромной внутренней неуравновешенности**<sup>3</sup>, нашедшей себе выход в сонных казнях, в вообража-

<sup>1</sup> В предисловии к своему переводу повести Б. Лекаша «Радап великолепный» (1928) М пишет: «Андре Спир вливает в древний юдаистический пафос новое содержание; он мечтает о том, чтобы Израиль перековал зубцы своих плугов на “изящные маленькие браунинги” – **орудие современной мести ... “библейский плуг перекован на современный браунинг”**». Но «современный браунинг еврейского разночинца» в начале 1930-х – это «убийственный» текст! Напомним, что М своей «акцией» отчасти имитирует теракт «канонизированного» эсеровского поэта-террориста И. Каляева (см. комментарии к Основному тезису в Предисловии), для которого поэзия была видом орудия для совершения «боевого дела». Каляев писал за 30 лет до Эпиграммы: «Я б всех сзывал на бой немолчным сердца криком, **Волебным блеском слов** я б увлекал бойца, И был бы **громом дел мой клич** в бою великом. <...> Вот почему средь бурь зовет душа моя Товарища-бойца величьем грозным дела...».

<sup>2</sup> Характерно, что в ряде языков в обозначении подобных манипулятивных текстов используется лексика с семантикой **убийства**. Например, терминология «информационной войны»: **character-killing, media-killer** и т. п.; российский ветеран «информационных войн», бывший телеведущий С. Доренко сообщает о себе в радиоэфире, что его (с подачи «гомосексуалистов с “Эха Москвы”») называли **телекиллером**, хотя он, разумеется, «никого не хотел **убивать**» и т. д.

<sup>3</sup> Здесь М сам эксплицирует одну из основных своих внутренних психологических матриц: установку на «катастрофальность» (ощущение имманентной неустойчивости существования), постоянную ориентацию на «катастрофическое», взрывное изменение течения жизни. Ср. ниже его высказывания о смерти (архетипе катастрофы) Скрябина в статье «Скрябин и христианство». В этом ракурсе история с «виртуальным терактом» против Сталина является

<sup>118</sup> В судебном обвинении говорилось, что он принадлежит к «русской социально-революционной партии», т. е. он был как бы первым «эсеровским» террористом. Отметим здесь же, что в 1920-х гг. «Мандельштам покупал и просматривал издания Центраархива, и среди них было много книг с делами террористов» [9, с. 25].

емых встречах, в заранее обдуманых и взлелеянных желчью изысканных репликах, **направленных на полное уничтожение противника**, на окончательное торжество».

Ведь это и есть виртуальный (текстуальный) теракт, или, говоря современными словами, акция «информационной войны» в виртуальном пространстве, – а Дант для Мандельштама – первый террорист нового типа!

Здесь существенно то, что М воспринимает Сталина как «человека текста» *par excellence*, как «текстуального демиурга»<sup>4</sup> – т. е. как своего «по крови», как «равного»<sup>5</sup>. Тем самым, виртуальный БО-террорист нового типа готовит осуществление теракта в виртуальном текстуальном пространстве, в котором, собственно, функционирует и намечаемый объект теракта – Сталин, со своими **указами, указаниями о казнях (= песнях)**<sup>6</sup> и т. п.

Создание этого самоубийственного (и, тем самым, «перформативного») текста ведёт к смерти художника и, в паре со смертью, является последним творческим актом художника<sup>7</sup>.

запланированным «взрывом» ненавистной Мандельштаму пастернаковской «дачной» стабильности, «барской лжи», «толкотни в гардероб» и т. д. Эта «психология взрыва-джихада» есть как бы экзистенциальное «мандельштамовское всё», см. об «идеологии взрыва» подробно в [3].

<sup>4</sup> Ср. «как подковы, дарит за указом указ». А подковы-то здесь – это пиктограмма СССР-Р: то есть Сталин куёт страну словом (текстом) своих указов. Ср. в воронежском стихотворении о «советской стране»: «И ленинское-сталинское слово – воздушно-океанская подкова», см. 3.2.

<sup>5</sup> «И меня только равный убьет»: в представлении М, «текст» – наиболее эффективное оружие против Сталина. Тем самым, «мастер, генератор текста» крайне опасен для вождя. По сообщению М. Вайскопфа, в одной из своих ранних публицистических статей Сталин «дважды употребляет фразу: “Толову черту нужно рубить его же мечом”» [39, с. 186]. Н. Мандельштам цитирует высказывание М (в Воронеже в 1935 г. при обсуждении звонка Сталина Пастернаку): «Почему Сталин так боится “мастерства”? Это у него вроде суверения. Думает, что мы можем нашаманить. <...> А стишки [Эпиграмма – Л. Г.], верно, произвели впечатление, если он [Сталин] так раструбил про пересмотр [приговора]» [4, с. 139]. «“Поэзия – это власть”, – сказал он в Воронеже Анне Андреевне» [4, с. 159]. С. Рудаков сообщает (в письме от 23.06.35) высказывания М (Воронеж, 1935): «Поэтическая мысль вещь страшная, и её боятся», «Подлинная поэзия перестраивает мир, и её боятся» [19, с. 68].

<sup>6</sup> В январе 1934 г. М напишет: «Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь» (цикл «На смерть А. Белого»).

<sup>7</sup> Столь важная идеологема, разумеется, должна быть зафиксирована в тексте М. Этот текст – статья «Скрябин и христианство» (1915), которую он,

## 2.2. Попытка осуществления теракта и результирующая «кастастрофа».

2.2.1. Террористический текст предполагается сообщить всем, кому удастся<sup>8</sup>, – это, собственно, и делал Мандельштам<sup>9</sup>.

Вот пример – из воспоминаний М. Таловой: «Нина Леонтьевна [Манухина, вдова Шенгели] рассказала, как не раз, бывая у них, Мандельштам читал эпиграмму на Сталина какому-нибудь новому знакомцу. Уводил его на “черную” лестницу и там читал. Манухина просила: “Ося, не надо!”, но удержать его было невозможно»<sup>10</sup>.

Василиса Шкловская вспоминала: «Представь себе. Он собрал людей, чтобы читать этого “Горца”. Я говорила: “Что вы делаете?! Зачем? Вы затягиваете петлю у себя на шее”. Но он:

---

по свидетельству Н. Мандельштам, позднее считал крайне важной для себя. М пишет в этой статье: «Смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, **заключительное звено**. <...> Она [смерть Скрябина] не только замечательна как сказочный смертный рост художника в **глазах массы**, но и служит как бы **источником** этого творчества, его телеологической причиной. Если сорвать покров времени с этой творческой жизни, она будет свободно вытекать из своей причины – смерти, располагаясь вокруг нее как вокруг своего солнца», «Смерть Скрябина есть высший акт его творчества, ...она проливает на него ослепительный и неожиданный свет» [18, т. 2, с. 160]. Уместно привести здесь приписываемое упоминавшемуся эсеровскому поэту-террористу И. Каляеву (см. комментарий в Предисловии) высказывание на ту же тему (с большой вероятностью известное М из опубликованных после 1917 г. воспоминаний о Каляеве): «Я часто думаю о последнем моменте. Мне бы хотелось погибнуть на месте – отдать всё – всю кровь, до капли... Ярко вспыхнуть и сгореть без остатка... Но есть счастье еще выше – умереть на эшафоте. Смерть в момент акта как будто оставляет что-то незаконченным. Между делом и эшафотом еще целая вечность – может быть, самое великое для человека. Только тут узнаешь, почувствуешь всю силу, всю красоту идеи. Весь развернешься, расцветешь и умрешь в полном цвете... как колос созревший, полновесный», цит. по мемуарам члена БО В. Зензинова.

<sup>8</sup> Распространение текста в имеющейся на данный момент «социальной сети» есть главная часть и цель «виртуального» теракта.

<sup>9</sup> Список тех, кому М сам прочитал Эпиграмму (скорее всего, неполный), см. в [6, с. 31].

<sup>10</sup> Мандельштамовские материалы в архиве М. Талова // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 330–338.

«**Не могу иначе**»<sup>11</sup>. И было несколько человек, и тут же донесли. <...> он собрал нас всех и прочел. Тут же, моментально донесли. <...> А он нас собрал. Причем много народу. <...> У меня такое впечатление, что это было в домоуправлении (*Все смеются.*) (*Возможно, в 1933 г. в доме Герцена.*) – в каком-то ... общественном месте»<sup>12</sup>.

Здесь существенно то, что Шкловская, не помня точно места читки, очень точно помнит ощущение, что Мандельштам пытается вовлечь слушателей в какую-то **общественную акцию**, что, естественно, приводило их в предельный ужас.

С. Липкин вспоминает: «Я с тем же Шенгели... пришел к Мандельштаму в комнату в Доме Герцена<sup>13</sup>, и Мандельштам прочел нам стихотворение об осетинском горце, предварительно потребовав поклясться, что никому о стихотворении не скажем... Шенгели побледнел, сказал: “Мне здесь ничего не читали, я ничего не слышал”» [46, с. 398].

Э. Герштейн, с какой-то «фантомной» злостью на Мандельштамов (через 65 лет!), вспоминает: «Надя и Осип хотели **всех всех затаячить**. Осип говорил так: “Я могу, меня сейчас казнят, а вы чего боитесь, это же глупо думать, кто вас тронет, от кого вам спастись”. Прямо не давали жить, это была истерия такая»<sup>14</sup>. В той же беседе Э. Герштейн вспоминает, что «Пастернак сказал, что это [написание и читка Эпиграммы] было актом самоубийства, и он, Пастернак, не хочет в этом участвовать»<sup>15</sup>.

Ещё сообщение Герштейн о коллективных читках: «Художник А.Г. Тышлер утверждал, что Мандельштам читал ему эти стихи в присутствии нескольких людей»<sup>16</sup>.

А потом этот текстуальный акт террора, по каноническому БО-сюжету, должен был «всколыхнуть массы». Мандельштам,

<sup>11</sup> Ср. в стих. 1937 г.: «Неумолимое – находка для творца – **Не может быть другим...**», см. обсуждение в п. 4.5.

<sup>12</sup> См. [20, с. 109]. В записи 1974 г. курсивные вставки составителей, но не ясно, кто сообщил, что местом читки мог быть «дом Герцена».

<sup>13</sup> Это странная аберрация памяти у Липкина (его мемуары писались в конце 70-х гг.), или М действительно создал Эпиграмму и начал ее читки до переезда в новую квартиру на Нащокинском?

<sup>14</sup> Из беседы с И. Врубель-Голубкиной. Цит. по [21, с. 731].

<sup>15</sup> Там же, с. 731.

<sup>16</sup> См. [7, с. 52].

видимо, рассчитывал, что «пиковое» воздействие его текста «на массы» придётся на 17-й Партсъезд (26.01.1934 – 10.02.1934).

Э. Герштейн вспоминает первую читку ей Мандельштамом Эпиграммы<sup>17</sup>: «Утром неожиданно ко мне пришла Надя, можно сказать, влетела. Она заговорила отрывисто. “Ося сочинил очень резкое стихотворение. Его нельзя записать. Никто, кроме меня, его не знает. Нужно, чтобы еще кто-нибудь его запомнил. Это будете вы. Мы умрем, а вы передадите его потом людям. Ося прочтет его вам, а потом вы выучите его наизусть со мной. Пока никто не должен об этом знать. Особенно Лева”. Надя была очень взвинчена. Мы тотчас пошли в Нащокинский. Надя оставила меня наедине с Осипом Эмильевичем в большой комнате. Он прочел: “Мы живем, под собою не чуя страны” и т. д. все до конца – теперь эта эпиграмма на Сталина известна. Но прочитав заключительное двустигийе – “Что ни казнь у него, то малина. И широкая грудь осетина”, он вскричал: – Нет, нет! Это плохой конец. В нем есть что-то цветаевское. Я его отменяю. Будет держаться и без него... – И он снова прочел все стихотворение, закончив с величайшим воодушевлением: Как подковы дарит за указом указ – Кому в лоб, кому в пах, Кому в бровь, Кому в глаз!! – Это комсомольцы будут петь на улицах! – подхватил он сам себя ликующе. – В Большом театре... на съездах... со всех ярусов... – И он зашагал по комнате. Обдав меня своим прямым огненным взглядом, он остановился: – Смотрите – никому. Если дойдет, меня могут... **РАССТРЕЛЯТЬ!** И, особенно гордо закинув голову, он снова зашагал взад и вперед по комнате, на поворотах приподымаясь на цыпочки.

Потом мы уединились с Надей, и она стала мне говорить эти стихи по строчкам. Тут же она мне сказала вариант пятого стиха: “У него на дворе и собаки жирны”. Мне казалось, что все это глубоко погребено. До осуждения Мандельштама я ни одному человеку об этом стихотворении не говорила и уж, разумеется, не читала. Но как-то при мне зашел о нем разговор между Мандельштамами, и Надя безмятежно заявляет, что Нине Николаевне Грин больше нравится другой вариант. Вот

<sup>17</sup> Судя по последовательности изложения у Герштейн, это январь 1934 г., вскоре после похорон А. Белого.



тебе и раз. Оказывается, я не одна посвящена в тайну. И я не знала, что существует совсем иная редакция»<sup>18</sup>.

В тех же мемуарах Герштейн вспоминает психотическое состояние<sup>19</sup> М зимой и весной 1934 г.: «Мандельштам продолжал бесноваться. <...> Впоследствии выяснилось, что он искал случая дать пощечину Алексею Толстому и читал почти “**направо и налево**”<sup>20</sup> свои стихи о Сталине. Теперь ему опять недоставало Ахматовой. Он требовал по телефону, чтобы она вернулась в Москву. <...> Однажды при мне, когда никого не было, он, уже в который раз простившись с Анной Андреевной, **еще не положив трубку**, запальчиво заявил: “Мы члены одной партии”<sup>21</sup>. Её товарищ по партии в беде. Она обязана приехать”. Ну что ж, Анна Андреевна собралась, приехала дня через три, утром, а ночью, когда уже у Мандельштамов собирались ложиться спать, явились гэпзэушники с ордером на арест Осипа Эмилье-

<sup>18</sup> [7, с. 51–52]. Похоже, что Мандельштамы сначала рассматривали Герштейн как сосуд для «глубокого погребения (хранения)» текста и поэтому, из предосторожности, не собирались ей сообщать о других слушателях Эпиграммы.

<sup>19</sup> Это состояние замечают и другие. Б. Лившиц пишет в письме М. Зенкевичу (от 14.01.1934): «Кстати, об Осипе. До меня дошли слухи, внушившие мне опасение за его **душевное состояние**. Верны ли эти слухи? Ахматова обещала позвонить мне по возвращении из Москвы, но пока я не на шутку встревожен» [33, с. 391].

<sup>20</sup> Надежда Вольпин (в интервью 1975 г.) использует то же выражение: «И стихи о Сталине он **читал направо и налево** до и после» [20, с. 94].

<sup>21</sup> В другом месте мемуаров Герштейн передаёт это высказывание так: «Мы – акмеисты, члены одной партии» [7, с. 54]. Скорее всего, М сказал: «Мы акмеисты и члены одной партии», имея в виду партию эсеров, а не «партию акмеистов». Не мог же М в 1934 г. всерьёз причислять к одной политической партии себя и Нарбута, Городецкого, Зенкевича вместе с монархистом Гумилёвым! Ахматова же до июля 1918 г. выступала в эсеровских клубах и часто публиковалась в эсеровских газетах, в частности, в «Деле народа» и «Воле народа», с которой сотрудничал и М, и в которой он опубликовал стих. «Кассандре», посвященное Ахматовой. К этой же, своей, партии М относил и жену, ср. его «партийное» обращение к ней в стих. конца 1930 г.: «Куда как страшно нам с тобой, **товарищ** большеротый мой», Отметим здесь же несколько странный пассаж в мемуарах Н. Мандельштам: «Встречаясь с Анной Андреевной, мы всегда чувствовали себя, по крайней мере, **заговорщиками** и могли испугаться чего угодно» [28, т. 1, с. 306].

вича. Я не могу отделаться от впечатления, что Мандельштам сам поторопил свою беду»<sup>22</sup>.

2.2.2. Крайне существенно для данной реконструкции, что, как уже отмечалось выше, М в 1932–1933 гг. явно приходит к анахроническому отождествлению себя с Дантом<sup>23</sup>, борющимся с римскими папами **оружием текста**.

В набросках к «Разговору о Данте» (1933) М пишет: «Узурпаторы<sup>24</sup> **папского** престола могли не бояться **звуков**<sup>25</sup>, которые насылал на них Дант, они могли быть равнодушны к **орудийной казни**<sup>26</sup>, которой он их предал, следуя законам поэтиче-

<sup>22</sup> См. [7, с. 53–54, 430].

<sup>23</sup> Во 2-й главе РД: «Дант – **внутренний разночинец** старинной римской крови». Те же слова, фактически, говорит М о себе, только с заменой «римской» на «еврейской». Там же: «...**внутреннего разночинца** четырнадцатого века [ит. треченто (trecento) – паронимично русск. «тридцатые (годы)», «тридцать четвёртый (год)» и т. п. – Л. Г.], который так мучительно находил себя в социальной иерархии». «Внутренний разночинец» отсылает к советскому клише начала 1930-х: «внутренний эмигрант».

<sup>24</sup> **Узурпаторы** здесь – это: современный Данту Папа → Наполеон, которого принято называть «узурпатором» → Сталин, которого многие называли «узурпатором». Е. Гинзбург в «Крутом маршруте» приводит высказывание о Сталине в Бутырке в июле 1937 г.: «Кавказский **узурпатор**, поверьте, пострашнее своих **французских** предшественников. Секир башка – и все тут!» Отметим известную фразу Наполеона, по-видимому, сказанную Александру I во время *разговора без треуголок* «на шатком неманском плоту»: «Вы у себя дома одновременно **император и папа** – это хорошая идея». Это ведь, в сущности, идея **цезарепализма**, которая впоследствии так удачно реализовалась в Сталине. Э. Герштейн вспоминает 1929 год: «**Цезаризм** уже витал в воздухе» [7, с. 395]. Мандельштам (до Воронежа!) был всегда глубоко враждебен этой идеологии: ср.: «Петербургские друзья (Гумилёв, Карташёв, Ахматова) **пугали его цезарепализмом**» [22, с. 471]. В ряде текстов Мандельштама сквозь образ Наполеона просвечивает образ Сталина: «**Тычут** [ср. в Эпиграмме: **тычет** – Л. Г.] шпагами шишиги, в **треуголках носачи** [конечно, из-под паронима-“маски” протупает: **усачи**] = распространённое прозвище Сталина – Л. Г.]».

<sup>25</sup> Т. е. «звуков песен» (Canzone ↔ Канцона) → (эквинос.) «казней». Т. е. Дант «насылал» на Папу текстуральные «казни».

<sup>26</sup> Здесь зашит второй смысл: «кровавой казни» – работает русско-германская (русско-идишская) паронимия: ОРУДИЙНОЙ ↔ «рудной» (руда = кровь) и (с метатезой): Ader = Y[oder] = «жила, аорта».

ской метаморфозы, но **разрыв папства** как исторической формации здесь предусмотрен и разыгран...»<sup>27</sup>.

Эти слова в тексте 1933 г. отсылают к статье М «Огюст Барбье» (лето 1923 г.), в которой М пишет: «Какими способами <...> достиг Барбье ошеломляющего впечатления на современников? Во-первых, он взял **мужественный стих ямбов** – как это раньше сделал Шенье, стих, стесненный размером, с энергичными ударениями, приспособленный для могучей ораторской речи, для **выражения гражданской ненависти и страсти**. <...> Силе поэтических образов Барбье учился непосредственно у Данта, ревностным почитателем которого он был, а не следует забывать, что “Божественная комедия” была для своего времени величайшим **политическим памфлетом**»<sup>28</sup>.

Текст РД с упомянутыми подтекстами и отсылками показывает, что в 1933 г. **Мандельштам сам готовится к написанию «ошеломляющего» политического памфлета**, что и было в скором времени сделано<sup>29</sup>.

2.2.3. В 1938 г. на пересылке М вспоминает про «римского папу»: **«выкрикивал что-то насчет папы римского**, иногда за курево читал стихи, его не понимали, но курево все равно давали»<sup>30</sup>.

<sup>27</sup> См. [23, с. 399–400].

<sup>28</sup> Памфлетом, за которым должны последовать высылка, тюрьма или казнь. В 7-й главе РД М пишет (имея в виду, конечно, совсем не только итальянский народ!): «В подсознании итальянского народа тюрьма играла выдающуюся роль. Тюремные кошмары всасывались с молоком матери. **Треченто** бросало людей в тюрьму с удивительной беспечностью». Здесь **треченто** (trecento – ит. ‘300’), т. е. «трёхсотые годы», неизбежно фонически и графически связывается с **тридцатыми годами** (в СССР). Здесь же отметим сообщение жены поэта: «В **тюрьму** О.М. взял с собой **Данта** <...> я захватила с собой [в **ссылку**, в Чердынь – Л. Г.] другое издание **Данта**» [4, с. 35]. И далее: «Про Данта О.М. сразу [после Армении – Л. Г.] сказал, что это и есть самое главное. <...> Думая о возможном аресте <...> О.М. раздобыл себе “Комедию” маленького формата и всюду таскал её в кармане. <...> Карманного Данта О.М. оставил в Москве, а с собой в Саматиху, откуда его забрали, взял другое, довольно увесистое издание» [4, с. 220–221].

<sup>29</sup> Напомним некоторые программные высказывания М. «“Поэзия – это власть”, – сказал он в Воронеже Анне Андреевне...» [4, с. 159]. Там же он говорит С. Рудакову: «Поэтическая мысль вещь страшная, и её бояться» и «Подлинная поэзия перестраивает жизнь, и её бояться», см. [4, с. 411].

<sup>30</sup> В кавычках – пересказ П. Нерлером [6, с. 150] (почему-то без точной ци-

Теперь отметим, что В. Меркулов (солагерник Мандельштама) вспоминал, что Мандельштам в начале октября 1938 г. «в обмен на полпайки предлагал прочесть оба варианта своего стихотворения о Сталине (хотя до сих пор отрицал свое авторство и уверял, что все это “выдумки врагов”). Но никто не соглашался»<sup>31</sup>.

Ясно, что за стихи читал (или предлагал читать) Мандельштам «за курево» и откуда возникает «римский папа» в сообщении И. Поступальского.

Мандельштам, по-видимому, пытался объяснить солагерникам «дантовский» смысл своего судьбоносного стихотворения. Солагерники же, разумеется, слышали лишь непонятные фразы невменяемого человека. Мы лишь через 70 лет после колымской записи И. Поступальского подошли к пониманию этих «невменяемых» высказываний<sup>32</sup>.

Всё же, был тогда один человек вне ГУЛАГа, который, услышь он Мандельштама на пересылке, прекрасно понял бы, при чём тут «римский папа».

Это Б. Пастернак, который в стихотворении «Все наклоненья и глаголы» (1936) написал, обращаясь, очевидно, к Мандельштаму<sup>33</sup>:

Поэт, не принимай на веру  
Примеров Дантов и Торкват.  
Искусство – дерзость глазомера,  
Влечение, сила и захват.

таты) записи И. Поступальского, сделанной в 1941 г. на Колыме и находящейся, по словам П. Нерлера, в Мандельштамовском обществе.

<sup>31</sup> Цит. по [6, с. 141].

<sup>32</sup> Но получить доступ к запискам И. Поступальского в Мандельштамовском обществе оказалось невозможно.

<sup>33</sup> М это послание, напечатанное в № 4 (1936) журнала «Знамя», прочитал и даже, похоже, воспринял как поддержку (тем более что почти одновременно пришли 500 р. денежной помощи от Пастернака). С. Рудаков сообщает в письме (от 30.05.36) из Воронежа: «О. взволновывается [узнав о новых стихах Пастернака]. Умоляет меня купить [журнал]. <...> Как я ждал, – у М судороги от восторга (“Тенильно! Как хорошо”). Сам он до того отрезвился, что принял за стихи!!! <...> Он: “Я **раскрыл то, что меня закупило, запечатало**. Какие теперь просторы. <...> У меня теперь новые “у” потянуло. <...> Стихи у Пастернака глубочайшие – о языке особенно... Сколько мыслей...” [19, с. 177–178].



Очевидно, что Пастернак не одобряет подражания Данту в написании «гражданских стихов» против узурпатора-Папы (Сталина), потому что это искажает «глазомер» поэта, – это вообще не искусство, не поэзия!<sup>34</sup>

## Глава 3

Текст Эпиграммы:  
попытка прояснения некоторых  
«тёмных мест»

### 3.1. Несколько общих замечаний.

(А) **Общая схема** смысловой реконструкции: М строит свои виртуальные отношения со Сталиным, имитируя (симулируя) отношения булгаковского Мастера с Воландом (Сатаной)<sup>1</sup>. В этой борьбе Мастер – главный «сын света» (антифашист), борющийся с главным «сыном тьмы» (главным фашистом)<sup>2</sup> Воландом/Сталиным<sup>3</sup>.

(Б) **Война текстов: пульса ди-нура.** Мандельштам/Мастер рассматривает Сталина/Воланда как «текстуального демидурга», который губит мир своими убийственными сатанинскими «железными» **указами**. Задача Мастера (в Эпиграмме) – борьба с генератором враждебного миру текста в виртуальном текстовом пространстве. В этой борьбе Мастер пытается «исправить»<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Тем более что Воланд у Булгакова – достаточно прозрачная проекция образа Сталина. С сюжетом Воланда М был знаком, как считает М. Чудакова, ещё с 1929 г., когда начались читки булгаковского романа на квартирах в районе Пречистенки. Рефлексы этого сюжета в Эпиграмме отмечены ниже.

<sup>2</sup> Приведём ещё раз фрагмент из мемуаров Н.М. [4]: «Метод следствия – **объяснение каждого слова** инкриминируемых стихов. Следователь особенно интересовался тем, что послужило стимулом к их написанию. О.М. оговорил его неожиданным ответом: больше всего, сказал он, ему ненавистен **фашизм...**».

<sup>3</sup> В советском квазирелигиозном общественном сознании середины 1930-х «фашизм» – это метонимия «сатанинства», а образ Сталина приобретает сакральные черты «Богочеловека», главного борца с «царством тьмы» (правда, это относится, скорее, к городскому населению, т. е. к меньшей части народа). Поэтому мандельштамовская инверсия (подстановка Сатаны на место «Богочеловека») была тягчайшим преступлением в глазах тогдашнего массового сознания, была акцией настоящего «врага народа». Но это, наверное, слишком сильное упрощение, в реальности всё было сложнее: достаточно сказать, что в некоторых группах этого же народа (прежде всего, на селе) Сталина не принято было называть по имени: говорили: «Он», как о Сатане!

<sup>4</sup> В полном соответствии с установкой еврейской традиции на *тиккун ха-олам* – ‘исправление мира’ посредством управляемого «позитивного» **тек-**

<sup>34</sup> Напомним, что, по сообщениям мемуаристов, испуганный Пастернак, после прослушивания Эпиграммы квалифицировал её написание как акт самоубийства, не имеющий отношения к литературе.

(«спасти») мир и поэтому является **равным** Сталину «текстуальным демиургом», пусть обречённым на гибель («и меня только **равный** убьёт»).

(В) При этом сам по себе текст Эпиграммы перформативен и манипулятивен: он неявно, но мощно суггестирует действие – борьбу со Сталиным, и фактически призывает к этому действию<sup>5</sup>. Более того, само существование этого текста есть **акт** «информационного террора», «информационной войны» и т. п. Не случайно, М, прочитав Э. Герштейн Эпиграмму, сказал: «Это **комсомольцы будут петь на улицах!** <...> В Большом театре... **на съездах...** со всех ярусов...»<sup>6</sup>.

### 3.2. Эскиз к образу Сталина в Эпиграмме.

Рассмотрим образ этнографа **Ковача**<sup>7</sup> в черновиках к ПА: «...совсем не **горец**, не **кавказец**, он обстрелял себя в талию,

**ста.** Устная текстуальная процедура устранения «врага народа» называется в каббалистической традиции *пультса ди-нура* (арам. 'удар огня'), о ней уже говорилось в Предисловии. Эпиграмма (точнее, ее читки или пение) и есть вариант *пультса ди-нура*. Устранение «врага народа», находящегося у власти, с помощью произнесения некоторого «убийственного» текста представлялось Мандельштаму эффективным способом *тиккун ha-олам*.

<sup>5</sup> Интересно, что в созданной П. Васильевым где-то во второй половине 1931 г. (и наверняка известной М) эпиграмме на Сталина перформативность и манипулятивность тоже присутствуют, но разве что как пародия: именно поэтому текст Васильева – никак не «теракт», а просто злой пародийный стёб. Это, похоже, было принято во внимание «литературными критиками» из ведомства Агранова. Вот (видимо, неполный) текст эпиграммы Васильева: «Ныне, о муза, воспой Джугашвили, сукина сына. Упорство осла и хитрость лисы совместил он умело. Нарезавши тысячи тысяч петель, насилем к власти пробрался. Ну что ж ты наделал, куда ты залез, Расскажи мне, семинарист неразумный!.. В уборных вывешивать бы эти скрижали... Клянемся, о вождь наш, мы путь твой усыплем цветами И в жопу лавровый венки воткнем», см. [47].

<sup>6</sup> См. 2.2.1. Здесь ещё следует иметь в виду, что поведение Сталина, в глазах М, – театрально (см. ниже комментарии к КАЗНЬ-МАЛИНА), поэтому текст Эпиграммы для предполагаемых «комсомольцев» (на съезде в Большом театре) – это «бомба и знамя», которые должны взорвать этот «театр», страшный и ненавистный М (как, впрочем, и любой театр, ср. в ЕМ: «...**театр мне страшен**, как курная изба, как деревенская банька, где совершалось зверское убийство ради полушубка и валяных сапог»).

<sup>7</sup> Ковача М наблюдал в правительственном санатории в апреле 1930 г.

очинил, как карандаш, под **головореза**. **Глаза** у него были очаровательно наглые, со злющиной, и какие-то крашенные, **желтые**... От одного его приближения зазубренные столовые ножи превращались в охотничьи»<sup>8</sup>. Это нечто вроде эскиза (зарисовки с натуры), который повлиял через три года на образ Сталина в Эпиграмме. На то, что описание Ковача в этих набросках – связанный с Эпиграммой (и с «Квартирой») текст, указывают совпадения ряда словоформ и их паронимия, а также некоторые семантические связи<sup>9</sup>.

Вот набор таких «совпадений»: слева от стрелок – словоформы из ПА, справа – из Эпиграммы:

КОВАЧ → значение слова – «кузнец»: куёт и ДАРИТ ПОДКОВЫ (счастья)

ТАЛИЮ ←→ (пар.) С-талин

ГОРЕЦ ←→ ГОРЦА

КАВКАЗЕЦ ←→ КАВКАЗСКОГО

ГОЛОВОРЕЗА ←→ палача (суггестируется в Эпиграмме)

ПЕСНЯ КОВАЧА (КуЗН-еЦа)<sup>10</sup> ←→ КАЗНЬ палача

ГЛАЗА ←→ ГЛАЗИЩА

ЖЁЛТЫЕ ←→ известный цвет глаз Сталина

СО ЗЛЮЩИНОЙ, КРАШЕНЫЕ ←→ (Квартира) ЗЛОСТИ, НЕКРАСОВА

НАГЛЫМИ (ПАЛЬЦАМИ) ←→ (Квартира) ГВОЗДИ (Nageln) НЕКРАСОВА

### 3.3. «Смыслы» некоторых отдельных строк в Эпиграмме.

«**Наши речи за десять шагов не слышны, Только слышно кремлевского горца...**»

<sup>8</sup> <Вокруг «Путешествия в Армению»>, [23, с. 382].

<sup>9</sup> Например: **Fr** ТАЛИЮ → (пар.) *taille* 'талия, очинка карандашей, обрезывание', *tailler* 'чинить карандаш, обтесывать, **резать, рубить лес**' → ОЧИНИЛ, КАК КАРАНДАШ, ПОД ГОЛОВО-РЕЗА; **Fr** ТАЛИЮ → (пар.) *tailloir* [taywar] 'доска для рубки мяса' → дополн. смысл образа Ковача: «мясник, палач».

<sup>10</sup> Консонантная паронимия слова КАЗНЬ с КуЗНец и с ит. CANZoNe 'песня'. Ср. в воронежском стих. «Я в львиный...»: «КАРАющего ПЕНЬЯ материк», и в более раннем: «Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь...» («Стихи памяти А. Белого», 1934).

Здесь, кроме прочего, фиксируется преобладающая «устность» дискурса Сталина<sup>11</sup>, что резко сближает его с дискурсом Мандельштама<sup>12</sup>.

«Его толстые пальцы как черви жирны...»

Вариант: «У него на дворе и собаки жирны»<sup>13</sup>.

Ясно, что эта манипулятивная строка имеет целью вызвать отвращение к объекту вербальной атаки. Отметим, что в (очень популярном в России и, разумеется, известном Мандельштаму) тексте О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» художник отказывается делать портрет не нравящегося ему человека даже за большие деньги, потому что «в форме его пальцев было что-то отталкивающее».

«А слова как пудовые гири верны...»

Цель строки: подтвердить, что у Сталина *слова* (указы, указания и т. п.) – это орудие убийства. Дело в том, что в «языковом сознании» позднего М семантические поля концептов «жир», «гиря» и «орудие убийства» пересекаются<sup>14</sup>. Поэтому у

<sup>11</sup> Д. Лахути так комментирует смысл этой строки Эпиграммы: «Он [Сталин] один имеет право на *речи*. Даже окружающие его “тонкошеие вожди” могут только *свистеть*, *мяукать* или *хныкать*. Он и есть *речепас* [модификация Лахути слова ЗВУКОПАС из стих. “От сырой простыни...” – Л. Г.]» [38, с. 154].

<sup>12</sup> Напомним: «Я один в России работаю с голоса...» (ЧП). «Установка на *устность*» – крайне важная и при этом недостаточно исследованная черта дискурса М (а равно и Сталина!). Скорее всего, эта черта связана с их общей внутренней установкой на «*магию языка*». Несколько подробнее об этих феноменах см. Приложение, анализ текстов «Фрагмент ЧП и фрагмент “Армении” (1930)». Отметим фрагмент из мемуаров Э. Герштейн [7]: «В опубликованном посмертно позднем интервью Н. Я. Мандельштам упоминается о той же манере Осипа Эмильевича *сочинять вслух, обращаясь к собеседнику*. На вопрос, говорил ли он с нею, когда писал свою эпиграмму на Сталина, Надежда Яковлевна ответила: “Конечно, говорил: он мне каждую строчку показывал. У меня, наверное, хороший слух на стихи”. (Каждый вменял себе в особую заслугу *обращение* к нему, расценивая это как соучастие в творческом процессе Мандельштама)».

<sup>13</sup> Зафиксировано Э. Герштейн, см. [7, с. 51].

<sup>14</sup> Аргументацию этого утверждения см. [3, Приложение], комментарии к «Стихам о неизвестном солдате». В частности, при сравнении строк «И висят городами украденными, <...> Золотые *убийства жиры*», суггестируются слова *autogir* и *gyrostat* ‘автожир, гиростат’, которые во франц. фонике дают [отожир, жиро-ста] → ЖИРЫ, а в немецкой фонике дают [аото-гир, гиро-стат]

рассматриваемой строке *гири* и, соответственно, *слова* – это «орудия убийства»<sup>15</sup>.

«А вокруг него сброд тонкошеих вождей...»

Здесь вероятные отсылки: к свите Волаанда и/или к известному высказыванию Пушкина: «люди жестокосердные, коим и своя шейка – копейка, а чужая голова – полущка».

«Он играет услугами полулюдей...»

(А) Сталин – владелец и режиссёр (дирижёр) своего огромного «крепостного театра (оркестра)». Булгаковский «оперный дьявол» Волаанд – тоже театральный режиссёр: оперное пение из квартиры, постановка шоу в театре-варьете и прочих перформансов с участием своих «полулюдей» и т. п.

(Б) Здесь (и в следующей строке) вероятно отсылка к известному в России тексту Г. Уэллса «Остров доктора Моро» (первое издание на русском вышло в 1901 г.), где Моро командует своими «зверолюдьми», изучающими *его Закон*.

«Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет...»

(А) Набор звуков, производимых «крепостным оркестром» под его управлением или «зверолюдьми» доктора Моро.

(Б) Характеристики поведения свиты Волаанда: *свистит* (втор. знач. по Далю: «шляется», «гуляет», «болтает», «бьёт», «хлещет») – Азazelло; *мяучит* – кот-Бегемот; *хнычет* (втор. знач. по Далю: «попрошайничает») – Коровьев и т. д.

«Он один лишь бабачит и тычет...»

Здесь итальянская интерференция: *бабачит* → итал. разг. *babbo, babbaccio* ‘папа, отец’ → (пар.) «Папа» → смысл: «играет

→ пар. «гиря» (орудие убийства) и т. д. Еще одно свидетельство «негативно-сти» лексемы ГИРИ в ЯКМ Мандельштама встречаем в тексте перевода пьесы «Кромдейр-старый»: «Словно *чужие, недобрые гири*, Руки повиснут подвеском *злым*. Тело твоё загниет, почернеет» [15, с. 295].

<sup>15</sup> Заметим, что вращавшийся в буржуазной и богемной среде Мандельштам мог не знать, что распространённым эффективным орудием убийства в России в его время была отнюдь не «пудовая гиря», а небольшая *гирька* на цепочке.

во всеобщего и всевластного “папу”, играет в римского Папу, подражает непогрешимому и всевластному Папе».

«Итальянизм» здесь более вероятен, чем другие «смыслы»<sup>16</sup>, вот почему: в этот период М находится, как уже отмечалось, под сильнейшим воздействием текста «Божественной комедии» и «жизненного текста» Данта<sup>17</sup>. Во многих отношениях М в это время пытается «имитировать» Данта. В частности, написание Эпиграммы – это для М, кроме всего прочего, симулирование информационной (текстуальной) войны Данта с римскими Папами (см. выше)<sup>18</sup>.

«**Тычет**» – отсылает к «**тычут шпагами шишиги, в треуголках носачи**»<sup>19</sup> и, далее, к образам Наполеона и Сталина, «играющего» роль Наполеона и т. д.

Кроме того, **тычет** (палочкой) – картинка движений дирижёра вышеупомянутого «крепостного оркестра».

#### «Как подкову, дарит за указом указ...»

Здесь двойной смысл:

(А) Известный и популярный в этот период образ «кузнеца», куящего для всех подарки: то «счастия ключи» (из популярной песни), то символы этого же счастья – подковы;

<sup>16</sup> Даже больше, чем напрашивающийся, с первого взгляда, смысл: «играет во всеобщего **бабая** (аксакала → пахана)». Ещё менее вероятна фоническая ассоциативная цепочка: груз. [baba] ‘дед’ → (пар.) «бабай» → **бабачит**.

<sup>17</sup> Ахматова вспоминает в «Листках из дневника» и в <Записных книжках>: «В 1933 г. Мандельштамы приехали в Ленинград. <...> У Осипа было два вечера. Он только что выучил итальянский язык и **брехал Дантом, читая наизусть страницами**»; «Осип весь горел Дантом <...>. Читал “Бож. ком.” днем и ночью», цит. по [23, с. 445]. Уместно здесь же привести обращенное к М «оценочное» суждение С. Рудакова (апрель 1936, Воронеж): «Всё с 1930 года по воронежские стихи включительно, **все стиховое было вокруг “Разговора о Данте”**, причем до него или после, но все смотрело на него. Или в “Данте” оправдываются готовые стихи, или стихи последующие его распространяют и оправдывают. Это “Разговор” о вас» [цит. по 7, с. 130]. Рудаков высказывает это в разговоре с М, который с ним (в передаче Рудакова) соглашается.

<sup>18</sup> Выше уже упоминалась постоянная враждебность М к «цезарепапизму» вообще. См. 2.2.2 (примечание).

<sup>19</sup> «Стихи о русской поэзии». Здесь НОСАЧ(И), рифмующееся с ПА-ЛАЧ(И) – прозрачная маска слова «усач», популярного прозвища Сталина в начале 1930-х.

(Б) Аллюзия на иероглиф «СССР», включающий три «подковы». Ср. эту же аллюзию через полтора года в воронежском стихотворении: «Мне кажется, мы говорить должны / О будущем советской старины, / Что ленинское-сталинское слово – / Воздушно-океанская подкова<sup>20</sup>». Здесь ещё интересная «пиктографическая» семантическая игра плюс фр.-нем. интерференция:

ЛЕНИНСКОЕ-СТАЛИНСКОЕ СЛОВО<sup>21</sup> → С-С-С-Р = «три подковы + Р<sup>22</sup>» → ВОЗДУШНО-ОКЕАНСКАЯ ПОДКОВА

Отсюда смысл этой строки: «Сталин своим **словом (указани!)** выковыывает – как кузнец подкову – **слово СССР**, страну **вида воздушно-океанской подковы**, которую мы не чуем под собой и т. д.». Если вспомнить, что у М «песня» = «казнь»<sup>23</sup>, то получается, что этот «кузнец» куёт страну, как **ключи счастья**, с песней (= с казнью).

Отсюда важный вывод: оружие Сталина (в представлении Мандельштама) – это его **слово**, и поэтому с ним надо бороться именно **словом** (текстом)<sup>24</sup>.

#### «Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз...»

Об этом перечислении «анатомических деталей» см. ниже.

#### «Что ни казнь у него, то малина...»

Здесь «малина» (точнее, малиновый цвет) выводит на контекст «театра/оперы»<sup>25</sup>. С другой стороны, как уже говорилось

<sup>20</sup> Вариант посл. строки: «Войны и мира гнутая подкова».

<sup>21</sup> Заметим, что в предыдущей строке просвечивает выражение «советская страна» (← «советская старина»), о которой хочет говорить автор, которое неизбежно суггерирует «слово»-пиктограмму «СССР».

<sup>22</sup> [эр] = фр. (и нем.) air ‘воздух, вид, песня’.

<sup>23</sup> Ср. «Часто пишется – казнь, а читается правильно – **песнь**» (Стихи на смерть А. Белого).

<sup>24</sup> Тем более что М себя так же представлял в образе кузнеца, выковывающего слова. Ср. в стих. «Автопортрет» (1914): «Так вот кому летать и петь И слова **пламенная ковкость**...».

<sup>25</sup> Дело в том, что в текстах М просматривается «цветовая» связь: «театр/концерт/опера ↔ малиновый/красный цвет». Ср. «концертную душонку [Парнока], принадлежащую **малиновому** раю контрабасов и трутней» (ЕМ); «Где-то грядки **красные** партера» («В Петербурге мы сойдемся снова...»);

в 3.2 (и в других местах), в «языковом сознании» М «казнь» = «песнь»: «Часто пишется – казнь, а читается правильно – песнь...».

Существенно здесь и то, что «малиновый цвет» входит в ассоциативное пространство концепта «казнь» через «канонический» цвет одевания **палача**, – в особенности «палача» на сцене<sup>26</sup> и в литературе<sup>27</sup>, – а также, разумеется, через цвет крови, ср. «**малиновая кровь**» в стих. М. Цветаевой «Большевик» (1921).

«Большевик»<sup>28</sup>, вообще, имеет самое непосредственное отношение к последнему двустишию Эпиграммы. Это утверждение подкрепляется, в частности, высказыванием М (сразу

---

«Чайковского об эту пору я полюбил болезненным нервным напряжением, напоминавшим желанье Неточки Незвановой у Достоевского услышать скрипичный концерт за красным пологом шелковых занавесок», «...она выкинула всю театральную мишуру: и жар свечей, и **красные грядки кресел**» (ШВ); «Захлестнула окна Мельпомена / **Красным шелком** храмины своей» («Мельпомена» – пароним «малины»). Л. Видгоф в работе «О Египетской Марке» пишет: «Несомненно, надо принять во внимание, что в цветовом решении “Орфея и Эвридики” [любимая опера Мандельштама – Л. Г.] свою роль играл и **красно-малиновый занавес**». Отметим, что **царская** ложа (позже – правительственная ложа, в которой появлялся Сталин) в Большом театре была задрапирована **малиновым** бархатом (вообще, такова цветовая гамма Большого в это время; современник вспоминает свои посещения Большого в середине 30-х: «**красная с золотом, как весь театр**, аванложа»). Наконец, город Малинов (в «детском сне» в ЕМ) освещается сверху «**позорным светом**» (= светом **зрелища**, светом рампы!) и вызывает у персонажей сна такое же чувство тоски и страха, как и вообще театр у М в ЕМ: «...театр мне страшен, как курная изба, <...> где совершалось зверское убийство».

<sup>26</sup> Ср. в мемуарах Н. Мандельштам: «Один из них [рабочих в Соликамске летом 1934 г. – Л. Г.] – бородатый, в **буро-красной** [= малиновой! – Л. Г.] **рубашке**, своим видом испугал О.М. “**Казнь**-то будет какая-то петровская”, – шепнул он мне» [4, с. 53].

<sup>27</sup> Ср. например, у Гумилева в «Заблудившемся трамвае»: «В **красной рубашке**, с лицом, как вымя, / Голову срезал **палач** и мне». Ср. также в разг. немецком: der **rote** Meister («**красный** хозяин») = ‘палач’, см. к этому комментарий в П7.

<sup>28</sup> Вот его текст: «От Ильмена – до вод Каспийских Плеча рванулись в **ширь**. Бьет по щекам твоим – российский Румянец – богатырь. <...> Два зарева: **глаза** и щеки. Эх, уж и **кровь** добра! Смотрите-**кося**, как руки в боки, Встал посреди двора. Весь мир бы разгромил – да проймы Жмут – не дают дыхнуть! **Широкой** доброте разбойной Смейся – вверяю **грудь**! И земли чуждые пытая, Ну, какова, мол, новь? – Смейся, – все ты же, Русь святая, **Малиновая кровь!**»

после читки варианта Эпиграммы), приведённым в мемуарах Э. Герштейн: «Но, прочитав заключительное двустишие – “Что ни казнь у него, то малина...” он вскричал: – Нет, нет! Это плохой конец. **В нем есть что-то цветаевское**. Я его отменяю. Будет держаться и без него...» [7, с. 51].

Таким образом, суммарный смысл этой строки: «казнь» (например, «показательный процесс» типа «шахтинского» и т. п.) для Сталина – это оперное действие, театральная «песнь» под оркестр с дирижёром и т. п. Сам же Сталин – режиссёр/дирижёр в собственном «крепостном» оперном театре<sup>29</sup>, в котором исполнители – его рабы: он **играет** услугами полулюдей<sup>30</sup>.

Отметим, наконец, что паронимическая связь ТО-МА-Л-ИНА ↔ АН-АТОМИ-Я плюс «анатомическое» перечисление частей тела в предыдущей строке – чётко выводят на связь этого отрезка текста со следующим пассажем из РД (конец главы 8): «Ведь **убийца** – немножечко **анатом**. Ведь **палач** для средневековья – чуточку научный работник [палачи, как и мясники, знали анатомию – Л. Г.]. Искусство войны и **мастерство казни** – немножечко преддверье к **анатомическому театру**».

---

<sup>29</sup> Здесь немедленно возникает образ Сталина как «оперного» (поющего и любящего «пение») дьявола, т. е. проекция булгаковского Воланда и т. д. Напомним, что у Булгакова Воланд – это «оперный дьявол», связанный с театром: оперное пение, доносящееся из «нехорошей квартиры», шоу в театре-варьете и т. п.

<sup>30</sup> Напомним известную всем в то время и мистически воспринимавшуюся многими «связь» Сталина с миром театра, его подчёркнутый интерес к театру, 15 посещений «Дней Турбиных» и т. п. М. Вайскопф пишет о сталинской «любви к театральщине» и о «театральных аксессуарах» в тексте его статей [39, с. 359]. Л. Максименков сообщает в [16]: «Он [Сталин в 1932 г.] до появления кинофильма “Чапаев” настаивал на том, что “**драматургия – важнейшее для нас из искусств**”». «Театральность» политических процессов с конца 1920-х гг. отмечалась многими. Р. Такер пишет в работе «Сталин у власти»: «Судебные заседания стали походить на **драматический спектакль**, как, например, шахтинский процесс», цит. по [39, с. 360]. У Мандельштамов образ «кремлёвского горца» чётко ассоциировался с опасным (в сознании М) миром театра. Н. Мандельштам вспоминает: «Мы однажды [видимо, зима 1929/30 гг. – Л. Г.] видели забавный спектакль про **мясника, страшного кавказца с усами**, который рубил мясо и отпускал шутки в стиле эпохи. В мяснике нам почудился некто [в авторской сноске: «Сталин» – Л. Г.], чьё имя уже стало всеобщим достоянием» [28, т. 2, с. 531].



Тем самым, в рассматриваемые строки вшифрован образ **театрального режиссёра-палача-анатома-убийцы**<sup>31</sup>.

«И широкая грудь осетина»

Вариант: «И раскосая<sup>32</sup> грудь осетина». Этот вариант, с большой вероятностью, снова отсылает к упоминавшемуся выше тексту М. Цветаевой «Большевик»: «Глядите-**кось**, как руки в боки...» через связь: «глядите-КОСЬ» ↔ «КОС-ая са-жень в плечах» = «**Плеча** рванулись в **ширь**» ↔ РАС-КОС-АЯ грудь и т. д.

(А) Рассмотрим симультанный<sup>33</sup> текст зимы 1933/34 г.: восьмистишие «Преодолев затверженность природы», а в нём – строку: «И, как руда, из груди рвется стон» и «отображение» этой строки в строку Эпиграммы: «И широкая грудь осетина».

Применим принцип «непрерывности семантического оператора» (НСО-принцип)<sup>34</sup>:

ГРУДИ → ГРУДЬ

СТОН → <sup>35</sup>ОСЕТИНА

РУДА (кровь) → [??]

Здесь НСО-техника показывает, что «в близкой окрестности» слов ГРУДЬ ОСЕТИНА с **большой вероятностью** должен оказаться «образ» слова РУДА (= «кровь»), т. е. нечто «рудное» = «кравовое».

Поскольку в этой близкой окрестности в тексте находится только слово ШИРОКАЯ, становится ясно, что оно, с большой

Мы живём, под собою не чуя страны,  
 Наши речи за десять шагов не слышны,  
 Только слышно кремлёвского горца,  
 Душегуба и мужикоборца.  
 А где хватит на полразговорца,  
 Так припомнят кремлёвского горца.  
 Его толстые пальцы, как черви, жирны,  
 А слова, как пудовые гири, верны,  
 Тараканьи смеются усища,  
 И сияют его голенища.  
 А вокруг него сброд тонкошеих вождей,  
 Он играет услугами полулюдей,  
 Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет –  
 Он один лишь табачит и тычит.  
 Как подковы куёт за указом указ,  
 Кому в пах, кому в бровь, кому в лоб, кому в глаз –  
 Что ни казнь у него, то малина...  
 И раскосая грудь осетина.

Ноябрь, 1934.

<sup>31</sup> Представляется вероятным, что этот образ возник у М, в частности, под влиянием идей Н. Евреинова, известного теоретика театра, с которым М пере-секался, в частности, во врангелевском Крыму. Н. Евреинов самими различными способами пропагандировал идею «театрализации жизни», эстетизации смерти (и казни) через ее театрализацию и т. п. Одна из его известных работ (и тема его лекций) называлась «Эшафот как театр». Влияние идеологии Евреинова на М совершенно не изучено.

<sup>32</sup> Есть «самиздатовские» свидетельства о том, что во второй половине 1960-х этот вариант ходил в списках, имевших «исходником» список поэта В. Корнилова, близкого знакомого Н. Мандельштам. Почему нигде в литературе этот вариант не зафиксирован – загадка.

<sup>33</sup> Об этом термине см. п. 3.5.

<sup>34</sup> См. эту технику подробно в монографии [3], п. 1.2.3.3 (а).

<sup>35</sup> Метатеза фонем.

Скан машинописи Эпиграммы с «раскосой грудью»  
 (лист А4, самиздат 1968 г.)

вероятностью, является маскирующей заменой слова из семантического пространства «крови», т. е. слова типа **кровавая, окровавленная** и т. п.

Тем самым, строка «И широкая грудь осетина» маскирует строку «И кровавая грудь осетина», или, эквивалентно, «И грудь кровавого осетина».

Релевантность этой семантической акробатики подтверждается тем, что полученный вариант хорошо соответствует квалификации Сталина как «кровавого осетина»: это распространенное в начале 1930-х определение принадлежало, по устным сообщениям современников, Г. Зиновьеву<sup>36</sup>.

(Б) Рассмотрим теперь строку в приведённом выше стихотворении М. Цветаевой «Большевик»: «**Широкой** доброте разбойной Смеясь – вверяю **грудь**» и «отображение» этой строки в строку Эпиграммы: «И широкая грудь осетина».

Снова применим НСО-технику:

ШИРОКОЙ → ШИРОКАЯ

ГРУДЬ → ГРУДЬ

РАЗБОЙНОЙ (доброте) → ОСЕТИНА

Здесь НСО-техника показывает, что при этом отображении слово ОСЕТИНА, с **большой вероятностью**, должно оказаться «семантически близким» к слову РАЗБОЙНОЙ (которое в него отображается).

Т. е. становится ясно, что слово ОСЕТИНА в строке в Эпиграмме, с большой вероятностью, принадлежит семантическому пространству «разбойника».

Тем самым, в этом варианте строка «И широкая грудь осетина» маскирует строку «И широкая грудь разбойника».

Релевантность этой семантической операции подтверждается тем, что полученный вариант хорошо соответствует ква-

лификации Сталина как «свирепого дикаря»: это известное в нач. 1930-х определение принадлежало, по сообщениям современников, Л. Каменеву.

(В) Ещё один скрытый смысл «осетина»: паронимия слов ОСЕТИНА, идиш. [SOTN] ‘сатана’<sup>37</sup> и СОТН-ИК)<sup>38</sup>. Тем самым, мы выходим на расширенный смысл последней строки:

«И ГРУДЬ КРОВАВОГО СОТНИКА-САТАНЫ-УБИЙЦЫ-ПАЛАЧА».

Суммируя, получаем «наиболее вероятный» смысл последних двух строк:

«КАЗНЬ У НЕГО – ЭТО ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЕСНЬ, РВУЩАЯСЯ, КАК СТОН, ИЗ ГРУДИ КРОВАВОГО СОТНИКА-САТАНЫ-УБИЙЦЫ-ПАЛАЧА»<sup>39</sup>.

#### 3.4. Эпиграмма, «Квартира» и «Преодолев затверженность...» – симультанные тексты.

**Определение.** Два существенно различных текста называются симультанными, если их генерирование происходит одновременно, т. е. если эти тексты одновременно присутствуют «в сознании» генератора текста (при их создании) и, вследствие этого, **интерферируют** друг с другом, т. е. влияют на «выходной» вариант друг друга.

Из определения ясно, что симультанные тексты необходимо пытаться понять одновременно, регистрируя все перекрёстные отсылки и интерференции.

Легко увидеть, что для Эпиграммы симультанными являются (как минимум) два мандельштамовских текста: «Квартира» и «Преодолев затверженность природы...», и их нужно анализировать одновременно с Эпиграммой, но здесь недостаточно для этого места. Анализ ряда «непрозрачных» мест в этих текстах см. в Приложении.

<sup>37</sup> Он же Воланд = Сталин. См. ещё сноску к слову «тирана» в п. 1.4.1.

<sup>38</sup> Персонаж из очерка «Феодосия», получающий (в представлении автора текста) кайф от убийств. См. подробнее в комментариях к стих. «Волк» (Приложение).

<sup>39</sup> Отметим, наконец, что «поющий Сатана» ещё раз выводит на образ Воланда, булгаковского «оперного дьявола».

<sup>36</sup> Об этом упоминается, например, в кн.: *Волгогонов Д.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М., 1989. Кн. I, ч. 2. С. 75. Слух об осетинском происхождении Сталина происходил, в частности, из получившей известность в СССР книги его однокашника по семинарии – Й. Иремашвили (*Iremaschwili J. Stalin und die Tragedie Georgiens. Berlin, 1932*), объяснявшего грубость, жестокость и мстительность Виссариона (Бесо) Джугашвили (отца Сталина) и, соответственно, самого Сталина **осетинским происхождением** (ментальность «горца», обычай «кровной мести» и т. п.).



Здесь мы отметим лишь просвечивающие в «Квартире» (и имеющие отношение к Эпиграмме) рефлексy некоторых мест из мемуаров А. Белого: «<sup>40</sup>то, чего все мы жаждем, есть **подвиг**, и никто из нас на него не отваживается ... А мы, пришедшие для **подвига**, покорно остаемся **в четырех** условиях “светской” жизни... всё окружающее должно, обязано оскорблять нас ежечасно, ежеминутно... Справедливо, чтобы мы несли и **казнь**”... Вот лейт-мотив **пыли квартир**, засыпавшей его; из нее – **рвался к подвигу, ассоциировавшемуся с деянием раннего соратника**, Добролюбова, **порвавшего с литературой**»<sup>41</sup>.

<sup>40</sup> В скобках “...” – фрагмент письма В. Брюсова, цитируемый Белым.

<sup>41</sup> *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 168–170. Ясно, что М «аппроприирует» этот фрагмент и относит его к себе, подставляя вместо Добролюбова – Гумилёва и т. д. Отметим, что книга Белого вышла (и была, конечно, немедленно прочитана Мандельштамом, хотя бы из-за скандала с предисловием Л. Каменева!) в ноябре 1933 г., что совпадает с периодом создания «Квартиры».

## Глава 4

Тиран милует и спасает Мастера-шахида:  
«изолировать, но сохранить».  
Кто же всё-таки сдал Мастера?<sup>1</sup>

### 4.1. Мастерница сдаёт Мастера, но ОГПУ откладывает арест.

Боже, прости мой презренный грех,  
Немощь мою и робость  
И то, что глянула в пропасть,  
Увидела ад крошечный,  
Услышала плач безутешный  
И не сказала ни слова,  
Удалилась от злого,  
И рот мой намертво сжат,  
И ноги мои дрожат...  
Боже, прости мне грешной!

Думаю и никак не пойму,  
Чем Вас влекут тайники преступления?  
Не разгадаю никак, почему  
Властвует тема злодейства и гения.  
Втайне, в потемках свершается зло,  
Втайне, и вроде бы взыскивать не с кого...

М. Петровых

**Основной тезис: Мария Петровых в 1933–34 гг. – осведомитель ОГПУ, в задачу которой с сентября 1933 г. входило «пасти» А. Ахматову и О. Мандельштама, – в частности, на новой квартире Мандельштамов, частом месте пребывания Ахматовой<sup>2</sup>. От неё же в ОГПУ в конце 1933 г. поступил**

<sup>1</sup> Здесь приводится «вероятная» реконструкция.

<sup>2</sup> Из текста оперативки ОГПУ (донесения осведомителя) от конца июля 1933 г. (см. например, [6, с. 30]) достаточно ясно, что её автор является соседом Мандельштамов по «дому Герцена» или частым гостем обитателей этого замечательного дома. С перемещением Мандельштамов в новый дом этот контакт должен был ослабнуть, и требовался новый «пастух». Петровых по свое-

текст «Мы живем, под собою не чуя страны...»<sup>3</sup>.

Документированных аргументов практически нет: оперативки ОГПУ откроются в архиве ФСБ только через несколько лет. Поэтому соответствующая аргументация неизбежно представляет собой «путаный салат» из косвенных фактов и «психологических» реконструкций<sup>4</sup>. Но в ряде ситуаций такие

му модусу поведения, психотипу, кругу общения и другим параметрам лучше многих подходила для этой роли, и со стороны ведомства Я. С. Агранова, работавшего с «мастерами культуры», было бы крайне непрофессионально пропустить столь ценный кадр мимо своего частого гребня. Это соображение «в пользу» ее работы на Агранова, несмотря на кажущуюся тривиальность, очень весомо, если учитывать реалии 1933 года.

<sup>3</sup> В сущности, о своей уверенности в связи Петровых с ГПУ пишет Э. Герштейн в мемуарах: «Тогда времена были еще очень наивными, поэтому ни Лиля Яхонтова, ни Кузин, ни та же **Маруся** не скрывали, что их вызывают на собеседования со следователями “в штатском”, где их вербуют в осведомители, то угрожая арестом [о такого рода давлении на Кузина в 1933 г. см. 7, с. 39. – Л. Г.], то приманивая, так сказать, пряником <...>. Но самое главное, это очень характерно для того времени, Маруся откровенно признавалась, что иногда у нее возникало такое стремление, как у Раскольникова, с трудом удерживающегося, чтобы не броситься в объятия Порфирия Петровича, то есть открыться следователю в своем преступлении. У нее **бывали такие порывы. Она рассказывала об Наде, вероятно, и Осипу Эмильевичу. Разумеется, от Нади это переходило ко мне.** А в начале войны я услышала тот же рассказ от Елизаветы Яковлевны Эфрон, которая знала хорошо Марию Петровых по Коктебелю» [7, с. 429]. Заметим, что совершенно не исключено, что от Петровых поступило лишь подтверждение (запись текста под диктовку) уже имеющейся в ОГПУ информации. Вообще же, «осведомителей ОГПУ» было невероятное количество. Они присутствовали практически везде (математики шутили: «множество осведомителей *всюду плотно*»), и совсем не все они были «непорядочными» людьми. Многие старались не доносить на знакомых или доносить только «позитивные» материалы. Очень точный пример: Л. Шапорина, см. [24]. В этом смысле, Петровых была совсем не выдающимся случаем. Необычным здесь был, видимо, лишь уровень симпатии к одному «объекту» (Ахматова) и уровень неприятия и даже омерзения, которое у неё вызывал своими «приставаниями» другой «объект» (Мандельштам).

<sup>4</sup> Заметим, однако, что именно так вот уже полтора века действуют пушкинисты, «психологически» и «логически» доказывающие, что автором анонимного послания Пушкину (ноябрь 1836 г.), послужившего триггером смертельной дуэли, была Идалия Полетика, ненавидевшая Пушкина (вот характерный фрагмент дискуссии пушкинистов: «С.Л. Абрамович приходит к выводу, что ...Геккери и Дантес составили заговор и отомстили Наталье Николаевне анонимными письмами. **Не буду приводить много аргументов против этой версии, психологи-**

*Тиран милует и спасает Мастера-шахида: «изолировать, но сохранить»*

реконструкции и «мифологемы» позволяют выложить **законченный** пазл и оказываются убедительнее, чем документы, которые можно, к тому же, подделать и т. д.

Попробуем выложить этот пазл, не дожидаясь милостей от архивов ФСБ.

4.1.1. М. Петровых пишет в своих поздних мемуарах: «3 сентября 1933 г. я впервые увидела ее [Ахматову], познакомилась с нею. Пришла к ней сама в Фонтанный дом. Почему пришла? Стихи ее знала смутно. К знаменитостям – тяги не было никогда. Ноги привели, судьба, влечение необъяснимое. Не я пришла – мне **пришлось** [ещё бы! – Л. Г.]. “Ведомая” – написал обо мне Н.Н. Пунин. Это правда. Пришла как младший к старшему»<sup>5</sup>.

4.1.2. Петровых – единственный человек, записавший «первый вариант»<sup>6</sup> текста «Мы живем...» не по памяти, а под диктовку автора<sup>7</sup>, и именно этот вариант (с «душегубцем и мужикобор-

**чески и логически неверной**», см. *Щеголев П. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1997. С. 385*). Но мне представляется, что в случае Мандельштама кумулятивность «психологических» и «логических» аргументов много мощнее, да и ненависть «объекта страсти» к Поэту была, как пел их «культурный» современник В. Козин, «сильнее страсти, больше, чем любовь!» В любом случае, интересен пассаж из записок М. Петровых, показывающий, что она сама относилась к подобным реконструкциям вполне одобрительно: «Статья Адамовича о преддуэльных днях Пушкина (“Вопросы литературы”, № 11). **Очень уж предположительно.** <...> зыбко. Никаких свидетельств нет. <...> Но – **скорее, Адамович прав**», см. *Петровых М. Из письменного стола. М., 1991.*

<sup>5</sup> *Петровых М. Из письменного стола. М., 1991.*

<sup>6</sup> Со строками «Только слышно кремлевского горца, Душегубца и мужикоборца».

<sup>7</sup> М сообщил на допросах 18 и 19 мая 1934 г.: «В списках я [это стихотворение] никому не давал <...>. Петровых записала это стихотворение с голоса, обещая, правда, впоследствии уничтожить». Протокол допроса см. [6, с. 45]. Заметим, что выражение «**обещала** (уничтожить)» должно, видимо, означать, что инициатива записи этого стихотворения исходила от самой Петровых! Отметим крайне важную деталь: следователь не спрашивает М, известно ли ему что-либо о судьбе записи преступного текста – а ведь он просто обязан был задать этот вопрос! Далее в том же протоколе М сообщает, что Петровых, записав текст с голоса, «похвалила вещь за высокие поэтические качества» [там же, с. 47].

цем» в первых строках) был зачитан Мандельштаму следователем<sup>8</sup>. Очевидно, что на неё должно было пасть и пало самое сильное подозрение в доносе.

Э. Герштейн пишет: «Запись стихов о Сталине уже лежала у них на столе. Это она [Надя] узнала от самого Осипа. <...> По Надиным словам, у следователя был список того варианта, который был известен **только** Марии Петровых и записан ею одной»<sup>9</sup>.

<sup>8</sup> Всё это Герштейн сообщает со слов М в передаче Н. Мандельштам. Но заметим, что у Герштейн были разговоры с М в Воронеже, в которых он с удивительной её откровенностью рассказывал свои приключения на Лубянке. При этом он, очевидно, не опроверг приведённую выше важнейшую информацию. Н. Мандельштам, в свою очередь, так описывает свой первый после ареста разговор с М: «О.М. сообщил, что у следователя были стихи [«Мы живем...»], они попали к нему в первом варианте со словом “мужикоборец” в четвёртой строке: “Только слышно кремлевского горца – Душегубца и мужикоборца”... **Это было весьма существенно, чтобы выяснить, кто информировал органы**» [28, т. 1, с. 107].

<sup>9</sup> См. [7, с. 54–55]. Таким образом, Н. Мандельштам и Э. Герштейн прямо указывают на М. Петровых как на доносчика! Но следует, справедливости ради, отметить, что остаётся **маловероятная** версия, что следователь прочитал М текст, записанный кем-то **по памяти**, а М, находившийся в состоянии сильного стресса, не зафиксировал **неизбежных** в таком случае неточностей, которые показывали бы, что текст у следователя – не от Петровых. Н. Мандельштам пишет в своих мемуарах: «О.М. признал авторство. Следователь потребовал, чтобы О.М. прочел стихи. Выслушав, он заметил, что первая строфа в его списке звучит иначе, и **прочел** свой вариант “Мы живем, под собою не чуя страны, Наши речи за десять шагов не слышны, Только слышно кремлевского горца, Душегубца и мужикоборца”. О.М. объяснил, что таков был **первый вариант**. После этого О.М. пришлось записать стихи, и следователь положил автограф в папку». Далее там же: «Если бы О.М. обнаружил такие искажения [т. е. искажения, неизбежные при записи по памяти – Л. Г.], он мог бы наверное сказать, что доставил стихи в органы человек, слышавший, а не записавший их, и таким образом **обелить того единственного человека, которому он разрешил их записать, да еще в первом варианте**. Но для такой проверки О.М. не хватило самообладания» [28, т. 1, с. 163]. А почему нигде в деле нет списка Эпиграммы, который Шиваров предъявил М на допросе? Почему Шиваров не показал М список (или показал издали?), чтобы тот его «авторизовал», а просто заставил его самого написать вариант, что сложнее и менее достоверно доказывает совершение «преступления» **по распространению текста**, т. е. непосредственного теракта. Следователь явно делает всё, чтобы «вывести из игры» **основного свидетеля** – Петровых! Герштейн фиксирует (со слов Н. Мандельштам) **явно намеренно пренебрежительную** (а ведь в этот мо-

В «нормальной» ситуации тот, на кого пало подобное подозрение, бежит к своим друзьям, оказавшимся жертвой доноса, и клянется, что это не он виноват<sup>10</sup>. Это стандартная шекспировская мизансцена в период до конца 1936 г., когда молот ежовщины начал крушить все нормальные отношения в городском социуме.

Почему же Петровых, прекрасно понимая, что на неё падет подозрение, не пришла к Надежде Мандельштам, чтобы попытаться снять с себя тяжёлое обвинение и рассказать о судьбе переписанного ею текста<sup>11</sup>? Она не сделала этого ни в 1934 г., ни в 1935 г. (во время приездов Н.М. в Москву), ни в 1937 г., когда Мандельштамы вернулись из Воронежа, ни все годы после гибели Осипа. Даже в послесталинское время она никому (!) не сообщила о судьбе рокового листочка. Просто забыла, как вскоре «забыла» в своих бумагах автограф обращённого к ней стихотворения «Мастерица виноватых взоров»?

мент М называет имя **единственного** человека, записавшего текст!) реакцию следователя на фамилию Петровых: «А, театралочка», – отозвался следователь, и это показалось Наде подозрительным» [7, с. 55]. Похоже, что для следователя было неожиданным заявление М, что Петровых – **единственный человек, записавший** Эпиграмму с голоса автора. Это ещё один аргумент «в пользу» Петровых как информатора.

<sup>10</sup> Н. Мандельштам приводит пример: «В 34 году, когда О.М. уже находился в Воронеже, ко мне явился М. [Маргулис], наспуленный и мрачный: “Скажите, это не я?” Он пришел узнать, не его ли мы считаем виновником ареста, а он никогда даже не слышал стихов, которые инкриминировались, и вообще был добрым другом. Я это сказала, и у него словно гора с плеч скатилась» [4, с. 82].

<sup>11</sup> Например, что она его уничтожила и т. п. Правда, она заходила на Нащокинский (чтобы выразить сочувствие) к Н. Мандельштам сразу после ареста, но, видимо, **ДО** того, как стало известно, что М сообщил на допросе, что она – единственный человек, записавший Эпиграмму с голоса. Э. Герштейн сообщает: «Когда уже Осипа арестовали, и мы все сидели и ждали несколько дней **до вызова Нади на Лубянку**, [в окрестности 25.05.1934 – Л. Г.] какова его судьба, Надя раздражалась и говорила о Марусе: “И чего она [Петровых] тут ходит и ломает руки”» [7, с. 429]. Узнав о «результатах следствия», «Мастерица» исчезла (или была убрана «кукловодом») с горизонта Мастера и его жены **навсегда**. Интересно, что Н. Мандельштам пишет о подозреваемом ею Длигаче, явно имея в виду и Петровых: «Узнав про мое свидание с О.М., “адыютант” [= осведомитель – Л. Г.] **должен был исчезнуть**, боясь, что я догадалась о его роли. Так и случилось. Но его исчезновение еще не может служить полным доказательством его вины: ведь он мог просто испугаться... Это не исключается» [28, т. 1, с. 115].

Нет, не забыла: сразу после того, как (в конце мая 1934 г.) стало известно, что М на допросе назвал её как **единственно**-го человека, переписавшего преступный текст с голоса автора, Мария Петровых и её сестра Екатерина стали распространять легенду о том, что никакого листочка и не существовало (!), ничего она не переписывала<sup>12</sup>, просто безумный Мандельштам по причинам, связанным со своим безумием, её оклеветал и признался в этом жене на свидании<sup>13</sup>. Интересно, что эта легенда включает и вполне водевильную версию о непосредственной причастности Марии к «малому теракту» М против А. Толстого (ниже).

Екатерина Петровых (сестра Марии) сказала на вечере в Ярославле в 1988 г.: «Безумец Мандельштам стал изо всех сил клеветать на Марусю (о чем он сам сказал жене при свидании, отчего та пришла в ужас)<sup>14</sup> в надежде, что Марусю тоже вышлют в Чердынь и там, в уединении, она оценит и полюбит его. Даже сотрудники НКВД понимали, что имеют дело с сумасшедшим. Все, узнавшие о поступке Осипа Эмильевича, смотрели на Марусю как на обреченную. Она сама говорила мне: “Борис Леонидович смотрел на меня с ужасом и состраданием”. <...> Ну, а Марусю не арестовали лишь потому, что “там” поняли, чего добивается этот сумасшедший “хитрец” и решили не выполнять его безумного желания. Позднее Маруся очень сокру-

<sup>12</sup> А. Головачёва, дочь М. Петровых, сказала (в интервью в марте 2000 г.): «...мама текста не записывала. Она запомнила стихотворение с голоса, один раз и на всю жизнь, он прочел ей его чуть ли не шепотом. <...> она [мать] говорила: “Не только я не записывала, это вообще было бы дико записывать”» [20, с. 175].

<sup>13</sup> Реконструкция ситуации: для «Мастерицы» и её кукловодов из ОГПУ было совершенно неожиданно, что поэт **сдаст** свою возлюбленную и сообщит об этом (и о деталях, «наводящих» на осведомителя) жене на свидании. Ведь это была настоящая провокация по отношению к следователю: он обязан был как-то реагировать! Нужно было срочно спасти ценный кадр от обесценивания, и вышеприведённая, абсолютно водевильная, версия была выработана в недрах ОГПУ. Кстати, она и по уровню стиля напоминает некоторые другие легенды, сочинённые «драматургами» из органов: всё-таки там работали не Булгаковы и не Эрдманы!

<sup>14</sup> В этом месте не выдержавшие такого мощного информационного напора составители мемуарного сборника сделали характерную сноску: «Сведения, **никем и ничем** не подтвержденные».

шалась о том, что после ее категорического отказа обезумевший от горя Мандельштам бросился на Ленинградский вокзал [!! – Л. Г.] и дал пощечину уезжавшему А.Н. Толстому<sup>15</sup>.

4.1.3. А следователь Шиваров? Почему он не вызвал Петровых и не спросил о судьбе переписанного ею преступного текста? Он просто обязан был это сделать. Халатность, совершенно не естественная для опытного гепеушника, вдобавок привыкшего работать с писателями, то есть с «людьми **текста**»? Мало того, Шиваров **вообще** не вызывает на допрос этого единственного человека, переписавшего преступный текст «с голоса», а ведь этот человек явно (в отличие от других слушателей Эпиграммы) собирался участвовать в **архипреступном распространении** этого текста и поэтому обязан был стать реальным фигурантом «дела»! Вывод: следователь явно стремится вывести из «дела» М. Петровых<sup>16</sup>.

4.1.4. В течение всех лет, прошедших с зимы 1933/34 гг. до своей смерти (1979) Мария Петровых пытается «вытеснить» из своей памяти образ Мандельштама и его тексты. Оттеснить, оттолкнуть, забыть, изгнать из памяти и самого Осипа, и, что очень важно, его дискурс, его стихи<sup>17</sup>. Забыть, уничтожить стихи, обращённые к ней.

Это достигается рутинным, давно известным способом: нужно максимально «дегуманизировать» объект, подлежащий

<sup>15</sup> См. [20, с. 166–167]. О «малом теракте» см. подробнее в п. 4.2.

<sup>16</sup> Отметим, что был еще один человек из «списка Мандельштама», которого следователь, похоже, хотел вывести из «дела». Это Давид Бродский, которого М на допросе 18 мая включает в список слушателей Эпиграммы, а на втором допросе (на следующий день) исключает из этого списка, сообщив, что это – «показание, не соответствующее действительности и ошибочно данное при моем вчерашнем допросе» [6, с. 45]. Можно с большой долей уверенности утверждать, что это странное действие было инициировано следователем, но зачем? Есть еще две существенные «информации к размышлению», сообщаемые о Бродском в поздних мемуарах его тогдашнего друга С. Липкина: (1) он был крайне труслив и (2) у него была «феерическая фотографическая память» [46, с. 312, 315].

<sup>17</sup> «Надо память до конца убить», – сказала, правда, о совершенно другой ситуации, А. Ахматова, считавшая Марию Петровых своим другом.

«вытеснению», в частности, мысленно наделить его омерзительными, отталкивающими свойствами, лучше всего в обонятельной и/или тактильной сфере, т. е. объект должен быть отвратителен при близком контакте.

А. Найман приводит высказывание М. Петровых о Мандельштаме, зачем-то заменяя некоторые реальные слова многословными эвфемизмами: «Она <...> положила вообще не касаться этого предмета<sup>18</sup> и только однажды заметила между прочим: “Он, конечно, небывалый поэт и все такое, но вот поверьте, Толя, мне до него...” и ещё три слова, убийственных, неопровержимых, которые может сказать о мужчине только женщина, никогда его не любившая»<sup>19</sup>.

Екатерина Петровых (сестра Марии) пишет: «Помню один эпизод, рассказанный мне Марусей. Она была одна дома, пришел Осип Эмильевич и, сев рядом с ней на тахту, сказал: “Погладьте меня”. Маруся, преодолевая **нечто, близкое к брезгливости**, погладила его по плечу. “У меня голова есть”, – сказал он обиженно»<sup>20</sup>.

А. Головачёва, дочь М. Петровых, говорит: «У мамы было <...> **физическое отталкивание** [от М.]»<sup>21</sup>. Немедленно возникает вопрос: зачем же она при такой силе «отталкивания» часто **сама приходила** в квартиру М, тем более что с его женой развился тяжёлый конфликт?<sup>22</sup> Не потому ли, что бедная Маруся

<sup>18</sup> Очевидно, своих отношений с М. А почему, собственно? Ведь это начало 1960-х, когда рассказывать о своих встречах с М стало модно и престижно! Но Марии Петровых, очевидно, вспоминать всю эту историю было крайне неприятно.

<sup>19</sup> Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 70. Ощущается сильная эмоциональность высказывания – даже через 30 лет (разговор происходит около 1963 г.) Мастерница продолжает испытывать животрепещущее омерзение при воспоминании о «небывалом поэте». Более того, «излучение» её ненависти настолько сильно, что Найман даже в 2016 г. отказался назвать мне эти слова! Чем-то всё это напоминает легенды об Идалии Полетике, которая, уже в преклонном возрасте, якобы, приходила к памятнику Пушкину в Одессе и плевала на него. Но ведь Пушкин вроде бы хватал бедную Идалию за коленку (по другим сведениям, за ляжку) в карете, а Мандельштам даже этого не делал, а только говорил и говорил ...

<sup>20</sup> См. [20, с. 165].

<sup>21</sup> В интервью в марте 2000 г. [20, с. 180].

<sup>22</sup> Н. Мандельштам сообщает в мемуарах: «М. П[етровых] продолжала хо-

**обязана** была «пасти» этих крайне неприятных ей людей?

Только упомянутым «вытеснением» можно адекватно объяснить тот поразительный факт, что Петровых никому (даже дружившей с ней Ахматовой) не рассказала о переданном ей Мандельштамом автографе «Мастерицы», который был обнаружен только после её смерти<sup>23</sup>. А ведь Ахматова наверняка пыталась обсуждать с Петровых текст «Мастерицы», и, казалось бы, вполне естественно было сообщить ей о существовании автографа, к тому же содержащего интересные (для Ахматовой) расхождения с известным вариантом. Забыла или «вытеснила» из памяти?

А ведь был и ещё один «забытый» Марией Петровых **автограф** стихотворения М, обращённого к ней же. О нём пишет Ахматова<sup>24</sup>: «Ей [Петровых] посвящено, вернее, к ней обращено стихотворение “Турчанка” (заглавие – мое. – А.А.), лучшее, на мой взгляд, любовное стихотворение 20 века (“Мастерица виноватых взоров”). Мария Сергеевна говорит, что **было еще одно, совершенно волшебное, стихотворение** о белом цветке. Рукопись, по-видимому, пропала»<sup>25</sup>. Несколько строк М.С. знает на память»<sup>26</sup>.

**дить к нам**, и он проводил с ней вечер у себя в комнате, говоря, что у них “литературные разговоры”. Раз или два он ушел из дому, и я встретила его классическим жестом: разбила тарелку и сказала: “Она или я...” Он <...> позвонил М.П., которую я пригласила раньше к обеду, сказал, чтобы она не приходила, и произнес ту самую фразу: “Мне не нравится ваше отношение к людям...” **На следующее утро М.П. явилась к нам** [! – Л. Г.] [28, т. 2, с. 232].

<sup>23</sup> А. Головачёва, дочь М. Петровых, сказала (в интервью в марте 2000 г.): «Она [Мария Петровых] считала, что рукопись безвозвратно исчезла в 1942 году, когда сгорел дом в Сокольниках, в котором мы жили перед войной» [20, с. 173]. Но ведь Петровых дружила и встречалась с Ахматовой в течение ряда лет с 1934 г. до начала войны!

<sup>24</sup> О нём же, скорее всего, сообщает Н. Мандельштам: «(М. П[етровых]. было написано два стихотворения, **одно из которых потеряно**, и три письма – “о любви и смерти”, как сказал Мандельштам» [28, т. 2, с. 233].

<sup>25</sup> Ведь автограф («рукопись») был, очевидно, вручен поэтом Марии Петровых и «пропал» (был уничтожен?) где-то у неё. Но Петровых об этом ничего не сообщает, иначе Ахматова обязательно инициировала бы поиски, и «Турчанку» нашли бы (у П. Грандицкого, первого мужа Петровых) значительно раньше. Что касается автографа «стихотворения о белом цветке», то... архивы ОГПУ–ФСБ – это «держатели чудесных встреч»...

<sup>26</sup> «Листки из дневника», см. [13 с. 13]. Немедленный вопрос: а где эти строки? Здесь явная недоговорка со стороны Ахматовой.



Уместно здесь привести цитату из беседы с Ариной Головачёвой (дочерью Марии Петровых): «Книги Эммы Григорьевны [Герштейн] я не читала – из чувства **самосохранения**, равно как и предваряющие книгу статьи <...> я не смогла бы взять ее в руки, не то что жить с этой книгой под одной крышей»<sup>27</sup>.

Можно с уверенностью утверждать, что из того же «чувства самосохранения» Мария Сергеевна Петровых в течение всей жизни пыталась «вытеснить» из своей памяти, своей жизни события, связанные с Мандельштамом, и его тексты.

Суммируя, можно высказать «правдоподобную гипотезу»: текст Эпиграммы был сдан Петровых в ОГПУ уже в конце 1933 г., но «дело» было на время заморожено – скорее всего, по указанию самого вождя, которому во временной окрестности «съезда победителей» и в преддверии «съезда писателей» совсем не нужно было групповое расстрельное (именно так!) дело против «мастеров культуры»<sup>28</sup>.

4.1.5. Еще одна деталь, существенная для рассматриваемого психологического паззла: разумеется, М чувствовал злобно-жесткое отношение к себе со стороны «мастерицы». Более того, он, видимо, чуял какую-то неясную опасность, от неё исходящую<sup>29</sup>: возможно, ещё до ареста подозревал её в связях с ОГПУ.

<sup>27</sup> Цит. по [20, с. 173, 181].

<sup>28</sup> Тем более что Мандельштам явно относился к основным «мастерам культуры», в тогдашних представлениях Сталина, поэтому санкцию на «разборку» со столь ценным кадром должен был дать сам «хозяин». Историк советской литературы пишет [16]: «Мандельштам был **номенклатурным по-этом**. Его имя было включено в список-реестр, который был подан Сталину в момент создания оргкомитета ССП в апреле 1932 года и который вождь со вкусом главного кадровика огромной страны исчеркал характерными цифрами, стрелками и фамилиями кандидатов». Ср. известную запись в дневнике К. Чуковского (от 16.08.1932): «...у меня попросили статью о Мандельштаме. «Пора этого **мастера** поставить на высокий пьедестал»».

<sup>29</sup> Хотя бы потому, что он чувствовал её неискренность по отношению к себе: «Твои речи **темные глотая**, за тебя КРИВОЙ воды напьюсь» («Мастерица», см. в Приложении). Э. Герштейн запомнилось, что Ахматова называла Пе-

Это должно было обострить его влечение к объекту страсти, по рутинному мазохистскому сюжету (к которому, похоже, М был склонен), и привести к канонической ситуации «любви-ненависти»<sup>30</sup>. Эта оксюморонная эмоционально-психологическая ситуация проступает в каждой строке обращённого к Петровых стихотворения начала 1934 г., которое мы условно называем «Японской серенадой», см. Приложение. Достаточно просмотреть лексику этого текста: «убийца, преступная вишня», «проклятая неженка», «дар нежного счастья», «блеск стали меча самурайской», «окаянной камней пленительный злой подбродок» и т. д.<sup>31</sup>

#### 4.2. «Малый теракт» Мастера против главного совписа А. Толстого служит триггером ареста.

Незадолго до ареста (в 20-х числах апреля 1934 г.) М даёт в Ленинграде<sup>32</sup> публичную пощёчину А. Толстому. Для всей литературной тусовки это фарсовый инцидент и тема для анекдотов и сплетен<sup>33</sup>. Для самого же М это – символический теракт:

тровых «сиреной».

<sup>30</sup> Напомним, что, по сообщению Н. Мандельштам, М написал Петровых «три письма – **“о любви и смерти”**», как сказал Мандельштам. По её словам, письма она **уничтожила** [28, т. 2, с. 233]. А почему, собственно, уничтожила? Они ведь не были опасны, как, скажем, список Эпиграммы? Нет, они, скорее всего, были ей неприятны, как и прочие, обращённые к ней, автографы «небывалого поэта».

<sup>31</sup> О нём Н. Мандельштам кратко сообщает в своих мемуарах: «Было еще одно стихотворение, отдельные строчки которого запомнил Лева [Гумилев]. Оно пропало во время изъятия 34 года. О.М. его не помнил» [28, т. 2, с. 753]. Позволил себе высказать уверенность, что М и не хотел «вспоминать» этот необычайно мощно эмоционально заряженный текст, что неизбежно повлекло бы обсуждение его с женой и т. д.

<sup>32</sup> Место события: помещение «Издательства писателей». О деталях «столкновения» и его причинах см. [20, с. 189–191].

<sup>33</sup> Например, Екатерина Петровых передаёт комическую реакцию Маркиша: «Поэт Перец Маркиш, узнав о пощечине, с видом предельного изумления поднял палец вверх со словами: “О! Еврей дал пощечину графу!!!”» [20, с. 167]. По этому «анекдоту», Маркиш воспринял нападение на Толстого как симуляцию «дворянского» вызова на дуэль, несколько нелепого для еврея Мандельштама и напоминающего его же издевательский стишок: «Один еврей, должно быть комсомолец, живописать взялся дворянский быт». Но, на самом деле, «пощечина» была имитацией «акции возмездия» Веры Засулич «палачу»-

«[М] произнес в своей патетической манере: “я наказал палача, выдавшего ордер на избиение моей жены”»<sup>34</sup>.

Но важнейшая и отнюдь не фарсовая деталь заключалась в том, что Толстой состоял в это время в очень близкой дружбе с верхушкой ОГПУ<sup>35</sup>. Поэтому ударить Толстого весной 1934 г. было всё равно что высморкаться в «чистые еврейские литературные жилеты»<sup>36</sup> Председателя ОГПУ Генриха Ягоды и его

градоначальнику (см. ниже и п. 1.4.4), причём сословное «звание» этого начальника не имело для Засулич (соответственно, для М) никакого значения.

<sup>34</sup> См. воспоминания И. Гронского в [20, с. 191]. Заметим, что это вполне характерный дискурс БО-террориста. Выше уже говорилось, что пощёчина Толстой – это симуляция теракта Засулич против «палача», приказавшего подвергнуть заключённого телесному наказанию. Акция Засулич и суд над ней, вызвавший широчайший общественный резонанс, были в «оперативной памяти» М. Достаточно вспомнить аллюзию в 11-й главе ЧП на сцену общественного ликования, последовавшие за оправданием Засулич судом присяжных: «Бородатые студенты <...> в буйном восторге <...> вынесут полицейский гроб с останками моего дела из продыmlенной залы окружного суда».

<sup>35</sup> Л. Шапорина записывает в своём дневнике: «[15 сентября 1933 г.] вернулся из Москвы Алексей Николаевич, очень довольный, огреб массу денег, подружился с Кагановичем и Ворошиловым, от обоих в восторге, вновь сблизился с Горьким – “опять роман”, до этого была некоторая оступая сердцем. <...> [8 ноября 1933 г.] Толстой последнее время одержим правительственным восторгом. Через два слова в третьё – ГПУ, Ягода, Запорожец и т. д. Ягода мне говорит... Я говорю Ягоде... А еще прошлой осенью ругал Горького: там бывать невозможно, везде ГПУ <...>. Не так давно утром зашел Попов с Валерьяном и, покатываясь от хохота, рассказывал: “Вчера обед у Толстых, там был Запорожец, начальник ГПУ с четырьмя ромбами, с Авербахом [своим Ягоды – Л. Г.], человеком с лицом, похожим на мочевоу пузырь”. <...> [18 ноября 1933 г.] В Москве писатели называют его [Толстого] осведомителем ГПУ. <...> [16 мая 1934 г.] А вчера Евгения Павловна мне рассказала, что 14-го же Толстой зашел к ним <...>. К нам с приезда из Москвы [куда он поехал сразу после инцидента с М – Л. Г.] он глаз не кажет почему-то. В Москве жил у Ягоды, очаровательный человек, в имении под Москвой 35 кустов роз, обожает розы”. Толстой рассказывал, что за ним усиленно ухаживала Бандровская на обеде у польского консула. Евгения Павловна на это сказала, что ухаживать за иностранками опасно. “Ну, мне ничего не опасно, чуть сомнительный вопрос, я сейчас же еду на Литейную” (т. е. в ГПУ). У них [Толстых] живет Павел Толстой, служит в ГПУ; постоянно бывает Липатов – служит в ГПУ...» [24, с. 142–143, 146–147, 151, 161–162].

<sup>36</sup> Ср. издевательский пассаж из 9-й главы «Четвертой прозы» Мандельштама: «Ты бы лучше поплакал господину Пропперу в чистый еврейский литературный жилет».

заместителя Якова Агранова, которые были очень близки к литературной тусовке, к «дому Горького»<sup>37</sup> и т. п.<sup>38</sup>

Разумеется, они немедленно узнали об инциденте и просто обязаны были на него отреагировать, чтобы не потерять лицо<sup>39</sup>.

Н. Мандельштам пишет в своих воспоминаниях: «Получив пощечину, Толстой во весь голос при свидетелях кричал, что <...> вышлет его [М] из Москвы. В тот же день, как нам сказали, Толстой выехал в Москву жаловаться на обидчика главе советской литературы – Горькому. Вскоре до нас дошла фраза: “Мы ему покажем, как бить русских писателей”... Эту фразу безоговорочно приписывали Горькому»<sup>40</sup>.

Всё это предвещало неизбежную «разборку» с «органами», и Мандельштамы это чувствовали. Н. Мандельштам пишет: «Весной 1934 года <...> Уже нависла катастрофа, и я гото-

<sup>37</sup> О связях Агранова с литераторами см. [6, с. 26]. Агранов же вёл в 1921 г. «дело петроградской БО» («Таганцевское дело»), погубившее Гумилёва. Ягода был дружен с М. Горьким ещё с предреволюционных лет, а в описываемое время состоял в романтических отношениях с невесткой Горького Надеждой Пешковой (Тимошей) и в близкой дружбе с секретарём Горького П. Крючковым. Кроме того, Ягода был женат на сестре Л. Авербаха, лидера РАППа (до ликвидации РАППа в 1932 г.), которого он ввёл в дом Горького и хотел сделать генсеком (т. е. управляющим при Председателе – Горьком) создаваемого ССП, см. [25, с. 471–477, 483].

<sup>38</sup> Характерна записанная свидетелем (Ф. Волькенштейном) первая реакция Толстого на пощёчину: «Что Вы делаете! Разве Вы не понимаете, что я могу Вас уни-что-жить!», см. [20, с. 191].

<sup>39</sup> Заметим, что на ордере на обыск и арест М (от 16.05.1934) стоит подпись Агранова [6, с. 40]. Это показывает, что «дело» было под его личным контролем. Характерно, что Н. Шиваров, следователь, которому было «поручено» дело Мандельштама, не только «специализировался» на писателях (в частности, занимался М. Горьким и его домом, был связан с секретарём Горького П. Крючковым), но также был близок к литературной тусовке и, предположительно, вместе с Я. Аграновым, был постоянным посетителем салона О. и Л. Бриков, см. [6, с. 27 и 51]. О «малом теракте» они должны были узнать сразу. Более интересно, что и о «большом теракте» Мандельштама они, видимо, знали уже несколько месяцев!

<sup>40</sup> См. [4, с. 11]. Н. Мандельштам не была свидетельницей реакции Толстого, потому что, по свидетельству Е. Тагер [20, с. 190], она выбежала сразу после «акции» вслед за М. Поэтому здесь она пересказывает слухи. Но в этой ситуации именно слухи-то и аккумулировали релевантную информацию.

**вилась к ней** тайком от О.М., потому что всякая забота о рукописях ему претила»<sup>41</sup>. За защитой от нависшей угрозы М обратился к Бухарину. Об этом упоминает Бухарин в своей известной записке Сталину (начало июня 1934 г.): «О поэте Мандельштаме. Он был недавно арестован. **До ареста он приходил** со своей женой ко мне и высказывал свои опасения на сей предмет [т. е. на предмет ожидаемой реакции «органов» – Л. Г.], в связи с тем, что он подрался (!) с Алексеем Толстым, которому нанёс «символический удар» за то, что тот несправедливо якобы решил его дело, когда другой писатель побил его жену. **Я говорил с Аграновым**, но он мне ничего конкретного не сказал»<sup>42</sup>.

Ещё одно сообщение Н. Мандельштам показывает состояние тревоги, в котором находился М после «акции» против Толстого: «Почти перед самым арестом Д[лигач]. уговаривал О.М. пойти к какой-то прокурорше, приятельнице Безыменского, чтобы рассказать ей, что послужило поводом к пощечине Толстому. Не знаю, что означало это шебуршение, но мне известно, что О.М. прочел Д[лигачу]. стихи о Сталине. Наутро после ареста, очень рано, нам позвонил Безыменский. <...> Безыменский присвистнул и повесил трубку. Ни до этого, ни после он никогда нам не звонил»<sup>43</sup>.

<sup>41</sup> См. [22, с. 141]. Возникает вопрос, на который у меня нет ответа: разве Мандельштамы ощутили, что «нависла катастрофа», лишь весной? А уже несколько месяцев как написанная и **распространяемая** Эпиграмма, которая была значительно «большим терактом», чем символическая пощёчина Толстому? Бездействие ОГПУ в отношении М вызывало, разумеется, удивление у всех, кто знал о существовании Эпиграммы (Надежда Вольпин вспоминает в 1975 г.: «Стихи о Сталине он читал направо и налево до и после. **Можно только удивляться, как он столько времени еще уцелел**» [20, с. 94]). Здесь не складывается часть паззла: не хватает ещё какой-то информации, содержащейся в оперативках ОГПУ, лежащих в архиве ФСБ. В любом случае, М с некоторого времени, действительно, готовился к аресту: в его подошве к моменту ареста находились уложенные туда «знакомым сапожником» бритвенные лезвия «Жиллет», которыми он после ареста пытался вскрыть вены на руках. Об этом сообщает Н. Мандельштам [28, т. 1, с. 153].

<sup>42</sup> Цит. по [6, с. 39]. На этой записке – резолюция Сталина: «Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие...».

<sup>43</sup> См. [4, с. 84]. Всё-таки возникает вопрос: разве до «акции» М не знал о связях Толстого с верхушкой ГПУ (это знали все!) и не понимал, что разъярён-

Всё вышесказанное позволяет сделать следующую реконструкцию: «малый теракт» против А. Толстого послужил триггером, активировавшим положенное на время под сукно (по указанию вождя?) дело о «большом теракте». Ягода, скорее всего, объяснил Сталину<sup>44</sup>, что долее терпеть выходки этого психа невозможно<sup>45</sup>, хоть он и Мастер. Если уж он (перед надвигающимся съездом совписов!) начал бить больших русских писателей, компетентные органы должны вмешаться<sup>46</sup>.

ный Толстой может его «уничтожить»? По «фабуле теракта», М должен был быть готов к репрессиям после «акций» («я к смерти готов» сказал он Ахматовой в феврале 1934 г.). Почему же вдруг такое беспокойство и тревожное состояние? Ведь, как ни подражай теракту Веры Засулич, но оплеуха совпису – это всё же не две её пули в живот питерскому градоначальнику! Здесь есть, видимо, какая-то лакуна в информации.

<sup>44</sup> Вероятно, этот разговор состоялся 10 мая, когда Ягода (по записи в журнале посещения) был у Сталина, см. [6, с. 38], т. е. через несколько дней после «нападения» М на Толстого (который в это время живёт на даче Ягоды или только что оттуда уехал).

<sup>45</sup> Эта, вызывающая сейчас лишь смех, реконструкция мотивации действий «органов» необходимостью пресечения **агрессивности** Мандельштама аргументируется тем, что через 4 года эта же мотивировка, видимо, повторилась (или была, по бюрократической инерции, скопирована). Это подтверждает документ: 27.04.1938 ст. лейтенант ГУГБ В. Юевич, готовивший «основания» для ареста М (ведь дело не могло быть открыто только по просьбе тов. Ставского!), составил следующую справку: «По имеющимся сведениям, Мандельштам до настоящей времени сохранил свои антисоветские взгляды. **В силу своей психической неуравновешенности Мандельштам способен на агрессивные действия. Считаю необходимым подвергнуть Мандельштама аресту и изоляции**». 29.04.1938 М. Фриновский наложил на эту справку резолюцию: «Арестовать», см. [6, с. 99].

<sup>46</sup> Совершенно фарсовым образом ситуация напоминает распространявшуюся в 1982–85 гг. (время ссылки А. Сахарова в Горький) легенду о том, что Е. Боннер **избавляет** своего мужа А. Сахарова (одновременно «политинформаторы от ЦК» в учреждениях сообщали, что Сахаров – «гениальный ученый, но ребенок и **неадекват** в политике и в жизни»). Некий историк Н. Яковлев даже сообщал в опубликованной в 1983 г. тиражом 200,000 книге «ЦРУ против СССР», что Е. Боннер «взяла в обычай бить его [Сахарова] чем попало <...> если [компетентным органам – Л. Г.] оставить как есть – **забьет академика**». После выхода в свет труда Яковлева по Москве ходил слух, о том, что Сахаров, встретив где-то Яковлева, дал ему пощёчину! Но время 1980-х было уже совсем «вегетарианским», даже водевильным, и лишь тенью «могучих сонат» 1934 года.

Сталин, по-видимому, вынужден был сдать Мастера своим дворовым «жирным собакам»<sup>47</sup>, но спас его от расстрела, повелев: «изолировать, но сохранить»<sup>48</sup>. Казнь была бы действительно неуместной, ввиду назначенного на август 1934 г. съезда писателей, планировавшегося как гигантская международная PR-акция. На июль уже, видимо, была назначена важная встреча Сталина с Г. Уэллсом, выдающимся писателем и симпатизантом СССР<sup>49</sup>. В этой ситуации куда уместнее было предъявить западным «мастерам культуры» маску «толерантного интеллигентного диктатора», нежели «жестокого тупого палача»<sup>50</sup>.

#### 4.3. Арест, следствие, высылка.

После ареста, на следствии, Мандельштам «даёт признательные показания» и «сотрудничает со следствием», сдавая «вместе и порознь» почти всех, кого мог вспомнить: «старую интеллигенцию» вообще, как враждебную «социальную группу»<sup>51</sup>, плюс слушателей преступного текста конкретно,

<sup>47</sup> Ср. вариант строки в Эпиграмме: «У него на дворе и собаки жирны», см. Гл. 3.

<sup>48</sup> Эта формула была, по словам Н. Мандельштам, произнесена следователем Шиваровым в разговоре с ней как **указание сверху**.

<sup>49</sup> Встреча Сталина с Уэллсом состоялась 23.07.1934, см. [29]. Уэллс спрашивал, в частности, возможен ли в СССР учёт мнения оппозиции? Сталин добродушно объяснял несведущему симпатизанту, что «у нас это называется самокритикой», и приглашал Уэллса на съезд писателей в августе.

<sup>50</sup> С большой вероятностью, вождь сам разыграл замечательный гамбит: сдал Мастера «жирным собакам на дворе», чтобы получить возможность на том же дворе принародно с царского крыльца его помиловать. К тому же, акция «помилования» соответствовала образу «верного ленинца»: вспомним устойчиво циркулировавшую в народе легенду о том, что Ленин велел не казнить покушавшуюся на него **эсеровскую террористку** Каплан, но, якобы, опоздал. Точно такая же легенда распространялась и о казни Гумилёва в 1921 г.: Ленин, якобы, телеграммой велел отменить расстрел, но опять опоздал, потому что телеграмму задержал коварный и злобный еврейский троцкист Зиновьев и т. д.

<sup>51</sup> В частности, он «показывает», копируя, очевидно, некоторые формулировки следователя (протокол допроса от 25.05.1934): «... этот гнусный, контрреволюционный, клеветнический пасквиль, в котором сконцентрированы **огромной силы социальный яд, политическая ненависть** и даже презрение к изображаемому, при одновременном признании его огромной силы – обладает качествами агитационного плаката большой действенной силы. ... Написан-

плюс единственного человека, который записал текст под диктовку, т. е. Марусю Петровых.

Но следовательно, к концу, почему-то уже не хотел ни «группового дела» (хотя, на всякий случай, заготовил все нужные для «расстрельной групповухи» компоненты!)<sup>52</sup>, ни, тем более, привлечения к делу «театралки»<sup>53</sup>.

Далее следует известное сталинское «помилование» поэта-террориста и вполне «щадящая» по своим условиям высылка в Воронеж, см. документы и подробности в [6].

#### 4.4. Релаксация после «помилования»: раскаяние или примирение?

К весне 1935 г. М «приходит в себя», наступает релаксация после сильнейшего стресса, вызванного арестом, ожиданием казни и неожиданным помилованием.

В результате всего происшедшего, у него на время наступает «изменённое состояние сознания», которое в советском новоязе 1930-х называлось «перековкой» преступника (опять глагол «ковать»!): он раскаивается в содеянном, признаёт справедливость кары, благодарит за смягчение наказания, прими-

ный мною пасквиль... документ... **части старой интеллигенции**... В политическом отношении эта группа извлекла из опыта различных оппозиционных движений в прошлом привычку к искажающим современную действительность историческим аналогиям. В моем пасквили... достигнута та плакатная выразительность пасквиля, которая делает его широко применимым **орудием контрреволюционной борьбы**» [6, с. 47].

<sup>52</sup> Э. Герштейн вспоминает: «Его допрашивали об эпиграмме на Сталина: «**Кто это МЫ? От чьего имени вы говорите?**» Хотели создать дело о контрреволюционной группе» [7, с. 55]. Отметим, что и обыск с арестом на Нащокинском имел место **в день приезда** Ахматовой в Москву (после нескольких звонков М, по, очевидно, прослушиваемому телефону, в Ленинград с требованием приехать) **почти сразу** после прихода Ахматовой в квартиру М. К тому же, в эти дни на Нащокинском жил Лева Гумилёв. Э. Герштейн пишет об «искусственно создава[емой] атмосфер[е] политической неблагонадежности вокруг несчастного сына Гумилева», см. [7, гл. 6]. Он подозревался (как «обществом», так и гепеушниками) в «непримиримости», в намерении отомстить за казнь отца и т. п. Все оперативки – в архиве ФСБ, но кто поверит, что всё это – «случайное совпадение», а не подготовка «групповухи»?

<sup>53</sup> См. протоколы допросов и комментарии в работе [6].

руется с окружающей действительностью во **всех** её ипостасях<sup>54</sup> и пытается в неё встроиться, честно, интенсивно и продуктивно работая.

Это проявляется в текстах Мандельштама 1935 г., ярче всего в «Стансах» и в стих. «Бежит волна-волной...»<sup>55</sup>.

#### 4.4.1. «Проклятый шов, нелепая затея...».

В этой строке «Стансов» поэт ругает себя за «нелепую затею» с Эпиграммой<sup>56</sup>. Н. Мандельштам сообщает в мемуарах (по-видимому, о лете 1934 г.): «О.М. мерещились грубые мужские голоса, запугивающие, квалифицирующие его преступление, перечисляющие всевозможные кары, говорящие **на языке наших газет** в дни сталинских разоблачительных кампаний, **ругающие его** отборной бранью, **упрекающие его** в том, что он сгубил столько людей, **прочитав им свои стихи**» [4, с. 61]. Но ведь это же он сам себя ругает в галлюцинациях!

4.4.2. «А через воздух сумрачно-хлопчатый/ Неначатой стены мерещатся зубы,/ А с пенных лестниц падают солдаты/ Султанов мнительных – разбрызганы, разъяты – / И яд разносят хладные скопцы».

Вся эта строфа стихотворения «Бежит волна...» является «ассоциативной обработкой» сообщения жены поэта о телефонном разговоре Пастернака со Сталиным. Этот разговор состоялся 13 июня 1934 г., но Надежда Яковлевна узнала о его содержании (от самого Пастернака) лишь во время своего второго приезда из Воронежа в Москву в марте-апреле 1935 г.<sup>57</sup>

Вернувшись 22 апреля в Воронеж, она передала то, что ей

<sup>54</sup> Кроме, разве что, мира «совписов», которых он называет в стих. «Бежит волна-волной...» (1935) «хладными скопцами» и продолжает воспринимать их как **смертельных** врагов, каковыми они для него и оказались через короткое время.

<sup>55</sup> Тексты этих стихотворений см. в Приложении.

<sup>56</sup> Аргументация см. в Приложении. Там же даётся подробный семантический разбор «Стансов», в частности, исследуется германская интерференция в слове ШОВ.

<sup>57</sup> Н.М. пишет в мемуарах: «Сама я узнала о сталинском звонке только через несколько месяцев [после июня 1934 г.], когда, уже переболев тифом и дизентерией, **вторично** приехала из Воронежа в Москву» [4, с. 136].

стало известно, Мандельштаму: это произошло, тем самым, незадолго до начала процесса создания обсуждаемого стихотворения.

В частности, как писала позднее в своих мемуарах Н. Мандельштам (это же она, разумеется, передала Мандельштаму), Сталин упрекнул Пастернака: «почему Пастернак не обратился в писательские организации или “ко мне” и не хлопотал о Мандельштаме. “Если бы я был поэтом и мой друг поэт попал в беду, **я бы на стены лез**, чтобы ему помочь”»<sup>58</sup>.

«Неначатая стена» с «зубцами» – это, очевидно, кремлёвская стена, на которую в стихе полез, всё же, не сам Сталин, а солдаты некоего «мнительного Султана» (= эквиконс. СТАЛиНА).

Здесь немедленно суггестируются образы «мнительных» (оба, по легенде, убили своих жен-грузинок!) «крем-лёвского» султана (Сталина) и **крым**-ского хана Гирея из пушкинского «Бахчисарайского фонтана».

При этом имя «Гирей» сразу паронимически отсылает к строке из Эпиграммы: «А СЛОВА, КАК ПУДОВЫЕ ГИРИ, ВЕРНЫ», смысл которой (как аргументируется в п. 3. 3) в том, что у Сталина СЛОВА (указы, указания и т. п.) – это орудие убийства. Тем самым, «мнительный султан» ассоциируется, прежде всего, с убийствами, казнями и т. п.

«Проявление» в этом тексте образа Гирея подкрепляется не только образом «хладного скопца» из «Бахчисарайского фонтана» (см. ниже), но и вполне «правдоподобной» гипотезой О. Лекманова, о том, что некоторые «восточные образы» в этом тексте (датированном 27.06.1935) могли быть «спровоцированы» критической статьёй В. Ивинга «Бахчисарайский фонтан» (в Известиях от 22.06.1935) о московских гастролях Кировского театра<sup>59</sup>.

<sup>58</sup> См. [4, с. 136–137].

<sup>59</sup> О. Лекманов в статье «Читатель газет» цитирует эту статью, выделяя курсивом некоторые лексические пересечения с текстом «Бежит волна»: «Дудко <в партии Гирея> дает великолепную остро отточенную рыцарственную фигуру хана, представляя его блистательным воителем старого феодального Востока во вкусе вальтер-скоттовского [Скотт ↔ ТОСКЕ. – Л. Г.] **султана Саладина** [↔ эквиконс. С-Д/Т-АЛИН. – Л. Г.]. За острым сарацынским профилем Гирея словно *мерещится* глубокий золотой фон сказок 1.001 ночи, ду-



## 4.4.3. «И яд разносят хладные скопцы».

Выражение «яд разносят», с большой вероятностью, отсылает к распространенным в середине 1930-х слухам о «тайной лаборатории» ОГПУ–НКВД (созданной и контролируемой наркомом Ягодой), в которой приготавливались яды<sup>60</sup>.

С другой стороны, выражение «хладные скопцы» отсылает к пушкинскому тексту об уже упоминавшемся «мнительном» крымском хане Гирее<sup>61</sup>, чьи солдаты в своё время штурмовали стены Кремля.

Но всё же для Мандельштама «хладные скопцы» – это, скорее, метонимия «совписов», сердцем хладных скопцов, «разносящих яд» сталинского культа.

Это следует из явно присутствующей здесь же отсылки к статье «Огюст Барбье» (1923). В набросках (вариантах) к этой статье<sup>62</sup> М пишет: «В ненависти своей к Наполеону Барбье одинок во всей романтической школе. Для Наполеона прибегают он самые сокрушительные **дантовские образы**. Для него Наполеон еще жив. **Яд наполеоновского культа**<sup>63</sup>, разлагающий демократию того времени, **яд, приготовленный в лабора-**

---

шистые от полыни пески [←→ В ПЕСКЕ. – Л. Г.] пустынь и зубцы крепостных стен Акры», см. [37, с. 535].

<sup>60</sup> Эти слухи подтвердил (разумеется, под диктовку следователей) на «бухаринском» процессе (март 1938 г.) секретарь Ягоды П. Буланов. Он говорил об «особом интересе Ягоды к ядам», которые тот применил, в частности, для отравления квартиры и кабинета Н. Ежова. Ср. «Песнь о Горьком» великого барда Джамбула, которую он сложил после расстрела Генриха Ягоды в марте 1938 г.: «Ты жил бы средь нас еще долгие годы, Когда б не **змеиное жало Ягоды**. Когда бы не **яды** убийц-палачей, К тебе приходивших в халатах врачей». У М эта «информация» о Ягоде (плюс своя же строка «яд разносят хладные скопцы») породила в «Солдате» (1937) строку: «**ядовитого холода ягоды**». Интересно в этом контексте известное высказывание Н. Бухарина о Сталине: «**гениальный дозировщик**» (типа аптекарь, составитель лекарств/ядов и т. п.), см. [36, с. 368].

<sup>61</sup> «Под стражей хладного скопца...». См. Пушкин А. Бахчисарайский фонтан. Собр. соч. в 10 т. М., 1949. Т. IV. С. 189. Кроме того, в пушкинском стих. «Поэт и толпа»: «Мы сердцем хладные скопцы, / Клеветники, рабы, глупцы». Там же, т. III. С. 86.

<sup>62</sup> См. [26, с. 557].

<sup>63</sup> Т. е. для Мандельштама – **сталинского культа**: ср. «в треуголках носачи» в «Стихах о русской поэзии».

Тиран милует и спасает Мастера-шахида:  
«изолировать, но сохранить»

**ториях лучших поэтов и художников**<sup>64</sup>, он рассматривает как сильнейший **токсин**<sup>65</sup>.

Возврат к тексту «Огюст Барбье» (и снова – отождествление сталинского культа с наполеоновским) как бы закольцовывает (представляет в виде цикла) тему теракта в дискурсе Мандельштама – но с изменением «смысла» (= отношения к теракту) на противоположный<sup>66</sup>, как в цикле на листе Мёбиуса<sup>67</sup>.

Отстранённо-примирительный текст стихотворения «Бежит волна-волной...»<sup>68</sup> завершает **историю последнего теракта БО**.

#### 4.5. Завершение «сюжета»: попытка примириться с объемлющим русским/советским миром и «жить, дыша и большевее».

В текстах и зафиксированных мемуаристами высказываниях М в 1936–1937 гг. проступает его стремление реализовать программу, изложенную в «Стансах»: «Я должен жить, дыша и большевее, работать речь...», т. е. программу примирения с идеологемами и матрицами «русского мира»<sup>69</sup>. Среди этих идеологем одна из центральных – это сакрализация личности и миссии императора с его «вертикалью власти», принцип «империя = император». В этой системе координат Сталин выковыывает и «дарит» народу подковы «ленинско-сталинского сло-

<sup>64</sup> Они и есть те «хладные скопцы», которые «разносят (идеологический) яд».

<sup>65</sup> «Сильнейший ТОКСИН» паронимически отсылает к «невольничьей ГОСКЕ» в начале стих. «Бежит волна-волной...», что даёт неожиданную дополнительную связь между этими текстами.

<sup>66</sup> «Я к смерти готов» → «я должен жить, дыша и большевее».

<sup>67</sup> О релевантности этой геометрической метафоры в данном контексте см. монографию [3], п. 1.5.6.1 (Б).

<sup>68</sup> Уместно здесь процитировать письмо С. Рудакова из Воронежа от 24.05.1935, проясняющее генезис образа «волны» в этом стихотворении. Рудаков цитирует своё наставление Мандельштаму: «...кончен цикл *открытых* политических стихов. Теперь вы – вольноотпущенник, и не должны, а вольны». <...> Он [М] счастлив, поняв это». Представляется, что именно отсюда образ **ВОЛНЫ**, которая «гульлива и **вольна**», по тексту «Сказки о царе Салтане», с которым у «Бежит волна...» есть ряд «пересечений».

<sup>69</sup> В письме отцу (Воронеж, 1935) М пишет: «...не чувствую себя отщепенцем, живу социально».

ва», т. е. иероглифа «СССР», и покушаться на его личность – такая же «нелепая затея», как пытаться разрушить это «слово», этот создаваемый демиургом Сталиным «текст страны» и т. д.

Э. Герштейн вспоминает, что М сказал ей летом 1937 г.: «А разве вы не пошли бы в ГПУ, если бы, например, узнали о политическом заговоре против нашей страны?»<sup>70</sup>

Психологическая и физическая утомленность. С. Рудаков пишет жене из Воронежа: «У М. какая-то **тупая примиренность**, приглушенность, бесхитростность. Где все бури и полемике былых месяцев? О. Э. очень постарел и осел как-то»<sup>71</sup>.

Итак, Мастер простил Тирана и раскаялся в своём нападении на него. Но простил ли он предавшую его Мастерницу?

\* \* \*

За поворотом, в глубине  
Лесного лога,  
Готово будущее мне  
Верней залога.

Его уже не втянешь в спор  
И не заластишь...

*Б. Пастернак. За поворотом*

Текстом, завершающим «сюжет теракта», естественно считать четверостишие М, созданное в январе 1937 г.:

Как землю где-нибудь небесный камень будит  
Упал опальный стих, не знающий отца.  
Неумолимое – находка для творца –  
Не может быть другим, никто его не судит.

Достаточно ясно, что речь идет об Эпиграмме<sup>72</sup>. Автор – «творец» – как бы снимает с себя «судебную» ответственность за этот стих: он не мог быть его «отцом». Этот текст был «не-

<sup>70</sup> См. [7, с. 68].

<sup>71</sup> Письмо от 20.01.1935. Цит. по [7, с. 165].

<sup>72</sup> Это отмечалось в литературе: например, об этом пишет Д. Лахути в монографии [38].

умолим», как «небесный камень», и его нельзя было «втянуть в спор», изменить или избежать.

Этот стих был вложен «с небес» в «творца» – как «уголь, пылающий огнем» в грудь пушкинского пророка, – и «творец» должен был «огненным ударом» (*пультса ди-нура*) своего сердца «разбудить землю, страну, улицу», заставить их «почувать» что-то...

Мандельштам неявно «возвращается» здесь к своему же раннему программному тексту из «Камня»<sup>73</sup>: «**Мстителем**<sup>74</sup>, камень, будь,/ Кружевом острым стань <...>. Будет и мой черед – / Чую размах крыла. <...> Или, свой путь и срок, / Я, исчерпав, вернусь...».

И этим текстом, «исчерпав свой путь и срок», он неизбежно **возвращается** в «точку вылета», завершает «программу джихада» и закольцовывает «текстуальную» фабулу главного Подвига своей жизни.

<sup>73</sup> Стих. «Я ненавижу свет...», 1912, вариант, см. [18, т. I, с. 460].

<sup>74</sup> Сочетание МСТИТЕЛЬ-КАМЕНЬ немедленно суггестирует сочетание НЕУМОЛИМЫЙ КАМЕНЬ, и наоборот.

*Приложение*  
«Стихи к джихаду»

Семантический разбор ряда стихотворных и прозаических блоков, отражающих узловые точки траектории «джихада» Мандельштама. Разбор неполный: рассматриваются, в основном, фрагменты, имеющие отношение к подготовке, осуществлению и последствию «акции».

**П1. Кому зима – арак... (1922).**

Кому зима – арак и пунш голубоглазый,  
Кому душистое с корицею вино,  
Кому жестоких звезд соленые приказы  
В избушку дымную перенести дано.  
Немного теплого куриного помета  
И бестолкового овечьего тепла;  
Я все отдам за жизнь – мне так нужна забота, –  
И спичка серная меня б согреть могла.  
Взгляни: в моей руке лишь глиняная крынка,  
И верещанье звезд щекочет слабый слух,  
Но желтизну травы и теплоту суглинка  
Нельзя не полюбить сквозь этот жалкий пух.  
Тихонько гладить шерсть и ворошить солому,  
Как яблоня зимой, в рогоже голодать,  
Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому,  
И шарить в пустоте, и терпеливо ждать.  
Пусть заговорщики торопятся по снегу<sup>1</sup>  
Отарою овец, и хрупкий наст скрипит,  
Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу,  
Кому – крутая соль торжественных обид<sup>2</sup>.  
О, если бы поднять фонарь на длинной палке,  
С собакой впереди идти под солью звезд  
И с петухом в горшке прийти на двор к гадалке.  
А белый, белый снег до боли очи ест.

<sup>1</sup> Вариант этой строки: «Людишки темные торопятся по снегу» – в журнале «Россия», М. – Петроград, 1922, № 1 (август). С. 7.

<sup>2</sup> Вариант двух последних строк: «Есть соль на топоре, Но где достать телегу И где рогожу взять, Когда деревня спит?», см. [18, т. I, с. 494].

**Реконструкция смысла:**

Если бы Вы были мужем, а не «...», Мандельштам, ... Вы бы взяли винтовку в руки и пошли сражаться.

*Марина Цветаева, черновик к статье «Проза поэта» (1926)*

Всё стихотворение, созданное зимой 1921/1922 – это монолог, обращённый к Николаю Гумилёву, часть «разговора с Колей», который «никогда не прерывался»<sup>3</sup>.

Автор (проецируя свои отношения с Гумилёвым на отношения в паре Пушкин – Рылеев) пытается ответить «героям-заговорщикам» на воображаемое обвинение в трусливом неучастии в героических акциях<sup>4</sup>: да, он не человек подвига «на площади», ему слишком дорога жизнь, ему необходима «забота» и «тепло», пусть символические («И спичка серная меня б согреть могла»), пусть это будет даже «бестолковое овечьё тепло» и т. д.

Но эта «апология труса», «рационализация трусости» не избавляет автора от угрызений **совести**<sup>5</sup>. На это указывают последняя строфа и в ней последняя строка стихотворения: «А белый-белый снег до боли очи ест»<sup>6</sup>.

<sup>3</sup> В письме Ахматовой (от 25.08.1928): «Беседа с Колей не прерывалась и никогда не прервется» [15, с. 101].

<sup>4</sup> Т. е. в акциях типа декабристского восстания, типа эсеровских акций против больших и малых тиранов, типа подвига «Петроградской БО» (Гумилёв) и т. д. Он одновременно пытается ответить и Марине Цветаевой, которая при встрече в Москве летом 1918 г. явно продемонстрировала ему своё презрение, упрекнув его в «не мужском», трусливом поведении: «О реакции Цветаевой на встречу с О. М. известно по черновику ее статьи “Проза поэта”, 1926 <...>: “Если бы Вы были мужем, а не “...”, Мандельштам, Вы бы не лепетали бы тогда в 18 г. об “удельно-княжеском периоде” и новом Кремле, Вы бы взяли винтовку в руки и пошли сражаться... Или снова – как тогда, в 1918 г., в коридоре, когда **я Вам не подала руки** – захлопчете, залепечете, закинув голову, но сгорев до ушей. Есть и мне что рассказать о Ваших примусах и сестрах. – Брезгую!»», см. [33, с. 129].

<sup>5</sup> Уместно здесь привести высказывание В. Шилейко, записанное П. Лукницким: «Манделштам очень хорошо говорил в эпоху первого “Цеха Поэтов”: “Гумилев – это наша совесть”», см. Лукницкая В. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990. С. 125.

<sup>6</sup> Здесь вероятная немецко-русская «консонантная паронимия»: БЕЛЫЙ

Герой последней строфы – это, с одной стороны, проекция образа Бориса Синани (в ШВ), с которого М пытается «делать жизнь» и жалеет и испытывает угрызения совести оттого, что это не получается.

Петух (в горшке) – это, по-видимому, традиционная еврейская «искупительная жертва» (*канпара*), принимающая на себя грехи жертвователей. В данном случае – это жертва, искупающая «нечистую совесть труса»<sup>7</sup>.

Но, с другой стороны, в образе героя строфы<sup>8</sup> просвечивает джокер (шут, дурак) из колоды карт Таро<sup>9</sup>, появление которого в раскладе карт обычно интерпретируется как начало новой, неизвестной жизни (и, одновременно, завершение некоего поиска), как выход из «**особой точки**» жизненного процесса<sup>10</sup>.

А ведь именно в такой особой точке – в «зоне конфликта цивилизаций» – находится (ощущает себя) М в 1922–23 гг. Это по преимуществу «еврейская» и «русская» цивилизации. См. об этом подробнее в работах [3] и [31]. Здесь отметим лишь, что в этот период Манделштам размышляет о своей чужерод-

СНЕГ → [ВайС] ‘белый’ + СНЕГ → (эквиконс. ВСНГ) Gewissen ‘совесть’ → смысл: «совесть мучает (“ест”) как соль глаза и требует “очищения”». Чуть позже, в стих. «1 января 1924» М напишет: «И, словно сыплот соль мощною дорогой, белеет совесть предо мной». Отсюда неявное присутствие концепта «совести» в семантике рассматриваемой строфы устанавливается простым упражнением на применение техники НСО. В этих примерах проявляется устойчивая связь в языковом сознании М семантических полей трёх концептов: СНЕГ–СОЛЬ–СОВЕСТЬ.

<sup>7</sup> Заметим, что этот петух, по традиции – белый «как снег»! Этот же, явно искупительный, «петух, предназначенный резнику», возникает в «еврейском» детском сне в конце ЕМ, и там так же имеет место «снежный, зимний» фон.

<sup>8</sup> С его «длинной палкой», «собакой», «гадалкой» и т. д.

<sup>9</sup> Подсказано Е. Веселовой. Кстати, название «ТАРО», похоже, вклеено в слово ОТАРО-ю. Д. Магомедова пишет об образах последней строфы в статье «О. Манделштам и И. Дмитриев»: «Темным людям противопоставлено шествие – с фонарем на длинной палке, с петухом в горшке, — в котором угадываются элементы рождественского шествия волхвов (петухов) и святочного гадания с петухом (ср. сцену гадания Наташи Ростовской на Святки в «Воине и мире»)» [43, с. 410].

<sup>10</sup> Заметим, что и ПЕТУХ – это во многих метафориках маркер «начала нового». У Манделштама в другом месте: «Петух, глашатай **новой жизни**...».

ности, как для еврейской цивилизации (см. ШВ, глава «Хаос иудейский»), так и для русской<sup>11</sup>.

Тем самым, сквозной смысл всего этого пассажа и всего стихотворения – безнадежное стремление начать новую жизнь (и жить как Борис Синани, как Николай Гумилёв, как Яков Блюмкин и другие эсеровские герои, как Рылеев и другие декабристы и т. д.) и мучения совести при ощущении внутренней неспособности это сделать.

Рассмотрим, наконец, некоторые межъязыковые интерференции в этом стихотворении:

(1) В стр. «Кому жестоких звезд соленые приказы/ В избушку темную перенести дано»:

(G, Fr) СОЛЕННЫЕ ПРИКАЗЫ → (пар.) solenn 'торжественный' (= фр. solennel 'торжественный') → смысл: «торжественные приказы»

(2) В стр. «Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу/ Кому – крутая соль торжественных обид»:

(G) ЗИМА = Winter → (эквиконс. W-N/M-T-R) Wermut 'полынь, вино «вермут»' → два смысла:

(А) ПОЛЫНЬ

(Б) Смысл: «кому зима – (полынное вино) вермут», отсылающий к первым строкам этого стих.: «Кому зима – арак и пунш голубоглазый, / Кому душистое с корицею вино».

Далее, имеем связь: (G) Wermut 'полынь, «горечь», вино «вермут»' → (пар.) Wehmut 'тоска, горечь, меланхолия' → смысл: «кому зима – тоска, горький дым обид» и т. п.

<sup>11</sup> В обсуждаемом тексте об этом говорят слова: «Тянутся с нежностью бессмысленно к чужому, И шарить в пустоте, и терпеливо ждать...»; ср. в статье М «О природе слова»: «Мне кажется, Розанов всю жизнь шарил в мягкой пустоте, стараясь нащупать, где же стены русской культуры». Кроме того, в этой же строфе сочетание «ворошить солому» получает через немецкого посредника dreschen Stroh (букв. «молотить солому» = перен. «переливать из пустого в порожнее, толочь воду в ступе») смысл: «вести бесцельное существование», см. [3, Приложение].

## П2. Фрагмент «Четвертой прозы» и фрагмент «Армении» (1930).

А. Фрагмент ЧП.

«Кто же, братишки, по-вашему, больше филолог: Сталин, который проводит генеральную линию, большевики, которые друг друга мучают из-за каждой буквочки, заставляют отрезаться до десятых петухов<sup>12</sup>, – или Митька Благой с веревкой? По-моему – Сталин. По-моему – Ленин. Я люблю их язык. Он мой язык»<sup>13</sup>.

Б. Фрагмент «Армении» (1930).

«Как люб мне язык твой зловещий,  
Твои молодые гроба,  
Где буквы – кузнечные клещи<sup>14</sup>  
И каждое слово – скоба...»

\* \* \*

Для архаического сознания всякое ремесло есть колдовство, и мастер – скромный, но легитимный собрат мага: оба «знают слово», оба проникли в особые секреты, неведомые профанам, оба умеют обходиться с демоническими силами.

С. Аверинцев

<sup>12</sup> Т. е. большевики и Сталин – это современные «книжники» = «фарисеи» = «талмудисты», для которых сакральный Текст – это весь мир, а манипуляция миром – это манипуляция Текстом, ради которой они мучают друг друга, заставляют (как новозаветного Петра) признавать «правильный» текст или отрезаться от «неправильного» и т. д.

<sup>13</sup> Т. е. язык «фарисеев-талмудистов» (= язык еврейского мидраша, приписываемый Мандельштамом большевикам, независимо от их этничности, в частности, Ленину и Троцкому, см. обсуждение ниже в п. 2.2.5), – это язык Мандельштама. Этот отрывок, завершающий 8-ю главу ЧП, приводится А. Морозовым в его комментариях к изданию: Мандельштам О. Шум времени. М., 2002. С. 283. Устно Морозов сообщал, что он успел переписать этот отрывок с одного списка ЧП, находившегося у Н. Мандельштам, после чего этот кусок был (предположительно, ею же) оторван, и даже остались следы отрыва.

<sup>14</sup> Отметим русско-немецкую паронимическую связь: Zunge 'язык, оружье' ↔ Zange 'КЛЕЩИ'.



### Реконструкция смыслового пересечения фрагментов А и Б:

Имеет место «похожесть» дискурсов Сталина и Мандельштама.

Отметим сразу «идеологическую базу» этой похожести: это вера в «магию языка», в магическое «излучение» генерируемого вербального текста<sup>15</sup>, в магию «научного дискурса»<sup>16</sup> – и установка на «физическую» имплементацию этой веры<sup>17</sup>.

Несколько заостряя, можно сказать, что Сталин и Мандельштам – «люди текста»<sup>18</sup> *par excellence* и при этом блестящие

<sup>15</sup> Напомним «программные» высказывания М: «Поэзия – это **власть**», «Поэтическая мысль **вещь страшная**, и её боятся», «Подлинная поэзия **перестраивает мир**, и её боятся», см. подробнее «основной текст», п. 2.1. Сталин на банкете с писателями 26.10.1932 произносит внутренне похожие формулы: «Писатели – инженеры человеческих душ», «Производство душ важнее производства танков», см. [25, с. 482].

<sup>16</sup> Ср. у современных авторов: «... наука – от дьявола, потому что она дает надежду на овладение миром <...> М так или иначе прикасался дьявольщине. <...> Он буквально с фаустовской страстью шел на сделку с ним [Сталиным]. И Сталина, воплощающего марксизм с его абсолютной верой в науку, действительно можно считать Мефистофелем» [34, с. 636].

<sup>17</sup> Интересно в этом отношении свидетельство Н. Мандельштам: «Однажды в киевские дни [май 1919 г. – Л. Г.] Мандельштам **таинственно** сообщил мне: когда я пишу стихи [а «писал» он, как мы знаем, «устно», «с голоса» – Л. Г.], никто ни в чем мне не отказывает... Я подумала – “балованный” и спросила: “Почему?” Объяснить он не мог: не знаю, но так получается» [28, т. 2, с. 48].

<sup>18</sup> Может быть, следует уточнить: «люди устного текста». Дело в том, что есть ещё одна важная (но почти не исследованная) общая черта дискурса М и Сталина: это их подчёркнутая ориентированность на УСТНОСТЬ дискурса. М сказал в ЧП: «Я один в России работаю с голоса». Нет, не один – так же работает ещё Сталин. Очевидна важность именно аудиальности, **устного** дискурсивного модуля для Сталина (устные указания, телефон, дискурсивный, т. е. «вербальный» театр, «радио-рупор» Сталина – Левитан и т. д.). Похоже, здесь дело в том, что у генераторов текста присутствует ощущение, что аудиальность более других модулей дискурса усиливает МАГИЮ текста, его манипулятивное (перформативное) воздействие и т. д. Кроме того, для М аудиальность связана со столь важной для него **динамикой** дискурса: «...говорить – значит всегда находиться в дороге» (РД, гл. 2). Сильно упрощая, можно утверждать, что аудиальность М коренится в глубинной ашкеназской дискурсивной традиции, которая, в свою очередь, уходит корнями в Вавилонский Талмуд. Обсуждаемый феномен, разумеется, требует отдельного рассмотрения.

«текстуальные манипуляторы» и «текстуальные демиурги»<sup>19</sup>. По эффективности техники «лингвистического» манипулирования их можно сравнить разве что с самыми выдающимися «талмудистами», т. е. генераторами традиционных еврейских текстов.

Собственно, в этом и состоит главный смысл высказывания Мандельштама о языке Сталина: «мой язык».

Строим теперь (частичное) отображение фрагментов А → Б: [СТАЛИН, МУЧАЮТ, из-за КАЖДОЙ БУКВОЧКИ, Я ЛЮБЛЮ ИХ ЯЗЫК, ЭТО МОЙ ЯЗЫК] ↔ [ЛЮБ МНЕ ЯЗЫК ТВОЙ, БУКВЫ – КУЗНЕЧНЫЕ КЛЕЩИ (= орудие пытки, мучений), КАЖДОЕ СЛОВО, СКОБА].

Применяя принцип НСО<sup>20</sup>, получаем, что, при этом отображении, «с большой вероятностью», СКОБА ↔ «Коба (= СТАЛИН)». Тем самым, образ Сталина (генератора «зловещего языка») как бы «вшифрован» в ткань фрагмента Б.

Ниже приводится работа о соотношении «языка Мандельштама», советского газетного «новояза» и «языка Сталина», одного из главных генераторов этого «новояза»<sup>21</sup>.

### У ZEITungen в плену: Осип Мандельштам и язык советской прессы. Манипулятивность М-текста. М-текст и «язык Сталина»

Сталин. <...> Ленин. Я люблю их язык.  
Он мой язык.

О. Мандельштам. Четвертая проза

<sup>19</sup> См. Основной текст, п. 2.1.

<sup>20</sup> Т. е. «принцип непрерывности семантического отображения», см. напр. [3].

<sup>21</sup> Это, с существенными изменениями, текст, опубликованный в монографии [3], п. 1.6. Журнальный (сокращённый) вариант был опубликован в «Вопросах литературы» в 2011 г.

...борьба газетной темы и ямбического духа. Почти вся поэма в плену у газеты.

*О. Мандельштам. Заметки о Шенье*

Повышенный интерес Мандельштама к советской газете хорошо известен из его собственных текстов и записей мемуаристов.

В очерке «Холодное лето» (1923) он пишет: «А я люблю выбежать утром на омытую светлую улицу, через сад, где за ночь намело сугробы летнего снега, перины пуховых одуванчиков, – прямо в киоск, за “Правдой”».

Точно так же в конце 1937 г. в Калинин Мандельштам, по воспоминаниям его жены, каждый день «просматривал» “Правду”, которую выписывал хозяин, пытаясь извлечь информацию, в особенности, из высказываний и даже из фотографий Сталина.

«Читая, <...> О.М. часто говорил: “Мы погибли”... Впервые он это произнес, показывая мне отзыв Сталина на сказку Горького: “Эта штука сильнее “Фауста” Гете. Любовь побеждает смерть”... Он сказал еще “мы погибли”, увидав на обложке какого-то иллюстрированного журнала, как Сталин протягивает руку Ежову. <...> Однажды за столом у Татьяны Васильевны О.М. прочел речь Сталина <...>. Сталин пил за ту науку, которая нам нужна, а не за ту науку, которая нам не нужна... <...> О.М. сказал привычное: “Мы погибли”... Вот тут-то Татьяна Васильевна и ее муж разъярились: “Вам только бы гибнуть... еще накликаете... вы бы как жить подумали...”»<sup>22</sup>.

Психологический феномен «газетной зависимости» был вполне распространён и «нормален» в советском «среднем классе». Но этот же феномен, по меньшей мере, странен и, наверное, уникален для большого поэта, принадлежавшего к интеллектуальной элите общества.

Да, газеты читали все, кто хотел быть социально интегрированным, не остаться «на обочине» новой жизни. Для определённого слоя городского населения чтение центральных газет и/или подписка на них служили признаком лояльности совет-

<sup>22</sup> См. [9, с. 320, 323].

ской власти и партии, неким ритуалом «текстуальной» социализации.

Но, тем не менее, трудно представить себе Пастернака, выбегающего утром за «Правдой». Или Ахматову, фиксирующую в стихотворных строках свои впечатления от просмотра свежего номера той же газеты<sup>23</sup>:

«Вот “Правды” первая страница, / Вот с приговором полоса.  
<...> Футбол для молодого баска, / Мадрида пламенная жизнь».

Для русско-советской художественной элиты принятой нормой было презрение к газете, стремление как-то избежать её чтения (булгаковский профессор говорит: «Не читайте советских газет»), хотя совсем уйти от этого было невозможно.

Вообще, трудно представить, что могло быть привлекательного для психически нормального интеллектуала в советской газете. Мандельштам и здесь «выламывался» из общего ряда.

В чём здесь дело?

**2.1.** Разумеется, «в дверях скучает» (по выражению Мандельштама) общее объяснение: ярко выраженная у Мандельштама психологическая установка на получение новой информации и на осуществление коммуникации, – ведь газета в 1920–1930-х гг. была важнейшим элементом информационно-коммуникативной системы, пусть дозирующим и деформирующим информацию, но всё же...

Мандельштам ориентирован, настроен на абсорбирование новостей о происходящем вокруг него, пусть препарированных цензурой. При этом он, конечно, должен максимально использовать главные на тот момент коммуникационные системы: газету и, в меньшей степени, радио.

В Воронеже Мандельштам, кроме ежедневного чтения центральных и местных газет, регулярно слушает «московские» новости по радио («Наушнички... Ну, как метро?..»).

Вполне естественно представить, что если бы Мандельштам через «щель в хронотопе» пролез в сегодняшний день, он часы и дни проводил бы за монитором, впитывая всевозможную, со-

<sup>23</sup> О. Мандельштам «Стансы», июль 1937.

вершенно не обязательно практически нужную, информацию из сети.

Тексты Мандельштама показывают, что он был «настроен» на использование любой информации, которую можно получить из газеты. Мандельштам – «продвинутый юзер» газеты: он использует эту инфо-систему целиком, со всеми её опциями, вплоть до отдела личных объявлений<sup>24</sup>.

Газетный текст у него идет в дело (т. е. отражается в генерируемых им текстах) **весь** – с рогами и копытами: от политических передовиц до спортивных сообщений («футбол для молодого баска»), рекламы кинотеатров<sup>25</sup> и т. п.

Заметим теперь, что всё сказанное выше относится к тексту любого вида (даже не обязательно вербальному), поступающему «на вход» сознания Мандельштама. Ему интересен и экзистенциально важен **любой** печатный текст («листаю книги в глыбких подворотнях, и не живу, и все-таки живу»), а уж тем более тот, который имеет, по его ощущению, непосредственное отношение к его жизни (типа вышеупомянутых сообщений в «Правде» в конце 1937 г. о готовящихся процессах и т. п.).

Выше говорилось, что М, следуя глубинной иудаистической (талмудической) традиции, воспринимал мир как вербальный Текст<sup>26</sup>, а текстуальное описание мира – как результат работы некоторой системы передачи информации по отношению к миру (к людям).

Ср.: «Нам уже трудно себе представить, <...> – каким образом вся библейская космогония с ее христианскими придатками могла восприниматься тогдашними образованными людьми

<sup>24</sup> См. скан объявления М о съеме комнаты в «Вечерней Москве» от 1 октября 1929 г. в [3], п. 1.6.

<sup>25</sup> См. в [3], п. 1.6 скан кинорекламы в «Правде» от 1 декабря 1930 г., предположительно давшей странных «голубых песцов» в стих. «Волк» (начало 1931 г.). Была, конечно, и «наружная кинореклама», но напомним, что М «сканировал» центральные газеты от первой до последней полосы **каждый** день, поэтому газетный источник вероятнее.

<sup>26</sup> О ключевой идее «мира как текста» у Мандельштама см. «Идеологическое предисловие» к Основному тексту, а также работы [3] и [31].

ми буквально как **свежая газета, как настоящий экстренный выпуск**<sup>27</sup>.

Резюмирующая метафора: можно сказать, что Мандельштам – это мощная интеллектуальная машина (по выражению С. Рудакова – «механизм») для переработки чужих и своих (более ранних) текстов. При этом мы видим, что чтение газеты для Мандельштама – это важнейший текстуальный контакт с окружающим Миром, который и сам по себе есть Текст.

Но, опять же, любой homo sapiens, в той или иной степени, является таковой машиной.

Почему всё же именно газетный текст так привлекателен («Я люблю их язык») и явно чем-то маркирован для Мандельштама? Простой «информативности» газетного текста недостаточно для ответа на этот вопрос.

**2.2.** Дело, по-видимому, в том, что, кроме вышерассмотренной «инфо-метафизики», есть какая-то конкретная физика текста, делающая для Мандельштама газету привлекательной *per se*, без какой бы то ни было сиюминутной функциональности.

Это – **язык** газеты в широком смысле. Это – **наиболее** комфортный и близкий для Мандельштама<sup>28</sup> мир текста, мощно резонировавший с его собственным «мировым текстом», в отличие от, скажем, мира текста «конвенциональной» нарративной литературы.

Близкий для него – в чём? Что может быть общего у дискурса гениального поэта и предельно, часто до идиотизма, стандартизированного языка советской газеты?

Представляется, что дело здесь в следующих психолингвистических феноменах:

**2.2.1. Динамика текста → семантический взрыв.** Мандельштам привлекала доведённая до предела динамика репортажного текста, установка репортажного текста на частотный се-

<sup>27</sup> РД, гл. VI.

<sup>28</sup> Ср. вынесенное в эпиграф высказывание Мандельштама из ЧП про язык Сталина, одного из главных генераторов русского газетного новояза: «Он мой язык». Для Мандельштама, по-видимому, «язык Сталина» = «советский газетный язык». См. ниже более подробное обсуждение этого пассажа из ЧП.

мантический «взрыв» (в смысле Лотмана), установка на «клиповость» структуры текста и его рецепции. В «пределе» – это семантический взрыв (например, врезка семантического клипа, blow-up и т. п.) в каждой точке текста<sup>29</sup>.

О присутствии у Мандельштама установки на «репортажность» текста он сам прямо говорит во 2-й и 6-й главах «Разговора о Данте» (РД)<sup>30</sup>: «И вот, читая песни Данта, мы получаем как бы **информационные сводки** с поля военных действий...», «И если мы с этой точки зрения подойдем к Данту, то окажется, что в предании он видел не столько священную его, ослепляющую сторону, сколько предмет, обыгрываемый при помощи **горячего репортажа** и страстного экспериментирования. В двадцать шестой песни “Paradiso” Дант дорывается до личного разговора с Адамом, до подлинного **интервью**. Ему ассистирует Иоанн Богослов – автор Апокалипсиса».

Контекст репортажа симпатичен Мандельштаму, и его привлекают все акторы газетно-репортажной «инфо-системы»: «Я к воробьям пойду и к репортерам». Здесь «воробьи» – это «газетные воробьи» – тогдашнее прозвище мальчишек-газетчиков.

**2.2.2. Предельная коммуникативность текста.** В языке советской газеты это свойство текста очевидно. Что касается Мандельштама, то Ю. Левин отмечал в работах 1970-х гг. нарастающую ориентированность его текста «...на процесс коммуникации. Усиливается апеллятивность, как глобальная (стихотворение в целом – обращение к кому-то или чему-то, будь то даже щегол, заводской гудок или кувшин), так и локальная, с частой сменой локальных адресатов (см., например, “К немецкой речи”). Очень часты вопросы, императивы, обращения (в том числе, что особенно характерно, своеобразные “приветствия” типа “Ну здравствуй, чернозем”). Но дело не только в количественном росте “коммуникативных элементов” в тексте, но и, главное, в актуализации коммуникативности»<sup>31</sup>.

<sup>29</sup> О текстуальной идеологии семантического «взрыва» у Мандельштама подробно и с массой примеров говорится в [3], п. 1.2.

<sup>30</sup> Где, как обычно в РД, Дант = alter ego самого Мандельштама.

<sup>31</sup> Левин Ю. О некоторых особенностях поэтики позднего Мандельштама // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Сб. ст. Воронеж, 1990. С. 412.

**2.2.3. Ориентация на «репортаж участника» → перформативность текста.** В языке газеты (в особенности советской газеты) присутствует установка на «репортаж участника», который «в пределе» переходит в *перформативность*, т. е. в ситуацию, когда текст каузирует некоторые действия («перформансы») или сам является тем «событием», которое он стремится выразить.

Примеры перформативных ситуаций в советской прессе: «призывы», «клятвы», даже названия газет («Призыв», «Правда») и т. п.

Этот же феномен характерен для текста Мандельштама, на что указал он сам в РД (гл. 4), см. ниже. Это же свойство мандельштамовского текста отмечал Ю. Левин в работах 1970-х гг.:

«У позднего Мандельштама стихотворение из условного знака коммуникативного акта превращается в как бы непосредственно – здесь и теперь – происходящее общение, из знака события само превращается в событие, из литературного факта – в факт жизни. Такие стихи, как “Куда как страшно...”, “Мы с тобой на кухне посидим...”, “Нет, не спрятаться мне...” и мн. др. дают не описание ситуации, а актуальное ее присутствие, предполагающее не фиктивный, а реальный контакт»<sup>32</sup>.

Ю. Левин утверждает, что для позднего Мандельштама «наиболее характерен случай как “личностного”, так и пространственно-временного совпадения Н [наблюдателя] и Г [говорящего], <...> причем этот Н-Г локализован и темпорализован внутри события, – тип “**репортажа участника**”<sup>33</sup>, (характерный пример – “Стихи о неизвестном солдате” с их сочетанием апокалиптичности и **репортажности**). Крайним частным случаем является перформативный текст, когда стихотворение само является тем актом, который оно выражает (авторреферентность). Такие тексты максимально ситуативны, особенно глубоко укоренены в действительности, в них Н и Г слиты до неразличимости, поскольку “повествование здесь само является событием”. Многие стихи позднего Мандельштама тяготеют

<sup>32</sup> Там же.

<sup>33</sup> Ср. вышеприведенный пассаж из 6-й главы РД: «Дант дорывается до личного разговора с Адамом, до подлинного **интервью**». – Л. Г.

к перформативности, что проявляется, в частности, в употреблении конструкций типа “Я скажу это начерно, шопотом...”, “Я скажу тебе с последней прямой...”, “Я шепчу обескровленным ртом...”, за которыми следует “говоримый” текст (означаемое таких конструкций – сам факт говорения здесь и теперь, т. е. совпадает с означаемым)<sup>34</sup>.

«Дописывая» работу Левина, можно сказать, что к этой же системе феноменов относится частотная ситуация, когда текст Мандельштама как бы «изучает сам себя»<sup>35</sup>.

Ср. пассаж в РД: «...непрерывное превращение материально-поэтического субстрата, сохраняющего свое единство и стремящегося проникнуть внутрь себя самого».

Французский философ А. Бергсон, под влиянием которого находился Мандельштам, считал «внутреннее наблюдение», «интроспекцию» (погружение в сознание) эффективным методом познания. Усилим «интроспекции» человек может понять связь действительности и своей экзистенции, т. е. совместить Н и Г и стать «участником события, дающим репортаж». Газета *per se* и есть такой «участник события», – это и привлекает Мандельштама в газете.

**2.2.4. Установка на «игру слов» и на «оксюморонизацию». Манипулирование семантикой.** Для советского газетного языка характерно использование «игры слов», «каламбуров»: это бросается в глаза, например, в заголовках статей.

Эти техники суть частные проявления общей ориентации на семантическое манипулирование, т. е. наполнение концептов, концептуальных метафор и т. п. русского языка модифицированным содержанием для достижения некоей «целевой семантической функции» текста.

<sup>34</sup> Левин Ю. О некоторых особенностях поэтики позднего Мандельштама // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Сб. ст. Воронеж, 1990. С. 412–413.

<sup>35</sup> Этот интереснейший (и не исследованный) феномен мы называем «мидрашностью» (*мидраш* = ивр. ‘изучение’) текста. Он характерен для «талмудических текстов», мощнейшим образом повлиявших на еврейский традиционный дискурс, см. ниже п. 2.2.5 и монографию [3], п. 1.2.3. Геометрическая метафора «мидрашного» текста – это «бутылка Клейна», см. например, обложку монографии [3].

Интересно, что и в дискурсе Сталина «каламбуры» – рутинное явление. М. Вайскопф в своем исследовании языка Сталина приводит ряд примеров и, в частности, пишет: «...стоит заново взглянуть на его [Сталина] первый публицистический псевдоним, составленный на **каламбурно-двуязычной** основе [Бесошвили = сын беса]» [39, с. 196].

В той же работе Вайскопф приводит ряд примеров частотного присутствия в дискурсе Сталина **оксюморонных текстуральных ситуаций**, которые он, следуя советской и общеевропейской традиции, называет «сталинской **диалектикой**»<sup>36</sup>.

Соответственно, в текстах Мандельштама феномен игры «на каламбурно-двуязычной основе» и феномен оксюморонных ситуаций типа «сухой влажности» абсолютно рутинны и массовидны: подробно об этом см. в монографии [3]. Там же говорится о мандельштамовских техниках семантического манипулирования.

### 2.2.5. Некоторые выводы и одна спорная гипотеза.

Проанализировав вышесказанное, можно высказать утверждение, что «точки совпадения» языка Мандельштама и советского газетного языка напоминают ряд черт и текстуальных установок еврейского традиционного дискурса, т. е. мидраша, идиш-дискурса и т. п. В этом легко убедиться, просмотрев работу, исследующую «пересечения» текста Мандельштама и еврейского традиционного текста<sup>37</sup>.

Приведём её основной тезис:

Текст Мандельштама часто совершенно удивительным образом напоминает традиционный еврейский текст, т. е. Талмуд, или Мидраш, или Каббалу, или традиционный идиш-дискурс. Это выражается, прежде всего, в системном совпадении некоторых принципов «генерирования» текста. При этом Мандель-

<sup>36</sup> Несколько огрубляя, можно сказать, что и Сталин и Мандельштам «диалектику учили не по Гегелю», а, скорее, по Талмуду. Феномен «диалектики» в советском новоязе 1920–1930-х гг. должен быть рассмотрен отдельно.

<sup>37</sup> Городецкий Л. Текст Мандельштама в сопоставлении с традиционным еврейским дискурсом // Вестник Пермского университета: Серия «Российская и зарубежная филология». Август 2010. № 4 (10). Стр. 145–155. Основной материал этой статьи содержится также в монографии [3], п. 1.2.3.



штам «идеологически совпадает» с традиционными еврейскими авторами в своём отношении к концепту и реальности Текста.

Он сам сказал про феномен своего отношения к «тексту» в рассмотренном выше пассаже в ЧП (1929/30 гг.): «Кто же, братишки, по-вашему, больше филолог: Сталин, который проводит генеральную линию, большевики, которые друг друга **мучают из-за каждой буквочки**, заставляют отречься до десятых петухов, – или Митька Благой с веревкой? По-моему – Сталин. По-моему – Ленин. **Я люблю их язык. Он мой язык**».

И далее, в конце ЧП: «Ленин и Троцкий ходят в обнимку... Ходят **два еврея**..., и один **все спрашивает**, все спрашивает, а другой **все крутит**, все крутит, и никак им не разойтись».

Уместно сравнить с этими высказываниями широко известную инвективу Лютера против «извращённой экзегетики талмудистов<sup>38</sup>», которые «*versuchen, drehen, deuten, martern fast alle Wort*», т. е. «**испытывают, крутят, толкуют, мучают** почти каждое слово»<sup>39</sup>.

**ГИПОТЕЗА. В языке советской газеты 1917–1937(?) гг. массово проявлялись черты и «текстуальные установки» еврейского традиционного дискурса. Именно это, прежде всего прочего, было (возможно, неосознанно) аттрактивным для Мандельштама, который сам был, в некотором смысле, фокусом матриц еврейской культурно-цивилизационной системы<sup>40</sup>.**

Главной причиной такого рода «евреизации» языка советской прессы (и, следовательно, всего русского «новояза») рассматриваемого периода был, разумеется, массовый приток в журналистику<sup>41</sup>, начиная с марта 1917 г., «кадров», подвергшихся воздействию еврейской культурно-цивилизационной

<sup>38</sup> Т. е. тех же **фарисеев, толкующих букву** Св. Писания.

<sup>39</sup> Цит. по: Еврейская Энциклопедия. СПб., 1905–1912. Т. X, кол. 445. Заметим, что там слово *versuchen* неточно (для данного контекста) переведено как «исследуют».

<sup>40</sup> Последнее утверждение подробно обосновывается в монографии [31].

<sup>41</sup> А также в административно-партийные органы, мощно воздействовавшие на эту самую журналистику и даже (до середины 1930-х) в значительной степени «сливавшиеся» с ней.

системы – например, получивших, хотя бы частично, в детстве и юности еврейское традиционное образование и т. п.

М. Вайскопф в исследовании «языка Сталина» утверждает, что дискурс Сталина подвергся массивированному влиянию системы образов и текстуальных матриц, усвоенных вождём в православной *семинарии*<sup>42</sup>. Однако не менее сильным было воздействие на великое множество его соратников по партии (и по генерированию советского «новояза» как орудия манипулирования «массами»), а через них и на него самого, – еврейского *хедера* и еврейской традиционной языковой среды.

Ср. высказывание современного исследователя о «языке Сталина»: «...соблазнительно вновь сослаться на церковное воспитание [Сталина] с его библейской догматикой. **Но методы церковного догматизма мало чем отличаются от принципов талмудизма, на котором в юности воспитывались его [Сталина] главные политические оппоненты.** Ничем не отличался от Сталина в этом отношении Зиновьев, написавший в том же догматично-цитатническом духе книгу «Ленинизм», изданную в 1926 г. Книга антитроцкистская, но Сталин использовал ее против самого Зиновьева. При случае жонглировали цитатами и гораздо более одаренные Каменев и Бухарин. Троцкий, которому в принципе такой стиль идейного существования претил, вынужден был прибегать к нему, обращаясь к авторитету Ленина»<sup>43</sup>.

Таким образом, еврейские традиционные текстуальные установки мощно воздействовали и на «язык Сталина» – он же «мой язык» Мандельштама (в ЧП), он же русско-советский газетный «новояз».

### ПЗ. Ночь на дворе... (март 1931).

Ночь на дворе. Барская лжа:

После меня хоть потоп.

Что же потом? Хрип горожан

<sup>42</sup> *Вайскопф М.* Писатель Сталин. Москва, 2002.

<sup>43</sup> *Илизаров Б.* Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. – 2000. – № 3, 4.

И толкотня в гардероб.  
 Бал-маскарад. Век-волкодав.  
 Так затверди ж назубок:  
 Шапку в рукав, шапкой в рукав –  
 И да хранит тебя Бог.

#### Реконструкция смысла:

Отказ от мировоззрения Пастернака и от «места у колонн». Н. Мандельштам [4, с. 140] считает, что это стихотворение, датированное мартом 1931 г., является «как бы ответом» на известное стихотворение Пастернака «Красавица моя...»<sup>44</sup> (напечатанное, правда, лишь в номере 8 журнала «Новый мир» за 1931 г.).

В любом случае, в тексте «просвечивают» отсылки к личности и текстам Пастернака и к соответствующим оценочным высказываниям самого М:

(А) В первой строке через немецкого «посредника» просвечивает «эквиконсонантный» Пастернак: НОЧЬ → finster, Finsterkeit 'тёмный, темнота' → (эквиконс. по набору ПСТРНК) → ПаСТеРНАк.

(Б) В сочетании БАРСКАЯ ЛЖА просвечивает «эквиконсонантное» (по набору БРСКЛЖ) сочетание «**рабский скулеж**»<sup>45</sup>.

(В) Слово БАРСК-АЯ – «эквиконсонант» слова БОРИСИК: а ведь это насмешливое прозвище Бориса Пастернака в устах Мандельштама и А. Ахматовой.

(Г) Рассмотрим текст, получающийся объединением двух фрагментов: одного из «Волка» [«Запихай меня лучше, как шапку (1), в рукав Жаркой шубы сибирских степей»] и другого – из поэмы Пастернака «Лейтенант Шмидт»: [Версты обвинительного акта... Шапку (2) в зубы! Только не рыдать! Недра шахт вдоль Нерчинского тракта! Каторга! Какая благодать!].

Отобразим полученный объединенный текст во вторую строфу рассматриваемого стихотворения. При этом отображе-

<sup>44</sup> «...рифма не вторенье строк, а гардеробный номерок, талон на место у колонн».

<sup>45</sup> Ср. высказывание С. Рудакова (фрагмент письма из Воронежа от 30.05.1936) о стихах: «...нуда, мерихлюндия, рефлексия, скулеж – словом, Пастернак» [19, с. 177]. Не от М ли идут эти характеристики?

нии, ШАПКУ (1) → ШАПКУ, В ЗУБЫ → НАЗУБОК, В РУКАВ → В РУКАВ, НЕДРА ШАХТ → РУКАВ, ШАПКУ (2) → Hut 'шапка, (омон.) хранение, защита' → be-hüt dich Gott 'храни тебя Бог' → ДА ХРАНИТ ТЕБЯ БОГ.

По принципу НСО, блок [вдоль Нерчинского тракта! Каторга! Какая благодать!] отображается<sup>46</sup> в блок [И ДА ХРАНИТ ТЕБЯ БОГ].

Получается семантическая проекция на «сюжет декабристов», дающая смысл: лучше «шапкой в рукав» в «(богохранительную) благодать каторги вдоль Нерчинского тракта», чем участие в омерзительном БАЛе-МАСКАРАДе и т. д.

#### П4. Волк (март 1931).

За гремучую доблесть грядущих веков,  
 За высокое племя людей, –  
 Я лишился и чаши на пире отцов,  
 И веселья, и чести своей.  
 Мне на плечи кидается<sup>47</sup> век-волкодав,  
 Но не волк я по крови своей:  
 Запихай меня лучше, как шапку, в рукав  
 Жаркой шубы сибирских степей...  
 Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,  
 Ни кровавых костей в колесе;  
 Чтоб сияли всю ночь голубые песцы  
 Мне в своей первобытной красе.  
 Уведи меня в ночь, где течет Енисей  
 И сосна до звезды достает,  
 Потому что не волк я по крови своей  
 И меня только равный убьет<sup>48</sup>.

<sup>46</sup> Напоминаем, что в рассмотренных, связанных с применением «принципа НСО», следует постоянно добавлять: «с большой вероятностью», «строим "правдоподобную гипотезу"» и т. п., причем адекватная дефиниция этих выражений отсутствует! Здесь одна из главных проблем «лингвопоэтики» в настоящее время.

<sup>47</sup> Вариант: «Мне на шею кидается...».

<sup>48</sup> Вариант: «И во мне человек не умрет».

**Реконструкция смысла:**

Мастер обращается к Сталину как к «равному» себе текстуальному демиургу<sup>49</sup>, с целью «договориться» – потому что только этот «равный» может решать его судьбу (как царь – судьбу декабристов, как Воланд – судьбу Мастера): убить, «запахать в сибирские степи» и т. п. Об этом же желании «договориться» с «начальником» говорит и строка в «Канцоне»: «Я скажу: села начальнику евреев...»<sup>50</sup>.

Главное же, чего хочет избежать Мастер – это «дружбы» с «веком-волкодавом», пусть даже этот зверь по-дружески<sup>51</sup> «кидается на шею» и т. д. Мастер должен уйти от мира кровавого маскарада, мира «хлипкой грязи», пусть даже его запихают, как декабриста, в «рукав» шахты «вдоль Нерчинского тракта»<sup>52</sup>.

Ниже приводится работа о подтекстах «Волка»<sup>53</sup>.

**Происхождение «волкодава» в цикле «Волк»**

В первой строке стихотворения «Век» возникает «зверь» – это, собственно, и есть образ «века»: «Век мой, зверь мой, кто сумеет...». В цикле стихотворений «Волк» (1931–1935) этот не-

<sup>49</sup> См. Основной текст, п. 3.1.

<sup>50</sup> См. ниже комментарии к «Канцоне».

<sup>51</sup> Или по-братски, как волк из волчьей стаи на «сына стаи» типа Маугли (вероятный рефлекс образа Маугли здесь отметил О. Лекманов). Ср. воспоминание Н. Мандельштам: «Еще в 27 году я как-то сказала Пастернаку: “Берегитесь, они усыновят вас”... Он неоднократно напоминал мне эти слова» [4, с. 141]. Вообще, образ «волка», «волчьего времени (века)», «волчьих отношений между людьми» (типа отношений внутри стаи или отношений с врагами стаи) – это *топос* (или набор *мемов*) конца 1920-х – начала 1930-х гг. В мае 1931 г. Булгаков пишет письмо Сталину с просьбой о заграничном отпуске и называет себя одиноким **волком** на широком поле советской словесности, **волком**, который вконец затравлен и прикончен [25, с. 189]; П. Васильев в поэме «Кулаки» (1936) пишет: «Это было одно чутье, темное, как у **волка**, **Кровная** с революцией связь». В. Шенталинский сообщает ещё ряд примеров: «К **волку** Сталин питал особое пристрастие – недаром имел привычку рисовать в своих бумагах серого хищника» [25, с. 382]; Б. Пильняк на допросе (в 1937 г.) говорит: «Мы пришли к одной мысли... – что ... у нас культивируются **волчьи** отношения» [25, с. 405]; Артем Весёлый говорил (в 1937 г.), что чувствует себя в партии «**волком**» [25, с. 408] и т. п.

<sup>52</sup> См. комментарии к «Ночь на дворе...».

<sup>53</sup> Это (с существенными изменениями) текст, опубликованный в монографии [3], п. 3.1.2.

понятный зверь превращается в «волкодава», который зачем-то «кидается» на плечи (вариант – на шею) автору.

Самый поверхностный разбор подтекстов и «германских интерференций» в тексте позволяет реконструировать происхождение этого образа у Мандельштама, понять происхождение и цели «волкодава».

Покажем, что в подтексте первой строки «Волка» – образ казачьего сотника, пахнущего собакой и волком, в бурке (накинутой на плечи!) из главы «Бармы закона» в очерке «Феодосия» (1923): «...по улицам ходили циклопы в черных бурках, сотники, пахнущие собакой и волком <...> заряженные лисьим электричеством здоровья и молодости. На иных людей возможность безнаказанного убийства действует, как свежая нарзанная ванна...».

Дело здесь в том, что СОТНИК суггестирует понятие ‘сотня’, которое, в свою очередь, актуализирует в «языковом сознании» автора немецкое Hundert ‘сто’ (= Y[hundert]).

Эти «германские» слова, в свою очередь, паронимически активизируют Jahrhundert ‘век’ (= Y[yorhundert]). Тем самым, образ сотника имплицитно образ «века» и слово ВЕК. Но слова Hundert и Y[hundert], кроме того, паронимически суггестируют Hund, т. е. немецкую ‘собаку’, равную идишской ‘собаке’ Y[hund].

Тем самым, и слово ВЕК имплицитно «собаку»<sup>54</sup>.

Далее, феодосийский «сотник» пахнет «собакой + волком». Собака + волк в «интерферирующем» в данный момент языке – это (Wolf + Hund) в немецком, или [volf+hund] в идише. Значение же получающегося «германского» сложного слова Wolfshund (=Y[volfhund]) – это именно ‘ВОЛКОДАВ’!

Тем самым, «сотник, пахнущий собакой и волком» – это «ВЕК-ВОЛКОДАВ». Но даже бурка этого нехорошо для автора пахнущего казачьего офицера тоже «работает» на индуцируе-

<sup>54</sup> Здесь еще следует отметить, что в суггестируемой словом Jahrhundert картинке возникает и «ягуар» (Jaguar фонически близок к Jahr), архетип гибкого, прыгучего, опасного зверя – частотный образ века у М. Ср. в предисловии М к роману «Тудиш» (Л., 1925): «...последнего прыжка, когда-то гибкого, восемнадцатого века, который, как зверь с раздробленными лапами, упал на подмостки новой эры».

мый подтекстом смысл стихотворной строки. Ведь бурка **накидывается на плечи** – в точности, как ВЕК-ВОЛКОДАВ (или век-ягуар!) кидается на плечи героя стихотворения «Волк». Отметим, что глагол «кидается» может иметь как активный («сам кидается»), так и пассивный («его кидают») смысл.

Наконец, накидываемая ЧЕРНАЯ БУРКА суггерирует «чернобурку», т. е. лисью шубу или **накидывающуюся на шею<sup>55</sup> и на плечи** (по тогдашней женской моде) лису. Из лисьей же шубы, в свою очередь, возникает «ЛИСЬЕ электричество», которым были «заряжены»<sup>56</sup> сотники в прозаическом подтексте, и «жаркая ШУБА сибирских степей»<sup>57</sup> в стихотворении.

Тем самым, мы получаем полное соответствие между прозаическим отрезком из «Феодосии» и строфой из «Волка».

Это соответствие подсказывает другой, явно, более «вероятный», по сравнению с «принятым»<sup>58</sup>, смысл этой строфы: ВЕК-ВОЛКОДАВ, как БУРКА на СОТНИКА, кидается (или кем-то накидывается) не с целью убить, загрызть и т. п., но с целью «дружить» (или согреть), как на своего, обладающего идентичным «волчье-собачьим» запахом, как кидаются своему на плечи (или на шею: см. вариант)<sup>59</sup>.

<sup>55</sup> Напомним вариант: «Мне **на шею** кидается...».

<sup>56</sup> У образа убийц-сотников, ЗАРЯЖЕННЫХ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ, – «пожароопасный подтекст» из «Зова предков» Джека Лондона: этот текст был хорошо знаком М, и его рефлекс присутствия в некоторых стихотворениях М. Главный герой этой повести Лондона – Бэк, собака, превращающаяся в волка (т. е. «собаководк» = ВОЛКОДАВ!). О Бэке автор сообщает: «Его густая шерсть лоснилась, как шелк. На шею и плечах она напоминала гриву и, даже когда он был спокоен, **топорчилась** при малейшем его движении, словно от избытка жизненных сил. Казалось, каждый ее волосок **заряжен энергией**». Выделенные жирным слова немедленно отсылают к стандартным опытам по **электризации** шерсти и шёлка на уроках физики в Тенишевке. Отсюда и «заряженность электричеством» сотников в накинутах **шерстяных** бурках и т. д.

<sup>57</sup> Эта шуба – лисья, потому что она «включает» ГОЛУБЫХ ПЕСЦОВ из следующей строфы, ведь: «**Песец**, или **полярная лисица** (Canis s. Vulpes lagopus) – млекопитающее из подрода лисицы рода **собаки**» (Энци. Брокгауз и Ефрон, т. 45, с. 420). Отметим, что образ «голубого песца» возник у М, по-видимому, как рефлекс кинорекламы декабря 1930 (и начала 1931) года, см. [3, п. 1.6].

<sup>58</sup> Принято, по своеобразной «традиции», считать, что здесь агрессивный «век» кидается на автора с целью убить, разорвать горло и т. п.

<sup>59</sup> Ср. в рассказе Н. Манделштам о визите (вместе с М) к В. Шилейко: «На встречу ему [Шилейке] **бросился огромный сенбернар и положил львиные**

Но автор не хочет «дружить» с веком-собакой-сотником-убийцей<sup>60</sup>, хочет избежать этой дружбы (или тепла от соответствующей шубы), – отсюда пожелание «запихай меня **лучше**, как шапку, в рукав...». Ясно, что эта просьба обращена не к тому, кто хочет автора загрызть (в этом случае, совсем неуместно выглядело бы слово-пожелание «лучше»), но к кому-то, напрашивающемуся автору в друзья... .

Еще один персонаж в **черной бурке** из того же времени, **заряженный мощной энергией** и тоже напрашивавшийся Манделштаму в друзья (хотя Н. Манделштам считает, что он был смертельным врагом) – это эсер Блюмкин.

Н. Манделштам описывает сцену в Киеве 1919 г., когда Блюмкин в чёрной бурке проезжает верхом под балконом, на котором стоят Манделштамы: «В нашу сторону вытянулась рука с наставленным револьвером. О.М. было отпрянул, но тотчас же, перегнувшись через перила, приветливо помахал всаднику рукой» [4, с. 96].

Н. Манделштам говорит об этом жесте как о реальной угрозе, хотя очевидно, что это был «дружеский стёб» в стиле

**лапы на плечи хозяину**» [28, т. 2, с. 927]. Ср. также в поэме В. Хлебникова «Ночь перед Советами», опубликованной в 1928 г.: «Скажут Летаю, **прыгнет на шею! И целует тебя по-собачьи**» [32, т. 1, с. 229]. Скорее всего, на присутствие «дружески настроенного» волкодава в «оперативной памяти» М повлияло и его недавнее (весна 1930 г.) знакомство с абхазскими волкодавами в окрестностях Сухума во время его «этнографических» прогулок в сопровождении этнографа Ковача (см. ПА). Встреченные волкодавы, вероятно, «дружественно» отнеслись к поэту, который вообще-то собак не любил и боялся. Уместно здесь вспомнить замечательное описание дружбы со «щенком волкодава» в «Детстве Чика» Ф. Искандера (действие происходит в окрестности Сухума в тех же 1930-х). Ковач, среди прочей информации об абхазских обычаях, вероятно, сообщил Манделштаму о древнем абхазском «парном» (собака + волк или две собаки) божестве. Об этом древне-абхазском «близнечном» собачье-волчьем культе пишет Вяч. Вс. Иванов в работе «Нечет и чёт» (Гл. 2 «Близнецы»).

<sup>60</sup> Не хочет даже касаться его – любой физический контакт с собакой был для Манделштама неприемлем: прямо по Талмуду! А. Ахматова говорила Л. Чуковской в 1940 г. (Л. Чуковская «Записки об Анне Ахматовой»): «Он ведь был странный: не мог **дотронуться** ни до кошки, ни до **собаки**...», цит. по [11, с. 104]. Н. Манделштам сообщает в своих мемуарах, что М однажды отказался покупать в универмаге шубу из собачьего меха. Она это, правда, объясняет тем, что «на такое предательство по отношению к благородному собачьему роду О.М. не отважился и предпочел мерзнуть» [4, с. 182].

Блюмкина, своеобразное дружелюбное «кидание на плечи», но чёрная бурка чекиста (символа века) так же хорошо запомнилась М, как и бурка убийцы-сотника (такого же символа века) в Феодосии.

#### П5. Канцона (май 1931).

Неужели я увижу завтра –  
 Слева сердце бьется, слава, бейся!—  
 Вас, банкиры горного ландшафта,  
 Вас, держатели могучих акций гнейса?  
 Там зрачок профессорский орлиный,—  
 Египтологи и нумизматы –  
 Это птицы сумрачно-хохлатые  
 С жестким мясом и широкою грудиной.  
 То Зевес подкручивает с толком  
 Золотыми пальцами краснодеревца  
 Замечательные луковицы-стекла –  
 Прозорливцу дар от псалмопевца.  
 Он глядит в бинокль прекрасный Цейса –  
 Дорогой подарок царь-Давида, –  
 Замечает все морщины гнейсовые,  
 Где сосна иль деревушка-гнида.  
 Я покину край гипербореев,  
 Чтобы зреньем напитать судьбы развязку,  
 Я скажу «села» начальнику евреев  
 За его малиновую ласку.  
 Край небритых гор еще неясен,  
 Мелколесья колется щетина,  
 И свежа, как вымытая басня,  
 До оскомины зеленая долина.  
 Я люблю военные бинокли  
 С ростовщической силой зренья.  
 Две лишь краски в мире не поблекли:  
 В желтой – зависть, в красной – нетерпенье.

**Эскиз реконструкции смысла** этого загадочного текста:

Это рефлексия Мастера о глубинном смысле своего «географического» перемещения из Ленинграда в Москву, о вариантах

своего поведения: подготовка к теракту («слава, бейся!») или попытка «выяснить отношения», «договориться» со Сталиным как с «равным» себе текстуальным демиургом<sup>61</sup>, потому что только этот «равный» может дать реальную «развязку» его судьбе: например, убить, «запахать в шубу сибирских степей» и т. п.

Для этого Мастер собирается переместиться из «края Ги-ПеРБоРеев» (ПетеРБурГ – Ленинград) в «край небритых гор» (Москва, Кремль = «малый Крым»<sup>62</sup>), чтобы увидеть Кремль и Сталина и «зреньем напитать (= запросить, испросить, инициировать, см. ниже) судьбы развязку».

Рассмотрим строфу: Я покину край гипербореев, Чтобы зреньем напитать судьбы развязку, Я скажу «села» начальнику евреев За его малиновую ласку.

Вот разбор соответствующих межъязыковых интерференций<sup>63</sup>:

(А) (**Pol, Ukr**) НАПИТАТЬ → (пар.) pytanie (укр. питания) 'вопрос, парута́с 'накликать, навлечь на себя' → смысл 1: 'чтобы зреньем "запросить": какая будет развязка?'; смысл 2: 'чтобы использовать зрение как "триггер", как орудие "терминации" для навлечения (реализации) развязки, жизненного финала»<sup>64</sup>;

(Б) (**G, Fr**) «СЕЛА»<sup>65</sup> → séla<sup>66</sup> 'кончено! договорились!', фр. scéllât 'да будет запечатано (=закончено, договорено и т. п.)'<sup>67</sup>

<sup>61</sup> См. пп. 2.1 и 3.1 в Основном тексте и комментарии к «Волку» в данном Приложении.

<sup>62</sup> Здесь в «языковом сознании» М работает стандартная «германская интерференция»: КРЕМЛЬ → (пар.) krim-el → (-el = диминутив в ю.-нем. диал. и в идише) «маленький Крым».

<sup>63</sup> Подробнее разбор МИ в этом тексте см. в Приложении к монографии [3].

<sup>64</sup> В этом месте работает характерное для М (и для ряда древних культур; здесь манифестация «архаического сознания» у М) понимание «зрения» как активного воздействия на обозреваемый объект и, соответственно, «глаза» (бинокля) как инструмента (орудия) этого воздействия.

<sup>65</sup> Приводится **наиболее вероятная** часть широкого семантического спектра слова СЕЛА в «Канцоне».

<sup>66</sup> Этимология этого немецкого слова неясна: скорее всего, это заимствование из идиша, восходящее к ивритскому СЕЛА (שֵׁלָא), библейскому маркеру конца псалма Давида, при этом реальный смысл этого слова в тексте Библии неясен.

<sup>67</sup> Дополнительную аргументацию этого смысла слова СЕЛА в «Канцоне» можно получить с помощью техники НСО, см. доклад Л. Городецкого на



→ (наиболее вероятный) смысл всей строки: автор хочет «**покончить** с прошлой жизнью, начать какую-то новую жизнь»<sup>68</sup>, «**окончательно** договориться», «выяснить отношения»<sup>69</sup> с «начальником евреев», т. е. со Сталиным<sup>70</sup>.

#### Пб. Довольно кукситься... (июнь 1931).

Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!  
Я нынче славным бесом обуян,  
Как будто в корень голову шампунем  
Мне вымыл парикмахер Франсуа.  
Держу пари, что я еще не умер,  
И, как жокей, ручаюсь головой,

мандельштамоведческом семинаре ИВГИ (РГУ) 25.12.2014: «Динамическая семантика текста Мандельштама. Принцип «непрерывности семантического отображения» (НСО-принцип). Соответствие некоторым семантическим техникам Вавилонского Талмуда. Применение НСО-принципа к анализу некоторых «тёмных мест» в тексте Мандельштама».

<sup>68</sup> Ср. в письме М к отцу, написанном **одновременно** с «Канцоной» (середина мая 1931 г.): «Кто не в ладах со своей современностью, кто прячется от нее, тот и людям ничего не даст, и не найдет мира с самим собой. Старого больше нет [= СЕЛА, кончено! – Л. Г.], и ты это понял так поздно и так хорошо. Вчерашнего дня больше нет, а есть только очень древнее и будущее» [15, с. 140].

<sup>69</sup> Отметим, что Вайман и Рувин в своей книге (разбирая стих. «Сохрани мою речь», созданное почти одновременно с «Канцоной», и строку «Оды»: «Художник, береги и охраняй бойца») утверждают, что М с начала 1930-х гг. стремится заключить нечто вроде фаустовской «сделки с дьяволом». На роль дьявола (Мефистофеля), естественно, назначается Сталин. В упомянутой строке М (по Вайману и Рувину) как бы говорит: «я, художник, буду охранять тебя (с помощью “художественной магии”, ведь он шаманит, странным образом расчерчивая воздух на “странные углы”: не каббалистические ли это знаки, не шестиконечная ли звезда – “на шестиклявненном просторе”, “И шестикратно я в сознании берегу”?), а ты – меня (как предусмотрено в резолюции: “изолировать, но сохранить”» [34, с. 554]. Вайман и Рувин заключают: «И Сталина, воплощающего марксизм с его абсолютной верой в науку, действительно можно считать Мефистофелем» [34, с. 636].

<sup>70</sup> «Начальник евреев» – это, разумеется, «**десятник**» в зафиксированном в мемуарах Э. Герштейн высказывании М о Сталине (где-то в 1931 г.): «...он не способен сам ничего придумать... – ... воплощение нетворческого начала... – ...тип паразита... – ...**десятник, который заставлял в Египте работать евреев...**» [7, с. 26]. Отметим, что всё это – рутинные дерогативные характеристики Сталина (в 1920-х и начале 1930-х) в устах симпатизантов/сторонников Троцкого.

Что я еще могу набедокурить  
На рысистой дорожке беговой.  
Держу в уме, что нынче тридцать первый  
Прекрасный год в черемухах цветет,  
Что возмужали дождевые черви  
И вся Москва на яликах плывет.  
Не волноваться. Нетерпенье – роскошь,  
Я постепенно скорость разовью –  
Холодным шагом выйдем на дорожку –  
Я сохранил дистанцию мою.

**Мантра** (санскр.) – «орудие осуществления психического акта», «стих», «заклинание», – священный текст, требующий точного фонического воспроизведения.

*Википедия*

**Реконструкция смысла:** психологическая самоподготовка, мантра, аутоотренинг перед терактом.

Это текст, в котором особенно громко звучит «общественно-политическая» тема<sup>71</sup>.

6.1. Рассмотрим «смыслы» в первых двух строфах этого стихотворения (межъязыковые интерференции здесь почти все – французские):

(а) **ДОВОЛЬНО...!** = barbe! → (пар.) barbier ‘парикмахер’ → **ПАРИКМАХЕР**

(б) **СЛАВНЫМ БЕСОМ ОБУЯН** → “vom **Ehrenteufel** gerackt” → смысл: «**бесом славы** обуян»<sup>72</sup>

(в) barbier ‘парикмахер’ → (омоф.) Барбье<sup>73</sup> → (асс.) сти-

<sup>71</sup> Излагаемые ниже рассуждения – это, mutatis mutandis, материал п. 3.4.3 в монографии [3]. См. также комментарии к Основному тексту, п. 1.4.1.

<sup>72</sup> Стандартный для М-текста «германизм», основанный на посессивном смысле немецких «сложных» лексем (здесь «восстанавливается» слово типа Ehren-teufel). Ср. в другом месте «сонные казни» = «казни сна» → смысл: «воображаемые казни» (2-я глава РД) и т. п.

<sup>73</sup> А. Barbier – французский поэт, стихи которого о революционном Париже лета 1830 г. М переводил в 1920-х гг. Связь ДК с Барбье подчёркивается еще и

хи Огюста Барбье → (асс.) картинка революционного Парижа лета<sup>74</sup> 1830 г.

(г) ШАМПУНЕМ → (пар.) Champs-Élysée) = «Елисейские поля» в Париже

(д) ПАРИ-КМАХЕР ФРАНСУА → (пар.) Paris [pari] = Пари-ж, Фран-ция

(е) ФРАНСУА → (мет. + асс.) *frisson nouveau*<sup>75</sup> ‘новый трепет, дрожь’ → смысл: «я почувствовал дрожь от наступления чего-то нового, неизвестного»<sup>76</sup>

(ж) ФРАН-СУА → (пар.) *frein soit!* ‘да будет узда!’ → (асс. → подтекст) «Вся поэтика гражданской поэзии – искание узды, *frein*»<sup>77</sup> → смысл: «я ищу узду → я должен писать гражданские стихи!»

тем, что ДК написано 5-стопным **ямбом** – а «главный» цикл стихов Барбье (частично переведившийся Мандельштамом) называется «**Ямбы**». «Гражданская» ангажированность Барбье (и Данта!) крайне актуализирована для М в момент создания «Довольно кукусься...». Первые строки ДК (и **ритм ямба**) явно отсылают к статье М «Огюст Барбье» (лето 1923), в которой М пишет: «"Собачья склока" была напечатана в газете <...>; еще не высохла типографская краска, как имя поэта было у всех на устах. *Слава* [→ "бесом славы обуян" – Л. Г.] пришла одним ударом, одним стихотворением. Какими способами <...> достиг Барбье ошеломляющего впечатления на современников? Во-первых, он взял **мужественный стих ямбов** – как это раньше сделал Шенье, стих, стесненный размером, с энергичными ударениями, приспособленный для могучей ораторской речи, для **выражения гражданской ненависти и страсти**. <...> Силе поэтических образов Барбье учился непосредственно у Данта, ревностным почитателем которого он был, а не следует забывать, что "Божественная комедия" была для своего времени величайшим **политическим памфлетом**. Из этого следует важный вывод: ДК для самого М есть подготовка к написанию «**ошеломляющего политического памфлета**», что и было сделано через 2 года.

<sup>74</sup> Имя Огюст (Август) даёт дополнительную ассоциацию с «революционным Парижем» лета 1830 г. Ср. ещё в стих. «Я молю, как жалости и милости» (1937): «Где бурлила, королей смывая, / Улица **июльская кривая**».

<sup>75</sup> *frisson nouveau* = «новый трепет» – известное высказывание Юю в письме Бодлеру: “Vous dotez le ciel de l'art d'on ne sait quel rayon macabre, vous créez un *frisson nouveau*”.

<sup>76</sup> Ср. с написанным близко по времени (1931–1932): «...я почувствовал **дрожь новизны**, как будто меня окликнули по имени» (ПА, гл. «Москва»).

<sup>77</sup> «Вся поэтика гражданской поэзии – искание узды, *frein*» – пассаж из мандельштамовских «Заметок о Шенье». Тем самым, здесь М «подтекстирует» свой собственный текст, как и в ряде других мест.

(з) <sup>78</sup>ОБУЯН → (пар.) «Ан-ту-ан» → (пар.) *âne* ‘осёл’ → ОСЁЛ НА УХО НАСТУПИЛ!

(и) ДЕРЖУ ПАРИ, ЧТО [париш-то] → (пар.) Paris [pari] = Париж

(к) НАБЕДО-КУРИ-ТЬ → (пар.) *courir* ‘бежать’ → БЕГОВОЙ<sup>79</sup>

(л) БЕГОВОЙ → (асс.) «бега, скачки» = *courses* → (омогр. RSES) РЫСИС-ТОЙ<sup>80</sup>.

6.2. Рассмотрим теперь «смыслы» в третьей строфе этого стихотворения:

(а) В ЧЕРЕМУХАХ → фр. *bourdaine, putiet, putier*<sup>81</sup> ‘черёмуха’, нем. *falsche Faulbaum*<sup>82</sup> ‘черёмуха’ → смысл: «1931 год – во лжи, фальши, гниении и т. п.»

(б) ЦВЕТЕТ → нем. *blüht* ‘цветёт’, *Blüte* ‘цвет (растений)’ → (пар.) *Blut* ‘кровь’ → смысл: «1931 год проходит во лжи, фальши, гниении, крови»<sup>83</sup>

(в) ДОЖДЕВЫЕ → (асс.) «дождь» = *pluie* → (пар.) ПЛЫВЕ-Т

<sup>78</sup> Эта французская интерференция в речи М «просвечивает» в воспоминаниях С. Липкина о его разговоре с М на Тверском бульваре летом 1932 г. Липкин предложил вместо «Обуян-Франсуа» более подходящую, на его взгляд, рифму «Обуян-Антуан». Реакция М: «... – у него не только нет разума, у него нет и слуха! “Антуан-обуян!” Чушь! Осёл на ухо наступил!» [46, с. 391]. Здесь ещё очень вероятна интерференция французской поговорки: → *laver la tête d'un âne on perd sa lessive* = ‘мыть голову ослу – потерянная стирка’.

<sup>79</sup> Ср. в созданном тогда же (лето 1931) стих. «Сегодня можно снять декалькомани...»: «А между тем нельзя повременить... И рождены для наслаждения бегом Лишь сердце человека и коня». Смысл: «десять лет назад я заморозил свое время, а сейчас – бег, бег!»

<sup>80</sup> Представляется, что здесь ещё задействована фамилия Рысс, см. п. 1.4.1 в Основном тексте.

<sup>81</sup> Эти франц. слова «паронимичны» словам *bourde* ‘враньё, обман’, *pute* ‘шлюха’.

<sup>82</sup> Это нем. слово буквально означает «фальшивое, гнилое дерево». Этот буквальный смысл обыгрывается в ряде текстов М, где участвует образ «черёмухи».

<sup>83</sup> Ср. тогда же написанное в «Отрывках из уничтоженных стихов»: «В Москве **черемухи** да телефоны, И **казнями** там имениты дни», «Из раковин кухонных **хлещет кровь**». Существенно ещё, что связь «цветение» ↔ «кровь» работает и в другом М-тексте, также связанном с **Барбье**: в переводе стих. Барбье «Наполеоновская Франция» (1923), см. [3], Приложение.

(г) ЧЕРВИ → (пар.) Pol czerwies 'июнь', Ukr червень 'июнь' → аллюзия на время написания текста (начало **июня**)

(д) ВОЗМУЖАЛИ ДОЖДЕВЫЕ ЧЕРВИ → (подтекст): «Дарвинизм, может быть сам того не сознавая, привлек биологию в сферу политической деятельности. Некоторая демократическая суетливость проникла в гипотетическую первичную слизь, и **борьба дождевых червей за существование служит добрым примером для двуногих**» → дешифровка смысла: «сейчас время созрело для политической/гражданской деятельности»<sup>84</sup>

(е) ДОЖДЕВЫЕ ЧЕРВИ → (подтекст): «два или три наблюдательных дождевика написали на песке число 6 три раза подряд <...> “Масих-аль-Деджал”»<sup>85</sup> → (пар.) Mosoch<sup>86</sup> + all 'нем. весь, вся' + die Jolle 'нем. ялик'<sup>87</sup> → (пар.) ВСЯ МОСКВА НА ЯЛИКАХ → зашифрованный смысл: «в Москву пришёл и захватил ее Антихрист = лже-Мессия и т. д.»

6.3. В монографии [3, п. 3.4.3] рассматривается ряд соответствий между текстом «Довольно кукситься...» и эпилогом «Египетской марки». Почему эти тексты «соответствуют» друг другу, в чём причина явно возникающего здесь «семантического отображения»?

Общая объединяющая тема – это тема приближения смерти, катастрофы, наступления «конца времени», попытки остановить надвигающуюся катастрофу<sup>88</sup> и т. д. Она переходит в

<sup>84</sup> Этот пассаж содержится в конце 2 главы «Заката Европы» О. Шпенглера.

<sup>85</sup> Это аллюзия на фрагмент повести «КА» В. Хлебникова, в котором «**дождевики**» («дождевые черви») замечают, как в воде **плавает** «лже-Мессия» (по-арабски: *Масих-аль-Деджал*), он же Антихрист [32, т. 4, с. 54]. Повесть была републикована в 1930 г., и М, безусловно, это издание и весь текст «КА» внимательно читал. Отметим, что «К. Ко», «К. Като», «Коба», «Коба Иванович» (с общей начальной К) – известные псевдонимы Сталина в статьях до 1917 г.

<sup>86</sup> **Mosoch** (в *Vulgata*), он же **Мешех** сын Яфета в Быт. 10, 2 и Иез. 38, 3 – по распространенному мифу, предок «**моско-витов**».

<sup>87</sup> В рамках нашей реконструкции М произносит нем. die Jolle «по-французски»: [di-žole]! Отметим, наконец, что араб. корень [DŽL] имеет семантику «обмана, фальши», что хорошо коррелирует с только что возникшим образом «черемухи».

<sup>88</sup> В 8 главе ЕМ: «...он объяснится с ротмистром [→ rote-Meister 'палач' = «красный хозяин» = дьявол] Кржижановским, он ему покажет. Вот только

тему «Антихриста», или, другими словами, в эквивалентную тему «дьявола в Москве», популярную в 1920–1930-х гг.<sup>89</sup>

Этот лже-Мессия (Антихрист) есть центральный стержень «смыслового соответствия» между рассмотренными текстами.

## П7. К немецкой речи (август 1932).

Б. С. Кузину

Freund! Versäume nicht zu leben:  
Denn die Jahre fliehn,  
Und es wird der Saft der Reben  
Uns nicht lange glühn!<sup>90</sup>

*Kleist*

Себя губя, себе противореча,  
Как моль летит на огонек полночный,  
Мне хочется уйти из нашей речи  
За все, чем я обязан ей бессрочно.  
Есть между нами похвала без лести  
И дружба есть в упор, без фарисейства –  
Поучимся ж серьезности и чести  
На западе у чуждого семейства.  
Поэзия, тебе полезны грозы!  
Я вспоминаю немца— офицера,  
И за эфес его цеплялись розы,  
И на губах его была Церера...  
Еще во Франкфурте отцы зевали,  
Еще о Гете не было известий,  
Слагались гимны, кони гарцевали  
И, словно буквы, прыгали на месте.  
Скажите мне, друзья, в какой Валгалле

одна беда – родословной у него нет». В ДК: вся последняя строфа: «Не волноваться <...> Холодным шагом выйдем на дорожку...».

<sup>89</sup> Заметим, что есть сюжетные соответствия между ЕМ и булгаковской «Дьяволиадой» (1925): например, «погоня» Парнока за Кржижановским соответствует погоне Короткова за Кальсонером у Булгакова и т. п. Подробное исследование мандельштамовской «дьяволиады» (и её сопоставление с текстами Булгакова) должно быть проведено в другом месте.

<sup>90</sup> Друг! Не упusti (в суете) самое жизнь. // Ибо годы летят // И сок винограда // Недолго еще будет нас горячить! *Эвальд Христиан Клейст (нем.)*.

Мы вместе с вами щелкали орехи,  
 Какой свободой вы располагали,  
 Какие вы поставили мне вехи.  
 И прямо со страницы альманаха,  
 От новизны его первостатейной,  
 Сбегали в гроб ступеньками, без страха,  
 Как в погребок за кружкой мозельвейна.  
 Чужая речь мне будет оболочкой,  
 И много прежде, чем я смел родиться,  
 Я буквой был, был виноградной строчкой,  
 Я книгой был, которая вам снится.  
 Когда я спал без облика и склада,  
 Я дружбой был, как выстрелом, разбужен.  
 Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада  
 Иль вырви мне язык – он мне не нужен.  
 Бог Нахтигаль, меня еще вербуют  
 Для новых чум, для семилетних боен.  
 Звук сузился, слова шипят, бунтуют,  
 Но ты живешь, и я с тобой спокоен.

### Реконструкция зашифрованного смысла<sup>91</sup>:

Мастер собирается отомстить за смерть своего друга, поэта-офицера Николая Гумилёва, помочь отомстить за отца его сыновьям Льву и Оресту (судьба Пилада) и сделать это с помощью «слова» (текста), для чего просит о помощи «бога слова», гейневского Нахтигаля.

В текст стихотворения вшифрованы фамилия Гумилёв и имя Лёвы, старшего сына Николая Степановича. Это делается, кроме прочего, путем суггестии в тексте т. н. «дискурса о Големе»<sup>92</sup>. Дело в том, что строка «Когда я спал без облика и склада» прямо выводит на образ Голема из известной легенды: ведь др.-евр. *голем* = 'нечто бесформенное, необработанное, без облика и склада и т. п.'<sup>93</sup> Кроме того, имя (точнее, одно из имён)

<sup>91</sup> См. некоторые комментарии в Основном тексте, п. 1.5.3.

<sup>92</sup> «Дискурс о Големе» в этом контексте впервые был рассмотрен в докладе Л. Городецкого «О семантике стихотворения “К немецкой речи”», прочитанном на заседании семинара Мандельштамовского Общества в РГГУ в 2007 г.

<sup>93</sup> Это библейское слово – в Псалме 139 сказано букв.: «моё *големство* [гол-

пражского раввина, создавшего, по этой легенде, Голема, – это Лев/Лёв/Лёве и т. п.

Поэтому возникает суггестивная паронимическая цепочка: Голем + Лёв → (пар.) ГУМИЛЁВ, пара (Гумилёв + Лёва-сын) и т. д.

Кроме того, вновь созданного Голема зовут, по легенде, Йоселе (= Осик!). Рабби Лев, по легенде, активировал Йоселе, вкладывая ему под/на язык «слово» – Имя Бога. Поэтому в стихотворении Ося Мандельштам просит «Бога слова» – Нахтигаля: «Дай мне твои РУЛАДЫ», т. е. = вложи мне «на язык» нужное СЛОВО, оживи меня для совершения нужного действия, «ИЛЬ ВЫРВИ МНЕ ЯЗЫК», поскольку иначе «ОН МНЕ НЕ НУЖЕН»!

Добавим ещё, что, по легенде, Голема пытались оживить и использовать для борьбы с чумой в Праге ←→ «меня еще вербуют для новых чум».

Рассмотрим теперь межъязыковые интерференции в этом стихотворении<sup>94</sup>.

(1) В стр. «Поучимся ж серьёзности и чести»:

СЕРЬЕЗНОСТИ → Ernst 'серьёзность' → (пар.) Ehre 'честь' → ЧЕСТИ

(2) В стр. «Поэзия, тебе полезны грозы!/ Я вспоминаю немца-офицера...»:

(а) Y ГРОЗЫ<sup>95</sup> ↔ Y[groz] 'трава, растение' → (второй) смысл: «тебе полезны травы, растения...»<sup>96</sup>

(б) Y ГРОЗЫ<sup>97</sup> ↔ Y[groz] 'трава, растение' → «растение, рост» → (асс.) «узнавание, вспоминание»<sup>98</sup> → (асс.) ВСПОМИНАЮ

ми] видели Твои глаза... я пробуждаюсь и Ты рядом со мной».

<sup>94</sup> Этот материал был опубликован в монографии [3], Приложение.

<sup>95</sup> Эта же связь в стих. «Век» (1922) и в заметках <Вокруг «Путешествия в Армению»> (1931–32).

<sup>96</sup> Например, те полезные «ночные травы», которые М собирал «для племени чужого». Существенно, что далее в этой строфе – «растительные» образы: «цеплялись розы» и «была Церера» (Церера – богиня растительности).

<sup>97</sup> Эта же связь в стих. «Век» (1922) и в заметках <Вокруг «Путешествия в Армению»> (1931–32), см. [3, Приложение].

<sup>98</sup> Здесь дело в том, что ситуация «вспоминания = узнавания» у М связана с концептом «роста». Ср. в «Путешествии в Армению»: «...ведь процесс узнава-

(3) В строке «Сбежали в гроб ступеньками, без страха, / Как погребок за кружкой мозельвейна»:

(а) (=Y) ГРОБ ↔ Grube 'яма' → могила → поГРЕБок → смысл: «сбежать в **могилу**, а не непосредственно в гроб»<sup>99</sup>

(б) (<Y) СТУПЕНЬКАМИ → Treppe 'лестница' → (пар.) «трепет» → (БЕЗ) СТРАХА<sup>100</sup>

(4) В стр. «Я буквой был, был виноградной строчкой, / Я книгой был, которая вам снится»:

(=Y) БУКВОЙ → Buchstabe 'буква' → Buch 'книга' → КНИГОЙ

(5) В стр. (вар.) «Плющом войны завешан Старый Рейн. / И я стою в беседке виноградной / Так высоко, весь будущим прореян»:

РЕЙН → (пар. основы) ПРОРЕЯН

(6) в стр. (вар.) «Так я стою и нет со мною сладу»:

Я СТОЮ → Ich stehe 'я стою' → смысл: «так я отношусь к этому, в таком состоянии я пребываю»<sup>101</sup>.

(7) В стр. «Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада [вар.: «дай мне твои рулады»]/ Иль вырви мне язык – он мне не нужен./ Бог Нахтигаль, меня еще вербуют / <...> Звук сузился, слова шипят, бунтуют, / Но ты живешь, и я с тобой спокоен»:

(БОГ) НАХТИГАЛЬ → Nachtigall 'соловей' → (пар.) «слово» → «бог слова / божественное слово» → (1) СЛОВА<sup>102</sup>, (2)

ня, увенчанный **победой усилия памяти** [т. е. воспоминанием – Л. Г.], удивительно схож с феноменом **роста**.

<sup>99</sup> Ср. нем. выражение "in die Grube fahren" = 'сойти в могилу'. Немецкое Grube 'яма' хорошо соответствует общему «немецкому» смыслу текста. Но Y-суггестия [grub/grib] 'яма, могила' – точнее семантически. Семантическая связь русских и «германских» слов с общим конс. корнем [ГРБ] – «могила» (Grab, Y[grub/grib]), «гроб», «горб», «гриб», «бугор», «гора» (Berg) – становится устойчивой у «позднего» М.

<sup>100</sup> Немецкое Treppe = только 'лестница', Y[trep/trepl] = 'лестница, ступенька'. Поэтому идишизм здесь семантически точнее.

<sup>101</sup> stehen 'пребывать', stehen zu 'относиться к'. Wie stehe Ich zu... = Как я отношусь к...

<sup>102</sup> Эту G-суггестию рассмотрел О. Ронен в статье «Осип Манделштам». Там же он высказал гипотезу, что «Бог Нахтигаль» – это аллюзия на первую строку стих. «Im Anfang war die Nachtigall» Г. Гейне, являющуюся парафразой евангелического: «В начале было слово». Сформулируем более точно: в «текстуальном пространстве» М отрезок **немецкого** текста «Im Anfang war die

смысл: «дай мне выполнить функцию Пилада с помощью **слов, языка**».

### П8. Квартира (ноябрь 1933).

Квартира тиха, как бумага –  
Пустая, без всяких затей, –  
И слышно, как булькает влага  
По трубам внутри батарей.  
Имущество в полном порядке,  
Лягушкой застыл телефон,  
Видавшие виды манатки  
На улицу просятся вон.  
А стены проклятые тонки,  
И некуда больше бежать,  
И я как дурак на гребенке  
Обязан кому-то играть.  
Наглей комсомольской ячейки  
И вузовской песни бойчей,  
Присевших на школьной скамейке  
Учить щебетать палачей.  
Какой-нибудь изобразитель,  
Чесатель колхозного льна,  
Чернила и крови смеситель,  
Достоин такого рожна.  
Какой-нибудь честный предатель,  
Проваренный в чистках, как соль,  
Жены и детей содержатель,  
Такую ухлопает моль.  
Пайковые книги читаю,  
Пеньковые речи ловлю  
И грозное баюшки-баю  
Колхозному баю пою.  
И столько мучительной злости  
Таит в себе каждый намек,

Nachtigall» «отображается» в отрезок **русского** (евангелического) текста «В начале было слово, и слово было Бог», и именно из этого отображения возникает образ «Бог Нахтигаль»!



Как будто вколачивал гвозди  
 Некрасова здесь молоток.  
 Давай же с тобой, как на плахе,  
 За семьдесят лет начинать,  
 Тебе, старику и неряхе,  
 Пора сапогами стучать.  
 И вместо ключа Ипокрены  
 Давнишнего страха струя  
 Ворвется в халтурные стены  
 Московского злого жилья.

**Реконструкция смысла:** это *симультаный* по отношению к Эпиграмме текст<sup>103</sup>, передающий «состояние сознания» М в период ее создания (конец 1933 г.). Это состояние описывается метафорой «квантовое состояние сознания» и проявляется в присутствии (просвечивании) в тексте «оксюморонных» (иначе: «дополнительных по Бору») ситуаций, типа:

(1) «страх ↔ отвага»: СТРАХ здесь ДАВНИШНИЙ, ещё со времён БО, к которым автор возвращается, – страх террориста, готовящего теракт.

(2) комсомольцы = bad guys, это «НАГЛЫЕ ПАЛАЧИ» ↔ комсомольцы = good guys, «это [т. е. текст Эпиграммы] комсомольцы будут петь на улицах!»<sup>104</sup> и т. п.

### П9. Преодолев затверженность природы... (январь – февраль 1934).

Преодолев затверженность природы,  
 Голуботвердый глаз проник в ее закон.  
 В земной коре юродствуют породы,  
 И как руда из груди рвется стон.

И тянется глухой недоразвиток  
 Как бы дорогой, согнутою в рог,

<sup>103</sup> Вообще, «Квартиру» можно в некотором смысле рассматривать как «пояснительную записку» к Эпиграмме, передающую состояние автора в процессе создания Эпиграммы.

<sup>104</sup> См. в Основном тексте, п. 2.2.1.

Понять пространства внутренний избыток  
 И лепестка и купола залог.

**Реконструкция смысла:** это симультаный по отношению к Эпиграмме текст, позволяющий применить принцип НСО для уточнения некоторых её смыслов<sup>105</sup>.

(А) Приведём, прежде всего, одну интересную идиш-интерференцию в первой строфе стихотворения, имеющую отношение к Эпиграмме – в стр. «В земной коре юродствуют породы,/ И как руда из груди рвется стон»:

У ПОРОДЫ → (пар.) У[peródem] ‘подлец, ничтожество’<sup>106</sup>  
 → смысл: «в земле (стране) правят подлещи и юродствующие ничтожества (подражающие И. Грозному?)»

(Б) Отметим теперь, что в конце той же первой строфы просвечивает **заклинательность**. Дело в том, что слово СТОН эквиконсонантно не только САТАНЕ (в идише: СОТН), но и частотному в заговорах и заклинаниях «блокирующему» приказу: СТАНЬ! В. Топоров в работе об «анаграмматических структурах» [44, с. 237] пишет: «...частый прием в заговорах и заклинаниях: ... *Стань тут, Сатана, стань! Стань!* (использовано, в частности, Ремизовым в рассказе “Чертик”; ср. роль имени *Стоян* в болгарских заговорах на о с т а н о в л е н и е крови и т. п.)»<sup>107</sup>.

### П10. Мастерница (февраль 1934).

Мастерица виноватых взоров,  
 Маленьких держательница встеч,

<sup>105</sup> См. Основной текст, п. 3.3 (в конце).

<sup>106</sup> Слово **порода** с этим значением (У[peródem ← pere-ódem]) присутствует в «блатном» языке, см. [45]. Ср. еще в ЧП, 8 гл.: «...из той ПОРОДЫ, что на цыпочках ходят по кровавой советской земле».

<sup>107</sup> Вот более полная цитата из рассказа «Чертик» (известный «сатанинский» рассказ А. Ремизова, напечатанный в «Золотом Руне» № 1 за 1907 г. и занявший первое место на конкурсе «Дьявол», объявленном журналом): «**Тараканщик** [профессиональный тараканомор – Л. Г.]: “Заклинаю Тебя Богом живым, Святою Троицею, Матерью Божией, стань тут, Сатана, стань! – стань!”». Вообще, похоже, что «Чертик» – это один из локальных подтекстов к двум последним строкам рассматриваемой строфы и, соответственно, к некоторым строкам Эпиграммы, но у меня недостаточно аргументации.

Усмирен мужской опасный нор,ов,  
 Не звучит утопленница— речь.  
 Ходят рыбы, рдея плавниками,  
 Раздувая жабры: на, возьми!  
 Их, бесшумно охающих ртами,  
 Полухлебом плоти накорми.  
 Мы не рыбы красно-золотые,  
 Наш обычай сестринский таков:  
 В теплом теле ребрышки худые  
 И напрасный влажный блеск зрачков.  
 Маком бровки мечен путь опасный.  
 Что же мне, как янычару, люб  
 Этот крошечный, летуче-красный,  
 Этот жалкий полумесяц губ?..  
 Не сердчай, турчанка дорогая:  
 Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,  
 Твои речи темные глотая,  
 За тебя кривой воды напьюсь.  
 Ты, Мария,<sup>108</sup> – гибнущим подмога,  
 Надо смерть предупредить – уснуть.  
 Я стою у твердого порога.  
 Уходи, уйди, еще побудь.

**Реконструкция смысла:**<sup>109</sup> Мастер увлечен Мастерницей, одновременно чувствует её лживость и хочет взять на себя неизбежную ответственность за её ложь: «твои речи **темные глотая, за** тебя кривой воды напьюсь»<sup>110</sup>. Ощущая смутную опасность, исходящую от объекта страсти, он, тем не менее, просит у «объекта» помощи, но получает отказ.

Поразительная по своей мощи кода (завершающая строфа) этого стихотворения построена, видимо, по принципу *антифона* (или дуэта?): строки 1 и 3 – говорит Он; строки 2 и 4 – говорит Она.

<sup>108</sup> Вариант (вместо «Ты, Мария, – ...»): «Наша нежность – ...».

<sup>109</sup> См. комментарии в Основном тексте, п. 4.1.5.

<sup>110</sup> См. к этому ниже комментарии к «Твоим узким плечам...».

Он в 1 и 3 строках хочет от неё ПОДМОГИ, потому что он стоит перед ГИБЕЛЬЮ («у **твердого порога**» – перед джихадом!), или перед гибельным самоубийственным поступком.

Она во 2 и 4 строках говорит о том, что «надо успеть уснуть» («успение Марии») и, тем самым, ПРЕДУПРЕДИТЬ СМЕРТЬ, т. е. избежать смерти. Она завершает: УХОДИ, УЙДИ – ей трудно выдерживать огромное напряжение этой ситуации, – эта энергетика передаётся и читателю...

Рассмотрим межъязыковые интерференции в этом стихотворении<sup>111</sup>.

(1) (<Y) ДЕРЖАТЕЛЬНИЦА ВСТРЕЧ → Treff- ‘встреча, укол, попадание в цель, догадка’ → Y[holt-hobn-trefn] ‘любить: встречать, метко попадать, наносить уколы, догадываться’ → смысл: «любительница метких попаданий, уколов, догадок и т. п.»<sup>112</sup>

(2) В стр. «Ходят рыбы, рдея плавниками,/

Раздувая жабры: на, возьми! /

(\*) Их, бесшумно охающих ртами, /

(\*\*) Полухлебом плоти накорми./

Мы не рыбы красно-золотые, /

Наш обычай сестринский таков: /

В теплом теле ребрышки худые»

(a) (<Y) ВОЗЬМИ = Nimm ‘возьми’ ← «НЕМЫЕ» ← «РЫБЫ НЕМЫ» ←

← МЫ НЕ РЫБЫ<sup>113</sup>

(б) (=Y) Б-ЕСШУМНО О-ХАЮЩИХ РТ-АМИ → (акр.) (БОРТ) → (БРОТ) → Brot = «хлеб» → (пар.) Halb ‘половина’

(в) далее, «хлеб» + Halb → ПОЛУХЛЕБОМ

(г) одновременно: «хлеб» → Laib (=Y[labn]) ‘каравай хлеба’ → (ом.) Leib ‘тело, плоть’ → ПЛОТИ<sup>114</sup>

<sup>111</sup> Этот материал частично опубликован в монографии [3], Приложение.

<sup>112</sup> Ср. ровно тогда же (февраль 1934) написанное: «Только я Ахматовой **уколы** / Двадцать три уже считаю года».

<sup>113</sup> В подтексте здесь, конечно: «МЫ НЕ РЫБЫ – РЫБЫ НЕМЫ» ← «МЫ НЕ РАБЫ – РАБЫ НЕ МЫ» – широко тиражировавшаяся формула кампании ликбеза. Заметим, что идишизм Y[nem] ‘возьми’ – фонетически точнее.

<sup>114</sup> Отсюда ясно, как строка (\*) генерирует строку (\*\*). См. G-сугг. к «Слово и культура» (1921): «Слово плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти». Поэтому, видимо, смысл строк (2) – (4): «накорми немых рыб хлебом слова».

(д) (=Y) РЫБЫ → (пар.) Rippe 'ребро' (= Y[rip]) → РЕ-БРЫШКИ.

### П11. Обрывки «японской серенады» (1934).

Убийца, преступная вишня,  
 Проклятая неженка, ма!  
 ..... дар вышний,  
 Дар нежного счастья сама.  
 .....  
 .....  
 Блеск стали меча самурайской  
 И вся первозданная тьма  
 Сольются в один самородок,  
 Когда окаянной камней  
 Пленительный злой подбородок  
 У маленькой Мэри моей.

<sup>115</sup>Реконструкция смысла:<sup>116</sup> фиксация оксюморонного сюжета «любви-ненависти» в отношениях с мастерицей.

Японские мотивы (преступная вишня-сакура, самурайский меч, САМУ-РАЙ → ДАР РАЙ-ского (= НЕЖНОГО) СЧАСТЬЯ САМА, концепт «нежности»<sup>117</sup> и т. п.) в этом стихотворении происходят из того, что, по сообщениям современников, знакомые называли М. Петровых «японкой».

Рассмотрим межъязыковые интерференции в этом стихотворении.

(1) В стр. «Убийца, преступная вишня,/ Проклятая неженка, ма! /... дар вышний/ Дар нежного счастья сама»:

It МА! → ма 'но, но и' → смысл: «преступница, НО в то же время и дарящая счастье и т. д.»

<sup>115</sup> Этот материал публикуется впервые.

<sup>116</sup> См. частичные комментарии в п. 4.1.5.

<sup>117</sup> Ср. в других текстах М: «...берег удивительной **нежности** холмистых очертаний, словно **японская** прическа» (очерк «Возвращение»), «Город малярии и **нежных японских** холмов» (очерк «Меньшевики в Грузии»).

(2) В стр. «Блеск стали меча самурайской/ И вся первобытная тьма/ Сольются в один самородок/ Когда окаянной камней / Пленительный злой подбородок/ У маленькой Мэри моей»:

(а) It СОЛ-ЬЮТСЯ → solo 'один' → В ОДИН

(б) Gr СОЛЬЮТСЯ → (эквиконс. LTS) litos 'камень' → (асс.) САМОРОДОК, КАМНЕЙ

(в) Gr Петровых<sup>118</sup> → (пар.) petros 'камень' + форма мн. ч. → (асс.) КАМНЕЙ

(г) (=Y) ОКАЯННОЙ → (эквиконс.) Kinn 'подбородок' → ПОДБОРОДОК<sup>119</sup>.

### П12. Твоим узким плечам (1934).

Твоим узким плечам под бичами краснеть,  
 Под бичами краснеть, на морозе гореть.  
 Твоим детским рукам утюги поднимать,  
 Утюги поднимать да веревки вязать.  
 Твоим нежным ногам по стеклу босиком,  
 По стеклу босиком, да кровавым песком.  
 Ну, а мне за тебя черной свечкой гореть,  
 Черной свечкой гореть да молиться не сметь.

**Реконструкция смысла:** это стихотворение обращено к Марусе Петровых. Это оправдание её (прощение, снятие с неё вины) и раскаяние автора, взятие автором её вины на себя («за тебя кривой воды напьюсь»).

Э. Герштейн пишет в мемуарах: «И назвать единственного человека, который их [стихи о Сталине] записывал, – это значило подвергнуть его более строгой статье обвинения: “распространение контрреволюционного материала”. И это, вероятно, терзало совесть Мандельштама» [7, с. 433].

П. Нерлер пишет об этом тексте: «Неизгладимая нота обоюдоострой вины и горечь упрека так и рвутся из этих стихов!» [6, с. 31].

<sup>118</sup> Фамилия «маленькой Мэри».

<sup>119</sup> Идишизм Y[kin] 'подбородок' здесь равновероятен.

**П13. Стансы (май-июнь 1935).**

Я не хочу средь юношей тепличных  
 Разменивать последний грош души,  
 Но, как в колхоз идет единоличник,  
 Я в мир вхожу – и люди хороши.  
 Люблю шинель красноармейской складки –  
 Длину до пят, рукав простой и гладкий  
 И волжской туче родственный покров,  
 Чтоб, на спине и на груди лопатясь,  
 Она лежала, на запас не тратясь,  
 И скатывалась летнею порой.  
 Проклятый шов, нелепая затея  
 Нас разлучили, а теперь – пойми:  
 Я должен жить, дыша и большевея  
 И перед смертью хорошея –  
 Еще побыть и поиграть с людьми!  
 Подумаешь, как в Чердыни-голубе,  
 Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,  
 В семивершковой я метался кутерьме!  
 Клевещущих козлов не досмотрел я драки:  
 Как петушок в прозрачной летней тьме –  
 Харчи да харк, да что-нибудь, да враки –  
 Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме.  
 И ты, Москва, сестра моя, легка,  
 Когда встречаешь в самолете брата  
 До первого трамвайного звонка:  
 Нежнее моря, путаней салата –  
 Из дерева, стекла и молока...  
 Моя страна со мною говорила,  
 Мирволила, журила, не прочла,  
 Но возмужавшего меня, как очевидца,  
 Заметила и вдруг, как чечевица,  
 Адмиралтейским лучиком зажгла.

Я должен жить, дыша и большевея,  
 Работать речь, не слушаясь – сам-друг –  
 Я слышу в Арктике машин советских стук,  
 Я помню все: немецких братьев шея

И что лиловым гребнем Лорелеи  
 Садовник и палач наполнил свой досуг.  
 И не ограблен я, и не надломлен,  
 Но только что всего переогромлен...  
 Как Слово о Полку, струна моя туга,  
 И в голосе моем после удушья  
 Звучит земля – последнее оружие –  
 Сухая влажность черноземных га!

**Реконструкция смысла:** «перековка» (перестройка) сознания Мандельштама после попытки теракта, ареста, ожидания казни и помилования.

**Россия, Кама, Лорелея: к дешифровке «тёмных мест» в воронежских «Стансах» (1935)<sup>120</sup>**

Die schönste Jungfrau sitzt dort oben wunderbar, ihr gold'nes Geschmeide blitzet, sie kämmt ihr goldenes Haar.	Над страшной высотой Девушка дивной красоты Одеждой горит золотую, Играет златом косы
---	--

Sie kämmt es mit goldenem Kamme und singt ein Lied dabei, das hat eine wundersame, gewaltige Melodei	Золотым убирает гребнем И песню поет она; В ее чудесном пенье Тревога затаена.
---	---

*H. Heine «Die Loreley»* (перевод А. Блока)

13.1. В начале лета 1935 г. высланный в Воронеж Мандельштам написал стихотворение из 8 строф, которое он назвал «Стансы», с прозрачной отсылкой к итальянскому STANZA с его коннотациями 'строфа, комната, жильё, местожительство, место-пребывание' и к русскому парониму СТАНЦИЯ = «временная остановка в пути», суггестируемому итальянской фоникой.

Как и полагается по жанру, содержание «Стансов» – «меди-

<sup>120</sup> Приводится (с существенными изменениями и дополнениями) работа о смыслах «Стансов», опубликованная в монографии [3, п. 3.7].

тативное»: автор пытается осмыслить происшедшее с ним за последний год: попытка теракта против Сталина, арест, «помилование», новое местопребывание («станция»). Автор раскаивается, точнее, считает своей ошибкой и даже ругает себя за «затею» с эпиграммой на Сталина («проклятый шов, нелепая затея») <sup>121</sup> и программирует своё примирение с окружающей действительностью во всех её ипостасях: страна, государственный строй, армия, города, колхозные сёла, освоение Арктики, природа, люди и т. д.

Автор призывает сам себя, воспроизводя при этом набор мантр в стиле «вставшего на путь исправления каналаармейца» <sup>122</sup>: «люб[ить] шинель красноармейской складки», честно и продуктивно работать в своей области («я должен... работать речь... сам-друг») и быть политически лояльным и согласным с большинством («я должен жить, дыша и большевея») <sup>123</sup>.

13.2. Несмотря на столь ясные общие «сквозные» смыслы, текст всё же содержит несколько «тёмных мест».

Выше была рассмотрена «правдоподобная гипотеза» о смысле «**проклятого шва**» в 3-й строфе.

<sup>121</sup> Здесь с большой вероятностью имеет место русско-немецко-идишская паронимическая связь ШОВ → Y[šof] ‘овца, баран’, Schöps ‘кастр. баран → перен. «осёл», простофиля’ → смысл строки: «проклятый осёл (я), нелепая затея (моя)». Предположительно, здесь имеет место соединение идиш-фонички и немецкой семантики. Идишизм Y[šof] ‘баран’ более точен фонетически, но немецкая семантика «простофиля» – частотна. Равновероятно также использование немецкого диалектизма [šof] ‘овца’ ← (сред.-верхн.-нем. schaf = нов.-нем. Schaf). Ср. новонемецкое: dumm wie ein Schaf ‘глупый как баран’. Ср. в «Египетской марке», гл. IV, о Парноке и о самом Мандельштаме: «Товарищи в школе дразнили его “овцой”, <...> и другими обидными именами». Заметим, что в этой школе (в Тенишевском училище) учили немецкий. Напомним, наконец, что, по сообщению в мемуарах Н. Мандельштам, начиная с 1930 г. Мандельштам читал тексты на средневерхненемецком.

<sup>122</sup> «Каналаармеец» (→ з/к = «заключённый каналаармеец»), «вставший на путь перековки, исправления и т. п.» – газетные штампы 1934–1935 гг.

<sup>123</sup> Н. Мандельштам вспоминает о периоде 1934/35 в Воронеже: «...он [М] говорил, что хочет быть со всеми и боится остаться вне революции, пропустить по близорукости то грандиозное, что совершается на наших глазах» [4, с. 118]. В другом месте мемуаров она использует выражение «**антииндивидуалистическое** сознание Мандельштама» [28, т. 2, с. 259].

Посмотрим теперь 4-ю строфу: что это за «дерущиеся» и одновременно «клеветущие» «козлы»? Гипотеза: это политические ссыльные – эсеры, эсдеки и прочие, повседневную жизнь которых М наблюдал в Чердыни. Косвенно это подтверждается тем местом воспоминаний Э. Герштейн, где сообщается о разговорах с Маргаритой, бывшей «зечкой»: «Она так мало говорила о перенесенных ею страданиях, что только из одной ее случайной реплики я узнала, что она успела отбыть какой-то срок в лагере. <...> Теперь, в 30-х годах, Маргарита нередко рассказывала о том, как жили **осужденные эсеры. В тюрьме они сидели по двое в камерах. Они так надоедали друг другу, что подавали просьбы о переводе в одиночку**» <sup>124</sup>.

Рассмотрим теперь 7-ю строфу «Стансов», содержащую «тёмные места», связанные с образом Лорелеи:

Я должен жить, дыша и большевея,  
Работать речь, не слушаясь – сам-друг, –  
Я слышу в Арктике машин советских стук,  
Я помню все: немецких братьев шеи  
И что лиловым гребнем Лорелеи <sup>125</sup>  
Садовник и палач наполнил свой досуг.

В 5-й строке 7-й строфы непонятно, причём тут Лорелея и, в особенности, почему её гребень (которым она, по легенде, всё время чешется) лилового цвета? В 6-й строке той же строфы непонятен «садовник и палач». Вроде бы, Гитлер... но, как к известной фигуре из «Мёртвых душ»: присмотришься попристальнее... Ой, Сталин!

То, что на роль «садовника и палача» есть два главных претендента, ощущалось и фиксировалось комментаторами давно. Еще в работе 1991 г. И. Месс-Бейер указывала на трафарет-

<sup>124</sup> См. [7], гл. 9.

<sup>125</sup> Вариант строк 4–5: «Я помню все: германских братьев шеи / И что проклятым гребнем Лорелеи ...».



ность образа Сталина как вождя-садовника в советской прессе 1934–35 гг.<sup>126</sup> Рассмотрим аргументы в пользу каждого из двух претендентов.

За Гитлера:

(а) «немецких братьев шеи» → какие-то казни в фашистской Германии → Гитлер;

(б) «палач», который то ли рубит «немецких братьев шеи»<sup>127</sup>, то ли вешает их «за шею», а затем, отдыхая от этой работы, наполняет СВОЙ ДОСУГ, как национально ориентированный немец, чем-то эксплицитно «германским» (Лорелеей с её аксессуарами), – это именно главный «германский» палач, т. е. Гитлер.

Остаётся непонятным: зачем Гитлеру «на досуге» именно ГРЕБЕНЬ Лорелеи? Еще неясно, почему САДОВНИК? Гитлера садовником не называли<sup>128</sup>. Но главное, непонятно, почему **для самого автора** существенно ПОМНИТЬ, что Гитлер на досуге развлекается не, скажем, черепами и/или скелетами казнённых «братьев», а каким-то гребнем для расчёсывания волос? В этом случае, у немецкого вождя просматривается какой-то совершенно неуместный «дегенеративный фрейдистский фетишизм»!

За Сталина:

(а) именно он одновременно и ПАЛАЧ, и САДОВНИК. Дело в том, что именно к Сталину (а не к Гитлеру)<sup>129</sup> применялось в

<sup>126</sup> Месс-Бейер И. Эзопов язык в поэзии Мандельштама // Russian Literature. 1991. Vol. 29. № 1. P. 245–393. Но еще задолго до 1991 г. московский поэт и переводчик М. Каждан указывал в устных обсуждениях «Стансов», что здесь «садовник» – это именно Сталин. Этот факт, как и многие другие, показывает, что «смыслы» Мандельштама – это некий кусок ноосферы (или, может быть, «Устного Учения» в еврейских традиционных терминах), не укладывающийся в рамки «упорядоченного научного дискурса».

<sup>127</sup> Д. Лахути в [38] напоминает, что после прихода Гитлера к власти в Германии была восстановлена смертная казнь через отсечение головы, и приводит сообщения об этих казнях в советской центральной прессе в 1934 г. и в первой половине 1935 г. В частности, он цитирует «Комсомольскую правду» (от 05.07.1934): «1 августа 1933 года в Гамбурге **топор палача** опустил на головы Лютенса и его товарищей» [38, с. 132].

<sup>128</sup> Правда, САДОВНИК фонетически суггерирует **де Сада** → **садиста**, и это коррелирует с семантическим спектром ПАЛАЧА.

<sup>129</sup> Стандартных сравнений Гитлера с садовником или указаний на увлечение его садоводством в **немецкой** (и советской) прессе первой половины

прессе первой половины 1930-х гг. клише «садовник» и широко цитировались «садоводческие» метафоры из его речей<sup>130</sup>;

(б) в мандельштамовской ситуации естественно «помнить» действия именно Сталина, а не далёкого Гитлера, пусть тоже ПАЛАЧА. Любое действие, любой шаг Сталина в сознании Мандельштама этого периода наполняется гипертрофирован-

1930-х не зафиксировано. Это отмечает (со ссылкой на работу И. Месс-Бейер 1991 г.) в своих исследованиях Д. Лахути, см. [38].

<sup>130</sup> Например, 29.12.1934 «Правда» опубликовала выступление Сталина на «приёме металлургов», в котором содержалась ставшая известной формула: «Людей надо внимательно и заботливо выращивать, как **садовник выращивает** облюбванное плодородное дерево», цит. по [41, с. 299–300]. Д. Лахути указывает, что эти слова Сталина «появляются как “шапка” – большими, плакатными буквами во всю ширину над второй страницей “Правды” от 29 апреля 1935 г.» [38, с. 136]. Тогда же распространялись шутки типа: «Сталин – великий садовник, потому что он всё сажает и сажает», см. [41, с. 300]. Отметим, что в 1937 г. вышла книга Е. Полонской «Новые стихи 1932–1936», о которой Б. Фрезинский пишет во вступительной статье к сб. «Елизавета Полонская: стихотворения и поэмы», СПб., 2010: «“Новые стихи” закрывались стихотворением “Садовник”, и читатели мгновенно догадывались, о каком заботливом садовнике идет речь в этом многословном сочинении: “Мудрым глазом следит за ростком неустанный садовник, Он дает ему воду и тень, и в мороз закрывает рогожей, Охраняет от птиц и мальчишек худых молодые побеги, Против жадных червей известковые смеси готовит И вредителей сада преследует сам беспощадно... От зари до заката хлопчет садовник, и ночью не спит он, Все-то думает: как там в саду? Как растет деревцо молодое?”». Нельзя не привести в этой связи также стих. «Садовник», шедевр садоводческой метафорики, созданный В. Лебедевым-Кумачом в 1938 г. Будучи напечатанными позднее «Стансов», тексты Лебедева-Кумача и Полонской всё же вполне релевантны здесь, потому что авторы были талантливыми «уловителями» общепринятых, «обще-симпатичных» на данный момент (середина 1930-х гг.) общественно-политических концептуальных метафор: «*Вся страна весенним утром, / Как огромный сад, стоит, / И глядит садовник мудрый / На работу рук своих. / Радость бабочкой веселой / Пролетает по кустам, / Вьются песни, точно пчелы / По лазоревым цветам. / Цепи яблонь протянулись / Там, где были пустыри... / Садовод глядит прищурясь / И тихонько говорит: / – Не напрасно люди наши / Пропливали пот и кровь, — / Что ни день – светлей и краше / Выходит радостная новь! / День и ночь с веселым шумом / Сад невиданный растет, / День и ночь трудом и думам / Отдается садовод. / Все ему проверить надо / Взором пристальным своим, / Чтобы каждый корень сада / Был по-своему любим. / Он помощников распросит, / Не проник ли вор тайком. / Сорняки, где надо, скосит, / Даст работу всем кругом. / Пар идет от чернозема, / Блещут капельки росы... / Всем родной и всем знакомый / Улыбается в усы.*»

но огромным символическим содержанием: Мандельштам «в высшей мере» «всего переогромлен», выражаясь его же словами в последней строфе.

Остаётся непонятным **главное** – зачем Сталину ГРЕБЕНЬ какой-то немецкой Лорелеи: к тому же эта Лорелея (явная германская шпионка и троцкистская двурушница) дезориентировала судоводителей своим провокационным пением и публичным чесанием волос, что приводило к авариям, т. е. занималась прямым вредительством на речном транспорте. Ещё остаётся неясным: почему акцентируется ЛИЛОВЫЙ цвет её гребня?

Баланс аргументаций – нулевой, вопрос остается нерешённым. Неизбежно возникает желание считать образы Гитлер/Сталин «мигающими», как в некоторых других текстах Мандельштама, и объяснять это, скажем, общей установкой мандельштамовского текста на «оксюморонность» и т. д. Само устройство текста Мандельштама<sup>131</sup> провоцирует генерирование «дурной бесконечности» такого рода «общих» комментариев.

13.3. Я всё-таки хочу попытаться «решить» эту проблему, т. е. положить решающую гирию на чашу весов «за СТАЛИНА».

Основной тезис: **в последней строке рассматриваемой строфы слово СВОЙ является «маской» для долженствующего здесь быть слова МОЙ.**

Конструкция «эквиритмичной маски» совершенно не является необычной для «позднего» Мандельштама, – скорее, это рутинная техника<sup>132</sup>. Важно в каждом случае уметь аргументировать присутствие «маски».

<sup>131</sup> Похожее на «устройство» и техники порождения еврейского традиционного текста (мидраш). См. об этом статью «Текст Мандельштама в сопоставлении с традиционным еврейским дискурсом» // Вестник Пермского университета. Росс. и заруб. филология. 2010, вып. 4(10). Основной материал статьи содержится в монографии [3], п. 1.2.3.

<sup>132</sup> Вот очевидный пример из мандельштамовских «Стихов о русской поэзии»: «В треуголках **НОСАЧИ**» Здесь НОСАЧ – это прозрачная эквиритмичная «маска» для «**усача**», всем известного прозвища Сталина.

Аргументацию построим сначала в виде «реконструкции» процесса появления интересующих нас образов «в сознании» Мандельштама. Итак, в начале июня 1934 г. Мандельштам плывёт вверх по Каме на пароходе из Соликамска в Чердынь<sup>133</sup>. Плывёт с женой и спецконвоем из трёх человек. Путешествие это было необычно комфортным, – благоволивший к чете Мандельштамов старший конвоир разрешил (и даже посоветовал) им взять отдельную каюту: «Пусть твой отдохнет!»<sup>134</sup>.

«Отдыхающий» Мандельштам НА ДОСУГЕ рассматривает высокий, поросший лесом БЕРЕГ (ГРЕБЕНЬ<sup>135</sup>) Камы. «Германский монитор»<sup>136</sup>, почти всегда работающий в его «сознании», подсказывает ему простую русско-немецкую связь Кама ↔ Камм ‘гребень (для волос), гребень (горы)’<sup>137</sup>.

Для подкрепления этой реконструкции отметим, что фоническая интерференция немецкого Камм в русском тексте Мандельштама происходила и раньше. Например, в стих. «Квартира» (1933) в строках «И я, как дурак, на гребенке / Обязан кому-то играть»: ГРЕБЕНКЕ ↔ [КАМ-уто]<sup>138</sup>.

<sup>133</sup> Через две недели, в середине июня, Мандельштамы проделывают обратный путь на пароходе по бассейну Камы: из Чердыни в Казань через Пермь – уже без конвоя. Наша аргументация относится одновременно к этим двум плаваниям.

<sup>134</sup> См. [6, с. 58].

<sup>135</sup> Необходимо здесь отметить уже упоминавшийся «сквозной» для «Стансов» **неупорядоченный** трёхконсонантный набор [BRG], присутствующий в «камских» стихах в явных и суггестируемых русских и немецких словах: БЕРЕГ, ГРЕБЕНЬ, О-ГРАБ-ЛЕН, BERG-EN ‘горы’. Этот «набор» семантически «соединяет» очень далекие по «конвенциональному» смыслу лексемы и в других текстах Мандельштама.

<sup>136</sup> «Германский монитор» у Мандельштама – процесс отслеживания русско-немецких (и русско-идишских) омофонических, паронимических и т. п. связей. Подробнее см. [3], п. 1.4.5.

<sup>137</sup> Строка из баллады Г. Гейне “Die Loreley”: “Sie kämmt es mit goldenem Kamme” (разумеется, «активированная» в этот момент у Мандельштама) содержит слово Kamme (= «гребнем»), ещё более паронимичное слову «Кама». Ещё одна строка “Die Loreley”, способствовавшая активации этого стиха Гейне у Мандельштама в это время: “Ein Märchen aus uralten Zeiten das kommt mir nicht aus dem Sinn”, в которой слово **uralten** ‘древний’, разумеется, фонически связывалось с «Уралом». Ср. «долговечный Урал» в стих. «Кама, 3» (апрель-май 1935), см. подробнее [3], Приложение.

<sup>138</sup> Укажем на связь этих строк в «Квартире» со «Стансами». Дело в том, что,

Далее, немецкое слово Камм<sup>139</sup> + русские слова «гребёнка», «Кама» + «речной пейзаж с высоким берегом» + указанная фоническая связь в «Квартире» вместе суггестируют ситуацию «**игры на гребёнке на высоком берегу (гребне) реки**», – которая немедленно (и вполне рутинно для семантического процесса Мандельштама) тянет за собой активизацию более раннего мандельштамовского текста, а именно, пассажа из 4-й главы «Египетской марки» (ЕМ), содержащего образ Лорелеи:

«Вот и Фонтанка – Ундина барахольщиков и голодных студентов с длинными сальными патлами, **Лорелея** вареных раков, **играющая на гребенке с недостающими зубьями; река** – покровительница плюгавого Малого театра, с его облезлой, лысой, похожей на **ведьму**<sup>140</sup>, надушенную пачулями, Мельпоменой».

Заметим, что в этом пассаже ЕМ Лорелея отождествляется с рекой (Фонтанкой).

Итак, вот и возникла Лорелея, играющая на дефектной «зубчатой» гребёнке на высоком берегу Камы-реки<sup>141</sup>. Автор как бы говорит: «И этой роскошной природой, этим “гребнем”, т. е. гребнем Лорелеи и гребнем реки, и, наконец, самой рекой-**Камой**, заботливый садовник и палач Сталин наполнил мой до-

---

как было указано выше, есть вариант строки «И что лиловым гребнем Лорелеи» (в «Стансах» в Принстонском архиве): «И что **проклятым** гребнем Лорелеи». Это наводит на «правдоподобную гипотезу» о существовании (в «сознании» М при создании «Стансов») семантического отображения между фрагментами обсуждаемых текстов: [ПРОКЛЯТЫЕ... НА ГРЕБЕНКЕ... КАМУ-то] ↔ [ПРОКЛЯТЫМ ГРЕБНЕМ ЛОРЕЛЕИ]. Если это так, то можно применить принцип НСО, см. [3, п. 1.2.3.3 (а)], по которому слово ЛОРЕЛЕИ (при этом отображении) «с большой вероятностью», соответствует слову КАМУ-то. Результатом этого (вызывающего справедливое возмущение) семантического фокуса является, тем самым, указание на то, что Лорелея из второго фрагмента, с большой вероятностью, имеет отношение к (реке) КАМЕ, что и требовалось доказать!

<sup>139</sup> Оно же идишское, с теми же значениями.

<sup>140</sup> В «дискурсе о Лорелее» её часто называют «ведьмой».

<sup>141</sup> Еще одна простая причина возникновения образа Лорелеи в сознании Мандельштама, наблюдающего с борта парохода мощную **природу** Прикамья, – это активация (разумеется, известного ему) высказывания А. Белого о природе в статье о символизме: «**Видимая природа... – волшебница Лорелея**, отвлекающая меня от подлинной жизни к жизни видимой». Весы. 1908. № 12.

суг<sup>142</sup>, – и это всё вместо того, чтобы просто казнить меня, – за что ему спасибо».

Заметим здесь же, что «зубчатая гребенка» и способность Камы «наполнить досуг» просвечивают в более позднем воронежском «ностальгическом» стихотворении о Каме, в котором образ реки «склеивается» с неким аттрактивным женским образом, более «выносимым» для Мандельштама, чем воронежская «убитость равнин», по которым, к тому же, «медленно ползет» какой-то кошмарный «народов будущих Иуда»:

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав  
На **берегах зубчатых Камы**:  
Я б удержал ее застенчивый рукав,  
Ее круги, края и ямы.

---

В завершение доказательства того, что в рассматриваемой строфе слово СВОЙ «маскирует» слово «мой», приведём ещё одно соображение в пользу того, что «гребнем Лорелеи» наполнился досуг именно Мандельштама, а не «палача». Сохранился отрывок стихотворного текста, написанный Мандельштамом в 1935 г., похоже, в мае – т. е. тогда же, когда создавались «Стансы»:

Это я. Это Рейн. Браток, помоги.  
Празднуют первое мая враги.  
**Лорелеиным гребнем я жив**, я теку  
Виноградные жилы разрезать в соку<sup>143</sup>.

Дело в том, что при порождении текста Мандельштам обычно отождествляет себя с «объектом дискурса», т. е. в данном

---

<sup>142</sup> И, в довершение всего, этот палач-режиссёр (казнь = малина = театр, см. п. 3.3 в Основном тексте) вручил мне в своей новой постановке «гребень Лорелеи с недостающими зубьями», т. е. «гребёнку», на которой я, как дурак, должен ему играть (отсылка одновременно к пассажиру из ЕМ и к строфе из «Квартиры»).

<sup>143</sup> «Строки из уничтоженных или утеранных стихотворений» [23, с. 365].

случае с «Рейном». Поэтому слова ЛОРЕЛЕИНЫМ ГРЕБНЕМ Я ЖИВ – не в меньшей степени прямая речь автора, чем «Рейна». Тем самым, автор как бы говорит: «палач наполнил МОЙ досуг гребнем Лорелеи, и этот гребень есть сейчас нечто жизненно важное для меня».

Но здесь зашифо ещё одно свидетельство «жизненного значения» Лорелеинового гребня для Мандельштама в этот момент. Чтобы это увидеть, надо чуть поглубже «разрезать жилы» текста. Дело в том, что в этой точке суггестируется следующая ассоциативно-паронимическая цепочка: Г-РЕБНЕ-М → (пар.) Reben 'виноград (лоза)' → эпитафия из Э. Клейста к стих. Мандельштама «К немецкой речи» (1932)<sup>144</sup>, содержащий слова:

Reben ↔ ВИНОГРАДНЫЕ,  
 Freund 'друг' ↔ БРАТОК,  
 Saft 'сок' ↔ В СОКУ,  
 leben 'жить' ↔ Я ЖИВ,  
 fliehn 'убегать, «утекать»' ↔ Я ТЕКУ.

В результате реконструируется чёткая связь:

ГРЕБНЕМ → набор объектов [«ВИНО-градная лоза», «ВИНО-градный сок»] → «текущая из ВЕНЫ ВЕНО-зная кровь» → ЖИЛЫ [вены!] РАЗРЕЗАТЬ → «вскрыть вены = покончить самоубийством»<sup>145</sup>. Но слово ТЕКУ в тексте суггестирует второе (переносное) значение «соответствующего» ему немецкого fliehn, т. е. «утекать» = «убегать». Окончательно получается смысл: «гребень Лорелеи есть сейчас нечто жизненно важное для меня: благодаря ему, я избегаю самоубийства».

13.4. Итак, Сталин наполнил досуг Мандельштама гребнем Лорелеи, ставшим для поэта «жизненно важным». Но почему этот гребень **лиловый**?

Гребень Лорелеи ЛИЛОВЫЙ, потому что:

<sup>144</sup> Вот этот эпитафия (как обычно, «усвоенный → присвоенный» Мандельштамом): 'Freund! Versäume nicht zu leben: / Denn die Jahre fliehn, / Und es wird der Saft der Reben / Uns nicht lange glühn'.

<sup>145</sup> В более раннем шуточном стихе Мандельштама «Помпоныч, римский гражданин...» (1920-е гг.) обыгрывается ситуация вскрытия вен: «И сам себе **разрезал скукожиля**, / Скукожил и дух по ванной испустил».

(А) Лорелея = Сирена<sup>146</sup> → «сиреневый цвет» = «лиловый цвет». Заметим, что из германского контекста, который постоянно присутствует здесь, возникает русско-немецкая паронимическая связь: «сиреневый» → lila 'сиреневый' → (пар.) ЛИЛОВЫМ. Лорелея в немецких балладах, например, в упоминавшемся стихотворении Гейне, устраивает свои вредительские перформансы вечером, на заходе солнца<sup>147</sup>, т. е. как бы при наступлении «сиреневых сумерек».

Запишем полученную цепочку более формально:

ГРЕБНЕМ ЛОРЕЛЕИ → ГРЕБНЕМ «сирены» → сиреневым ГРЕБНЕМ = Lila-kamme → (пар.) «лиловой Камой» → ЛИЛОВЫМ ГРЕБНЕМ<sup>148</sup>.

Собственно, сказанного в п. (А), по-видимому, достаточно для демонстрации **связи** Лорелея ↔ лиловый. Но почему акцентируется лиловый цвет именно «гребня», а не какого-то другого аксессуара Лорелеи?

Нижеприведенные пп. (Б) – (Е) отвечают на этот вопрос, давая попутно интересное описание «работы» лилового цвета в воронежской «картине мира» Мандельштама.

(Б) В представлении М, высокий берег (гребень) Камы-Вишеры зарос ельником: «Жгучий **ельник** бежит, молодея в воде»<sup>149</sup>. В то же время, по другим воронежским текстам видно, что «речной ельник» = «еловый лес у реки» связывается у М

<sup>146</sup> Образ «сирены» уже возник у М в статье «Скрябин и христианство»: «Бессловесный, странно немолчаливый ХОР “Прометей” – все та же опасная, **соблазнительная СИРЕНА**». В приведённом выше пассаже из ЕМ Мандельштам издевается над «соблазнительностью» «Лорелеи вареных раков», «покровительницы плюгавого Малого театра» с его «похожей на ведьму Мельпоменой».

<sup>147</sup> У Гейне: “Die Luft ist kuhl und **es dunkelt** <...> im abendsonnenschein”. В переводе А. Блока: «Прохладой **сумерки** веют, / И Рейна тих простор; / **В вечерних лучах алеют / Вершины далеких гор**».

<sup>148</sup> Отметим еще одно место у М, в котором просвечивает связь: Лорелея ↔ «сиреневый». Это фрагмент наброска к гл. «Французы» из «ПА»: «...Роскошные плотные сирени Иль-де-Франс <...> горели на стене <...> [и были чувственней, лукавей и опасней огненных женщин] более сложные и чувственные, чем женщины». Тем самым, Лорелея (= германский архетип «чувственной, лукавой, **опасной**» женщины) связывается с «сиренью» и отсюда с сиреневым цветом.

<sup>149</sup> Стих. «Кама» (апрель-май 1935).

с **лиловым** цветом, напоминающим цвет чернил<sup>150</sup>: «Близкой кажется **река**. / И какой там лес – **еловый?** / **Не еловый, а лиловый**, – / И какая там береза, / Не скажу наверняка – / Лишь **чернил** воздушных [= **лиловых** – Л. Г.] проза / Неразборчива, легка»<sup>151</sup>. Отсюда получается связь: «Гребень Камы» = «гребень Лорелеи» ↔ «лиловый (фиолетовый) цвет»<sup>152</sup>.

(В) В другом представлении М почему-то возникает «гастрономическая» метафора<sup>153</sup>: высокий берег (гребень) Камы предстаёт большим куском мяса или рыбы<sup>154</sup> на кости («костёр» ← «кострец»), который можно съесть, предварительно посолив: «И хотелось бы гору с костром отслоить, / Да едва успеваешь леса посолить»<sup>155</sup>. Гребень горы, гора с костром = мясо, **ХВОЙНОЕ МЯСО**. [САЛИ-КАМ-ск] → [ЛИСА-ПА-САЛИ-ТЬ, АТ-СЛАИ-ТЬ]. По-видимому, цветовая гамма куска мяса на «мозговой» кости представляется Мандельштаму **синевато-лиловой**<sup>156</sup>.

(Г) В стих. 1937 года М несколько ностальгически вспоминает своё путешествие 1934 года по Каме: «А на деле-то было тихо, / Только шел пароход по реке [Каме!], / Да за кедром»<sup>157</sup>

<sup>150</sup> Ср. в стих. «Еще мы жизнью полны в высшей мере»: «И пишут <...> толковые **лиловые чернила**». Это стих. написано 24 мая 1935 г., т. е. на том же временном пятачке, что и «Стансы».

<sup>151</sup> Стих. «Вехи дальние обоза...» (декабрь 1936).

<sup>152</sup> Приведём наблюдение берега на закате солнца «сплавщиком» по Каме-Вишеру: «Берег по цвету... вечером ближе к **синему**... Под закат, естественно, **рыжевато-оранжевый**» (сообщено проф. Н. Бочкаревой, Пермь). Если эти краски на палитре смешать, то как раз и получится то, что на немецком называется общим словом **lila**, т. е. фиолетово-сиренево-лиловая гамма. Связь: нем. **lila** → (пар.) ЛИЛОВЫЙ здесь вполне релевантна, потому что у Мандельштама при генерировании рассматриваемого текста, как уже отмечалось, «включен» «германский монитор».

<sup>153</sup> По-видимому, это метафора, индуцированная названием СОЛИ-КАМ-ск (исходный пункт плавания по Каме).

<sup>154</sup> Ср. в варианте стих. «День стоял о пяти головах...» (апрель-май 1935): «...**Горой пообедав, поезд ужинал лесом** <...>. Глаз превращался в **хвойное мясо**».

<sup>155</sup> Стих. «Кама» (апрель-май 1935).

<sup>156</sup> Ср. в «Импрессионизме»: «Его запекшееся лето **лиловым мозгом** разогрето», «А тень-то тень все **лиловой**, <...> Ты скажешь: повара на кухне **готовят жирных голубей**».

<sup>157</sup> Т. е. на высокоом берегу, на ГРЕБНЕ.

ЦВЕЛА ГРЕЧИХА...»<sup>158</sup>. Поле цветущей гречихи имеет **розово-фиолетовый** (= лиловый) цвет. Связь, в представлении М, «цветущей гречихи» с фиолетово-лиловой расцветкой, т. е. с цветовой гаммой «венозной крови», подтверждается строкой в мандельштамовском переводе (с французского) одного из стихотворений О. Барбье: «война цветет, как море гречи»<sup>159</sup> → аллюзия на связь **цвета крови** с цветом поля цветущей гречихи<sup>160</sup> (к тому же слова «война» и «вена» – паронимы).

(Д) Ещё один «лиловый» компонент гребня Лорелеи, которым «садовник и палач» наполнил досуг Мандельштама – это воронежский чернозём. В стих. «Чернозем», почти совпадающим по времени создания со «Стансами», Мандельштам пишет о воронежской земле: «Переуважена, **перечерна**, вся в холе, <...> В дни ранней пахоты **черна до синевы**...»<sup>161</sup>. Видно, что суггестируемая цветовая гамма здесь фиолетово-лиловая.

Находясь в семантическом поле «чернозёма», приведём ещё одну цепочку «со-ображений» (т. е. сопоставлений образов): в уже рассмотренном в (А) отрывке из «Скрябина» некий «бессловесный **хор** Прометея» отождествляется с «**сиреной**». Но в других воронежских стихах Мандельштам «солидаризируется» с «пригвождённым к скале» [→ скала Лорелеи!] Прометеем<sup>162</sup>. Тем самым, имеется связь: «хор Прометея» ↔ «хор Мандельштама», откуда имеем связь: «хор Мандельштама» ↔ «сирена». Но в стих. «Чернозем» говорится про воронежскую землю (= «чернозём»): «Вся рассыпаючись, вся образуя **хор**»<sup>163</sup>, – / Ко-

<sup>158</sup> Стих. «Средь народного шума и спеха» (январь 1937).

<sup>159</sup> См. [3], Приложение: 1923. Переводы из Огюста Барбье. «Наполеоновская Франция». Заметим, что во французском оригинале у Барбье никакой «гречихи» нет и в помине.

<sup>160</sup> Запишем более формально паронимические связи здесь: ЦВЕТЕТ → blüht 'цветет', Blüte 'цвет (растений)' → (пар.) Blut 'кровь' → (асс.) «поле, залито кровью».

<sup>161</sup> Стих. «Чернозем» (апрель 1935).

<sup>162</sup> «Где связанный и пригвожденный стон, / Где Прометей – скалы подспорье и пособие?» (1937).

<sup>163</sup> Необходимо здесь отметить высоковероятную побочную (хотя это оксюморон) омофоническую связь: РАССЫПАЮЧИСЬ, ХОР → идиш [hor] 'волосы' (= нем. Haar, присутствует в тексте Гейне, см. эпиграф) → «рассыпающиеся волосы» → роскошные **рассыпающиеся по плечам волосы** Лорелеи, которые она, собственно, и расчёсывает своим ГРЕБНЕМ.



мочки влажные моей земли и воли». Отсюда «хор Мандельштама» = «чернозём» ←→ «сирена». Поэтому «чернозём» – сиреневый = **лиловый** и т. д.

(Е) В завершение вернёмся к приведённому в конце п. 13.3 отрывку 1935 г.: «Это я. Это Рейн. Браток, помоги. / Празднуют первое мая враги. / Лорелеиным гребнем я жив, я теку / Виноградные жилы разрезать в соку».

Напомним, что в конце п. 13.3 была продемонстрирована связь «Лорелеина гребня» с «текущей **венозной** кровью». Связь «Лорелеина гребня» с «**венозной** кровью» ещё подкрепляется его связью в этом же фрагменте с «виноградом в соку», ведь «виноград в соку» суггестирует фрагмент «И, кровью набухнув венозной, Предзимние розы цветут» (Армения)<sup>164</sup> и, тем самым, снова тянет «венозную кровь». Тем самым, «гребень» устойчиво связывается с «тёмно-красно-лиловой» цветовой гаммой венозной крови, что и придаёт ему **лиловую** окраску.

### 13.5. О смыслах последней (8-й) строфы Стансов.

И не ограблен я и не надломлен,  
Но только что всего переогромлен...  
Как Слово о Полку, струна моя туга,  
И в голосе моем после удушья  
Звучит земля – последнее оружие –  
Сухая влажность черноземных га!

**Боян бо** вещей, аще кому хотяше песнь творити...  
*Слово о полку Игореве*

13.5.1. Посмотрим «попристальнее» на начало 8-й строфы: «И не о-**ГРАБ**-лен я...». Здесь рутинная для Мандельштама семантическая обработка консонантного набора [GRB]<sup>165</sup> даёт более релевантный, чем «грабёж», смысл: «я всё-таки жив, не положен в **гроб**, в **могила** (нем. **Grab** = ‘могила’)».

<sup>164</sup> Дело в том, что здесь работает русс.-нем. связь: РОЗЫ = Rosen ‘розы’ → (пар.) Rosine(n) ‘изюм, сухой виноград’ → (асс.) «виноград».

<sup>165</sup> См. комментарии к стих. «К немецкой речи» в П7.

13.5.2. Вся строфа является очевидной стёбной «ответкой» на пафосную строфу из поэмы Л. Длигача «Слово о деревне», опубликованной чуть ранее в февральском номере «Нового мира», которую М, видимо, воспринял как нападение на себя:

**Я** вижу: в миллионы **га**  
Расчерчена страна.  
**Я** в **песне** познаю врага –  
Его **последняя струна** –  
Еще **туга**<sup>166</sup>.

Скрытая насмешка в «ответке»<sup>167</sup> связана со специфическим отношением четы Мандельштамов к Длигачу, с которым они были хорошо знакомы ещё по Москве и которого (как можно понять из мемуарных текстов) презирали и опасались, считая его, видимо, одним из многочисленных трусливых и склонных к доносительству комсомольских графоманов типа «картонно-гиревика» Безыменского и т. д.<sup>168</sup>

Мандельштам как бы говорит здесь Длигачу (и всем длигачам): ты меня считаешь врагом? Да, я твой враг, бойся меня, я «аудиальный» террорист, моё оружие – голос (устное слово, песня), и в нём звучит «террор», потому что в нём звучит ЗЕМЛЯ (= TERRA!) и ВОЛЯ<sup>169</sup>, в нём звучит «чёрный (ЧЕРНОЗЕМНЫЙ) передел»<sup>170</sup>, и даже продолжает звучать «ТУГАЯ СТРУНА БО»<sup>171</sup>!

<sup>166</sup> Соответствие этих строф подробно разбирает Д. Лахути в [38, с. 143–146]. Мне представляется, что Д. Лахути всё же слишком «серьёзно» воспринял этот, в общем, достаточно оптимистический стёб Мандельштама.

<sup>167</sup> Чего стоит одно только стёбное сравнение своего творчества со Словом о Полку! Отметим здесь же, что «струна туга» суггестирует использование «струны» в качестве детали оружия типа тетивы лука и немедленно отсылает к известной метафоре А. Белого: «Мы должны – “струны лиры натянуть на лук тетивой”», см. напр. *Белый А.* Начало века. М., 1933 (конец главки «Вячеслав Иванов»).

<sup>168</sup> См. о Длигаче в Основном тексте, пп. 4.1.2 и 4.2.

<sup>169</sup> «Комочки влажные моей земли и воли».

<sup>170</sup> «Измеряй меня, край, **перекраивай**».

<sup>171</sup> Как в начале Слова о Полку, см. эпиграф к п. 13.5.

**П14. Бежит волна-волной... (июнь 1935).**

Бежит волна-волной, волне хребет ломая,  
 Кидаясь на луну в невольничьей тоске,  
 И янычарская пучина молодая,  
 Неусыпленная столица волновая,  
 Кривеет, мечется и роет ров в песке.  
 А через воздух сумрачно-хлопчатый  
 Неначатой стены мерещатся зубцы,  
 А с пенных лестниц падают солдаты  
 Султанов мнительных – разбрызганы, разъяты –  
 И яд разносят хладные скопцы.

«В стихах 30-х годов есть <...> сознательная зашифровка смысла. В Воронеже к нам однажды пришел «любитель стихов» полувоенного типа <...> и долго любопытствовал, что скрывается под «Бежит волна волной, волне хребет ломая» – «Уж не про пятилетки ли?» О.М. рассказывал по комнате и удивленно спрашивал: «Разве?»... «Как быть, – спросила я потом О.М., – если они во всем будут искать **скрытый смысл?**» – “Удивляться”, – ответил О.М.»

*Н. Мандельштам. Воспоминания*

**Реконструкция смысла:** отстранённая и «примирительная» рефлексия (после рассказа жены о телефонном разговоре Сталина с Пастернаком) о Москве, власти, Сталине, своих с ним отношениях, своей жизни и т. п.<sup>172</sup>.

**П15. Как землю где-нибудь небесный камень будит... (январь 1937).**

Как землю где-нибудь небесный камень будит  
 Упал опальный стих, не знающий отца.

Неумолимое – находка для творца –  
 Не может быть другим, никто его не судит.

**Реконструкция смысла:** рефлексия о «неизбежности» создания Эпиграммы и об «ответственности» за неё, см. комментарии в Основном тексте, п. 4.5.

<sup>172</sup> См. подробные комментарии в Основном тексте, п. 4.4.2–4.4.3.

## Список литературы

- [1] *Фролов Д.* Манделъштам и мусульманский Восток // «Сохрани мою речь...». М., 2008. Вып. 4/2. С. 424.
- [2] *Видгоф Л.* Москва Манделъштама. М., 2006.
- [3] *Городецкий Л.* Квантовые смыслы Осипа Манделъштама: семантика взрыва и аппарат иноязычных интерференций. М., 2012.
- [4] *Манделъштам Н.* Воспоминания. М., 1989.
- [5] *Тоддес Е.* Антисталинское стихотворение Манделъштама (К 60-летию текста) // Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1994.
- [6] *Нерлер П.* Слово и «дело» Осипа Манделъштама. М., 2010.
- [7] *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998.
- [8] *Одоевцева И.* На берегах Невы. М., 1988.
- [9] *Манделъштам Н.* Вторая книга. М., 1999.
- [10] *Мец А.* Осип Манделъштам и его время: анализ текстов. СПб., 2005.
- [11] *Лекманов О.* Осип Манделъштам. М., 2004.
- [12] «Сохрани мою речь...». М., 2000. Вып. 3/2.
- [13] *Манделъштам О.* Собр. соч. в 4 т. / Сост. Нерлер П. и др. М., 1993–1994. Т. 1.
- [14] *Лекманов О.* Осип Манделъштам. М., 2009.
- [15] *Манделъштам О.* Собр. соч. в 4 т. / Сост. Нерлер П. и др. М., 1993–1997. Т. 4.
- [16] *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946) // Вопросы литературы. 2003. № 4.
- [17] *Манделъштам О.* Собр. соч. в 4 т. / Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. М., 1991. Т. 3–4.
- [18] *Манделъштам О.* Сочинения в 2 т. / Сост. Нерлер П. М., 1990.

- [19] Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О. Э. Мандельштаме». СПб., 1997.
- [20] *Фигурновы О. и М.* Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М., 2001.
- [21] *Герштейн Э.* Мемуары. М., 2002.
- [22] *Мандельштам Н.* Третья книга / Сост. Ю. Фрейдин. М., 2006.
- [23] *Мандельштам О.* Собр. соч. в 4 т. / Сост. П. Нерлер и др. М., 1993–1994. Т. 3: Стихи и проза.
- [24] *Шапорина Л.* Дневник. В 2 т. М., 2012.
- [25] *Шенталинский В.* Рабы свободы: документальные повести. М., 2009.
- [26] *Мандельштам О.* Собр. соч. в 4 т. / Сост. П. Нерлер и др. М., 1993–1994. Т. 2.
- [27] *Мандельштам О.* Полное собр. соч. в 3-х т. / Сост. А. Мец. М., 2009. Т. 3.
- [28] *Мандельштам Н.* Собр. соч. в 2 т. Екатеринбург, 2014.
- [29] *Сталин И.* Беседа с английским писателем Г. Уэллсом. М.-Л.: ГИЗ политической литературы, 1939.
- [30] «Сохрани мою речь...». М., 2008. Вып. 4/1 и 4/2.
- [31] *Городецкий Л.* Текст и мир на листе Мебиуса: языковая геометрия Осипа Мандельштама. М., 2008.
- [32] *Хлебников В.* Собр. произведений в 5 т. Л., 1928–1933.
- [33] Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянской, П. Мицнера. 2-е изд., испр. и доп. Toronto: TSQ, 2016.
- [34] *Вайман Н., Рувин М.* Шатры страха. Разговоры о Мандельштаме. М., 2011.
- [35] Осип Мандельштам. «Камень». Л., 1990.
- [36] *Костырченко Г.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2003.
- [37] «Сохрани мою речь...». М., 2011. Вып. 5/2.
- [38] *Лахути Д.* Образ Сталина в стихах и прозе Мандельштама. М., 2008.
- [39] *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2002.
- [40] *Левин Ю.* Избранные труды. М., 1998.

- [41] *Архипова А., Мельниченко М.* Ранние анекдоты о Сталине // Вестник РГГУ. № 9. 2009.
- [42] *Тименчик Р.* Что вдруг: статьи о русской литературе прошлого века. М., 2008.
- [43] Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991.
- [44] Исследования по структуре текста / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М., 1987.
- [45] Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона/ Сост. Балдаев Д. и др. Одинцово, 1992.
- [46] *Липкин С.* Квадрига. М., 1997.
- [47] *Шенталинский В.* Преступление без наказания. М., 2007.

*Городецкий Лев Рафаилович*

ПУЛЬСА ДИ-НУРА ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА:  
ПОСЛЕДНИЙ ТЕРРОРИСТ БО

Редактор *Н. Заикина*  
Компьютерная верстка *И. Пичугин*

Отзывы на книгу можно присылать по адресу:  
[levgorod22@yandex.ru](mailto:levgorod22@yandex.ru)